

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ и право

№ 3 (53) · 2021
ISSN 2219-6242

ISSN 2219-6242

DOI 10.35854/2219-6242

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

№ 3 (53) · 2021

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО № 3 (53) • 2021

Главный редактор

СМЕШКО О. Г. — ректор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор экономических наук, доцент

Заместитель главного редактора

КОСТИН Г. А. — проректор по науке и цифровизации Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации, доктор технических наук, доцент

Редакционный отдел

ПОКРОВСКАЯ Н. Н. — доктор социологических наук, профессор

РЫБКИНА М. В. — доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

АГАЕВ Г. А. о. — профессор кафедры уголовного права и таможенных расследований Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор

БЕРГМАНН В. — член ученого совета Европейской академии наук и искусств, руководитель рабочей группы форума «Петербургский диалог» с германской стороны, доктор юридических наук, профессор

БОЕР В. М. — декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ

БРАЗЕВИЧ С. С. — профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор

БУГЕЛЬ Н. В. — профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

ВОСКРЕСЕНСКАЯ Е. В. — директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

ЕЛИСЕЕВА И. И. — руководитель сектора Социологического института РАН (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ

ЖИЛЬСКИЙ Н. Н. — заведующий кафедрой правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

КОСАРЕВ С. Ю. — заведующий кафедрой криминалистики Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор юридических наук, профессор

КОСТИН Р. А. — заместитель директора по учебной работе Санкт-Петербургского техникума отраслевых технологий, финансов и права, доктор социологических наук, профессор

МАЛЬКО А. В. — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

МАРГУЛЯН Я. А. — профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор

МАРКОВ А. А. — профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор социологических наук, профессор

МИШАЛЬЧЕНКО Ю. В. — профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор юридических наук, профессор

ОГАНЕСЯН С. М. — профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

СИЛИНА Е. В. — профессор кафедры гражданского процессуального права Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, доцент

ЦЫПЛЯЕВ С. А. — полномочный представитель Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат физико-математических наук

Адрес редакции:
190103, Санкт-Петербург,
Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 449-08-33
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

© Коллектив авторов, 2021
© Санкт-Петербургский университет
технологий управления
и экономики, 2021

SOCIOLOGY AND LAW № 3 (53) • 2021

Chief Editor

SMESHKO O. G. — Doctor of Economics, Associate Professor

Deputy Chief Editor

KOSTIN G. A. — Vice Rector for Science and Digitalization St. Petersburg State University of Civil Aviation, Associate Professor, Correspondent

The Editorial Department

POKROVSKAYA N. N. — Doctor of Social Sciences, Professor

RYBKINA M. V. — Doctor of Law, Professor

Editorial Board

AGAEV G. A. o. — Professor of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor

BERGMANN B. — Member of the Academic Council of the European Academy of Sciences and Arts, Head of the Science and Education Working Group of the Petersburg Dialogue Forum from the part of Germany, Doctor of Law, Professor

BOER V. M. — Dean of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured Worker of Higher Education of the Russian Federation

BRAZEVICH S. S. — Professor of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Sociology, Professor

BUGEL' N. V. — Professor of St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation

VOSKRESENSKAYA E. V. — Director of the Institute of Law of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

ELISEEVA I. I. — Head of Department of Sociology Institute of RAS, Doctor of Economics, Professor, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences, Honoured Scientist of the Russian Federation

ZHIL'SKIY N. N. — Head of Department of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation

KOSAREV S. Yu. — Head of Department of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor

KOSTIN R. A. — Deputy Director for Academic Affairs of the St. Petersburg Technical School of Industry Technologies, Finance and Law, Doctor of Sociology, Professor

MAL'KO A. V. — Professor of Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation

MARGULYAN Ya. A. — Professor of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Sociology, Professor

MARKOV A. A. — Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Sociology, Professor

MISHAL'CHENKO Yu. V. — Professor of St. Petersburg State Marine Technical University, Doctor of Law, Professor

OGANESYAN S. M. — Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

SILINA E. V. — Professor of Russian State University of Justice (St. Petersburg), Doctor of Law, Associate Professor

TSYPLYAEV S. A. — Authorized Representative of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Ph. D. in Physical and Mathematical Sciences

Editorial Office:

44A Lermontovskiy Ave,
St. Petersburg, 190103, Russia
Phone: (812) 449-08-33
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

© Team of Authors, 2021

© Saint Petersburg University
of Management Technologies
and Economics, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>Покровская Н. Н., Сметанина Т. В., Шелонаев С. И.</i> Социальные взаимодействия в партисипативных моделях распределенных сетей: актуализация понятий в условиях цифровых трансформаций.....	6
<i>Нордлунд Е. И., Келасьев В. Н., Перова И. Л.</i> Социальная компетентность новой социальной группы — предпенсионеров — в условиях современной России...	19
<i>Чередниченко Е. Е.</i> Коррупция: молодежный взгляд на проблему	28
<i>Шульгина Е. В.</i> Об усилении ответственности за наркопропаганду в интернете...	35
<i>Дивеева К. А.</i> Социологический анализ портрета личности экстремиста	40

Право в жизни государства и личности

<i>Бородин В. В., Фурман Ф. П., Фурман Т. Г.</i> Необходимость существования идеологии в государстве и невозможность права существовать без идеологии .	45
<i>Зернов А. О., Воскресенская Е. В., Индык К. П.</i> Теоретическая и практическая значимость сравнительного правоведения в развитии международного права..	53
<i>Рыбкина М. В., Фомин Р. А.</i> Действие принципов гражданского права в семейных правоотношениях	58
<i>Рожкова А. К., Черных А. Б.</i> К вопросу о сущности государственной безопасности: опыт Российской Федерации и Китайской Народной Республики.....	63
<i>Ратникова О. Д., Харин В. В., Маторина О. С.</i> Особенности применения компьютерно-технической экспертизы в целях обеспечения доказательной базы в уголовном судопроизводстве	71
<i>Карпеева Е. В.</i> Некоторые аспекты процессуального положения несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, в гражданском процессе	77
<i>Кирюшкина Е. И.</i> Основные направления оптимизации уголовной ответственности в сфере защиты сотрудника органов внутренних дел	88
<i>Иншакова Е. А.</i> К вопросу об особенностях разделения административной ответственности при нарушениях требований пожарной безопасности.....	94
<i>Левин В. В.</i> Особенности конституционно-правовой модели судопроизводства в Российской Федерации.	99

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>Pokrovskaja N. N., Smetanina T. V., Shelonaev S. I.</i> Social Interactions within Participative Models of Distributed Networking: Updating Concepts in the Context of Digital Transformation	6
<i>Nordlund E. I., Kelasev V. N., Pervova I. L.</i> Social Competence of a New Social Group – Pre-Retirees in Modern Russia	19
<i>Cherednichenko E. E.</i> Corruption: A Youth View of the Problem	28
<i>Shul'gina E. V.</i> On Strengthening Responsibility for Drug Propaganda on the Internet	35
<i>Diveeva K. A.</i> Sociological Analysis of the Profile of Extremist	40

The Law in a State and Person Life

<i>Borodin V. V., Furman F. P., Furman T. G.</i> The Need for the Existence of Ideology in the State and the Impossibility of the Right to Exist Without Ideology	45
<i>Zernov A. O., Voskresenskaya E. V., Indyk K. P.</i> Comparative Jurisprudence in the Development of International Law	53
<i>Rybkina M. V., Fomin R. A.</i> The Operation of the Principles of Civil Law in Family Legal Relations	58
<i>Rozhkova A. K., Chernykh A. B.</i> On the Essence of State Security: The Experience of the Russian Federation and the People's Republic of China ...	63
<i>Ratnikova O. D., Kharin V. V., Matorina O. S.</i> Features of the Use of Computer-Technical Expertise in Order to Provide an Evidence Base in Criminal Proceedings	71
<i>Karpeeva E. V.</i> Some Aspects of the Procedural Situation of Minors Left Without Parental Care in Civil Proceedings	77
<i>Kiryushkina E. I.</i> The Main Directions of Optimization of Criminal Liability in the Field of Protection of Internal Affairs Officers	88
<i>Inshakova E. A.</i> On the Issue of the Specifics of the Division of Administrative Responsibility in Case of Violation of Fire Safety Requirements	94
<i>Levin V. V.</i> Features of the Constitutional Legal Model of Legal Proceedings in the Russian Federation	99

Покровская Н. Н., Сметанина Т. В., Шелонаев С. И.

Социальные взаимодействия в партисипативных моделях распределенных сетей: актуализация понятий в условиях цифровых трансформаций

Pokrovskaya N. N., Smetanina T. V., Shelonae S. I. Social Interactions within Participative Models of Distributed Networking: Updating Concepts in the Context of Digital Transformation

В статье показано, что социологический анализ современных социальных практик, коммуникаций и взаимодействия участников сообществ, локальных и виртуальных групп опирается на ряд методологических подходов, которые нуждаются сегодня в переосмыслении в связи с цифровыми трансформациями общественных процессов и структур. Установлено, что социально-управленческие подходы, применявшиеся в эпоху традиционного и современного общества (модернити) не всегда соответствуют задачам и социальной реальности пост-современного информационного общества («метамодерна»). В этих условиях, по мне-

Sociological analysis of up-to-date social practices, communication and interaction forms among community members, local and virtual groups is based on a number of methodological approaches that need to be re-conceived today in connection with the digital transformations of social processes and structures. Socio-managerial approaches used in the era of traditional and modern society (modernity) do not cover the total social reality and do not reply to the tasks and social practices of the post-modern information society (“meta-modernity”). In these conditions, the rethinking is required for the implementation of the basic concepts such

Покровская Надежда Николаевна — профессор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, профессор кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина), профессор кафедры экономики и управления социально-экономических систем Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

Сметанина Татьяна Владимировна — доцент кафедры государственного, муниципального и социального управления Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, доцент, кандидат экономических наук.

Шелонаев Сергей Игоревич — профессор, заведующий кафедрой журналистики и медиатехнологий СМИ Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Института философии человека Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, доктор социологических наук, доцент.

© Покровская Н. Н., Сметанина Т. В., Шелонаев С. И., 2021

нию авторов, следует переосмыслить такие базовые понятия, как демократические инструменты государственного регулирования, отвергаемые Платоном и Аристотелем и затем снова предложенные на очередном витке социального развития К. Поппером. Понятие партисипативности, вернувшееся в социологический, социально-антропологический и социально-экономический дискурс в середине XX в., нуждается в развитии в эпоху тотальной цифровизации, дополнительно ускоренной мерами социальной изоляции ввиду пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией COVID-19 (переходом на удаленную работу, расширением онлайн-сервисов и др.). Авторами статьи предпринята попытка выявить и охарактеризовать новые аспекты термина «партисипативность» применительно к пониманию моделей распределенных сетей экономических отношений (*sharing*) и в целом к цифровым формам социальных коммуникаций в обществе.

Ключевые слова: социальная коммуникация, сетевое взаимодействие, партисипативность, цифровизация, распределенные модели, интерактивность.

as democratic instruments of state regulation, once rejected by Plato and Aristotle and then again proposed at a new round of social development by K. Popper. The concept of participation, which returned to sociological, socio-anthropological and socio-economic discourse in the middle of the twentieth century, needs to be developed in the era of total digitalization, additionally accelerated by measures of social isolation in connection with the pandemic (the transition to remote work, the expansion of online services, etc.). The article attempts to present new aspects of the concept of participation in relation to understanding the models of distributed networks of economic relations (*sharing*) and, in general, to digital forms of social communications in society.

Keywords: social communication, network interaction, participation, digitalization, distributed models, interactivity.

Ситуация, связанная с участием индивидов и групп в разнообразных социальных структурах и процессах, существенно трансформировалась во второй половине XX в. В послевоенный период процессы гуманизации и распространения массового образования привели к изменениям в обществе, в том числе переходу от национального государства с его центральной ролью к гражданскому обществу и наднациональному регулированию, а также к изменениям форм самоорганизации и самоуправления индивидов и групп.

В 1950–1970 гг. в социально-экономической литературе стремительно возникают и становятся популярными среди ученых и практиков (специалистов социологии, государственного управления, менеджмента частного бизнеса) такие понятия, как партисипативное управление, солидарность, справедливость (например, теория справедливости в менеджменте Дж. С. Адамса [1] и социологии Дж. Роулза [2]), электронное правительство и электронная демократия, распределенные сети, поведенческие модели викиномики [3] и др. Изменение формата и содержания социальных взаимодействий привело к возникновению альтернативных форм регулирования поведенческих моделей социального действия и организации разнообразных ресурсных потоков [4]. Среди них — появление блокчейна, в частности умных контрактов на блокчейн-платформах и криптовалют как замены фиатным деньгам (традиционно эмитируемым государством и опирающимся на доверие граждан к государству, что находит отражение в наименовании банкнот «кредитные билеты», от лат. *credo* — «доверяю»), в рамках которых инвестиции и вклады в социальные проекты осуществляются на основе индивидуальных коммуникаций типа *p2p* [5] (*peer-to-peer* — «от соседа к соседу» или *person-to-person* — «в межличностном формате»).

В настоящей статье нами рассмотрены вопросы актуализации и операционализации понятийно-терминологического аппарата предметного поля социологического, социально-политического и социально-экономического знания в сфере изучения партисипативных моделей организации социального действия относительно новой цифровой реальности, в которой коммуникация молодого (а в связи с пандемией в большей мере и старшего) поколения осуществляется в мире социальных сетей, поведение и деятельность проходят в условиях удаленной работы через разнообразные цифровые каналы. Модели принятия решений усложняются, опираясь на уникальную экспертизу, мотивацию и креативность ряда участников.

Понятие партисипативности представлено в различных областях научного знания, являясь междисциплинарным явлением, которое имеет глубокие корни, уходящие к ранним этапам исторического развития человека и становления цивилизации, от афинской демократии в ее высоком понимании (Платон и Аристотель трактовали ее как форму навязывания решений бедным большинством богатому меньшинству, осуждая такую форму ее применения [6]) до псковского и новгородского вече. Однако, чтобы доказать или опровергнуть подобные гипотетические допущения, целесообразно обратиться к терминологической базе, сформированной отечественными и зарубежными исследователями в различных областях знаний.

Понятие «партисипативность» (в ряде публикаций — «партиципативность» или «партиципаторность» [7; 8; 9]) основано на русифицированном произношении латинского слова *participatio*, означающего «участие». Значение данного термина по-разному раскрывается в спектре его применения, но корневая основа подразумевает культуру и модели участия или соучастия людей в достижении общих целей, решении общественных проблем. В зависимости от сферы применения получили распространение разнородные интерпретации партисипативности с учетом акцентов на процессах принятия решений, содержании выполняемой деятельности, социокультурных регулятивных механизмах формирования и контроля партисипативного поведения.

В научной среде понятие партисипативности впервые использовано в XX в. французским ученым, антропологом, философом и этнологом Л. Леви-Брюлем [10]. В процессе исследования жизнедеятельности и социализации человека в первобытном обществе он подчеркивает, что участие было одной из важнейших норм и закономерностей древнего общества. Им предложен «закон партиципации», предусматривающий сопричастность между отдельными индивидами или предметами в понимании первобытного общества. Л. Леви-Брюль подразумевал под партиципацией действия, основанные на коллективных представлениях об истинной природе вещей и событий, которые позволяли первобытному человеку объяснить те или иные явления [10].

Намеренный или ненамеренный вывод о невозможности разрешения сложных проблем, предотвращения коллективных рисков и достижения групповых и общественных стратегических целей в порядке индивидуального принятия решений, сделанный мыслителями (например, К. Поппером [11]), послужил импульсом для развития партисипативности как соучастия каждого члена общества в достижении той или иной цели, что обусловило целесообразность и эффективность разделения труда, дифференциации общества и построения различных форм социальной иерархии. Общества, сумевшие эффективно организовать свой социум, адаптироваться к жизни в обществе с теми или иными моделями соучастия, смогли решить стратегические задачи выживания и развития цивилизации путем проявлений партисипативности. Поэтому понимание закона партисипативности

Л. Леви-Брюля целесообразно расширить до понимания адаптационных стратегий [12] индивидов и групп.

Таким образом, партисипативность можно считать характеристикой, свойственной человеку в ходе развития и выживания социума, адаптации к внешней среде и использования внешних условий для достижения личных или общественных целей, улучшения качества жизни, повышения безопасности существования и развития общества.

С точки зрения современного государственного регулирования сущность понятия партисипативности отражена в самоуправлении и самоорганизации индивидов и коллективов на местном, региональном, национальном и наднациональном уровнях. Так, в работе А. Н. Агеевой отмечено, что в связи с развитием современного общества в мире наблюдается все большая заинтересованность граждан в управлении общественными делами [13]. Под партисипативностью А. Н. Агеева понимает активное участие граждан, их вовлеченность в управление общественными и государственными делами через социальное партнерство, сотрудничество с органами муниципальной и государственной власти в вопросах реализации прав граждан и формирования среды жизнедеятельности, в которой они проживают. А. Н. Агеева приводит несколько основных причин развития партисипативности: повышение уровня образования и значимости знаний; развитие институтов гражданского общества; возросшие требования граждан к качеству услуг органов местной и государственной власти, к которым можно отнести повышение осведомленности граждан и доступа к источникам информации; развитие ИКТ-технологий; глобализацию и цифровизацию общества.

Если предположить, что члены современного общества обладают более развитыми интеллектуальными характеристиками, то они более активно и инициативно воплощают собственные интересы в вопросах партисипативного решения проблем социально-экономического развития. Д. О. Куценко утверждает, что партисипативность является одним из ключевых элементов качественного государственного и муниципального управления англосаксонской, германской, французской и смешанных систем местного самоуправления [14]. Соответственно, в современной действительности государственное управление может успешно использовать партисипативный стиль и различные социальные технологии участия населения в государственном и муниципальном управлении [15].

Сегодня партисипативность представляет собой социальный процесс, с помощью которого граждане получают возможность участвовать в решении значимых социально-экономических вопросов путем реализации социального партнерства между гражданским обществом и государством. В политическом контексте партисипативность можно определить как «деятельность, которая предназначена или имеет следствием прямое или косвенное влияние на действия правительства» [16], гражданскую партисипативность (*civic engagement*) — как «индивидуальное и коллективное участие в общественно значимых, государственных делах» [17]. Близким по смыслу является анализ понятия «наделения властью» (*empowerment*) [18], которое употребляется в аналитических и научно-практических публикациях для обозначения процесса вовлечения определенных групп населения в процессы принятия значимых управленческих решений и развития регулирования на уровне локальных и региональных сообществ, вплоть до наднационального и глобального уровня регулятивных процессов [19].

С точки зрения современной экономики явление партисипативности прослеживается в такой экономической теории, как партисипаторная экономика (*participatory economics*, «парекон» [20]), всеобъемлющей модели, альтернативной современному капитализму и централизованному планированию в социализме.

Вопрос о будущей альтернативной экономической модели — это проблема направления развития общественных структур в условиях, когда капитализм и плановая экономика в их современном состоянии исчерпали и во многом дискредитировали себя [21].

Капитализм во всем разнообразии его форм выступал доминирующей системой в большинстве стран мира в течение последнего столетия. За последние десятилетия благосостояние и материальный уровень жизни многих групп населения повысился прежде всего в результате социально-политических и демократических движений по контролю над системой и противодействию жажде прибыли (*profit-driven business* как бизнес-модель, ориентированная только на доход без обязательств, без корпоративной социальной ответственности и участия в социальном обеспечении работников и иных лиц, которых затрагивает деятельность фирмы). Тем не менее сегодня глобальный социум сталкивается с такими общественными вызовами, как растущее неравенство между богатыми и бедными, экологические изменения, акцент на потребительство, повторяющиеся финансовые кризисы, все более длительный рабочий день и прекаризация труда [22; 23; 24], монополия власти и множество других нежелательных последствий, мешающих эффективной организации жизнедеятельности индивида и устойчивому развитию общества.

Большинство наемных работников имеют крайне низкий уровень контроля над своей трудовой жизнью. Вместе с тем крупные корпорации и лоббистские группы приобрели значительное влияние на политическую систему. Как показывают лозунги движения *оссиру* (в основном в США и англо-саксонских странах в ходе развития финансового кризиса 2009–2010 гг.), в частности «мы — 99 %», система продвигает интересы немногочисленной элиты выше подавляющего большинства и тем самым не только воплощает идеологию несправедливости, но и ведет общество к экологическим и социальным катастрофам (бедности, голоду, перенаселенности, недостатку природных ресурсов и т. д.) [25]. Так, в 1980-х гг. консервативный британский премьер-министр Маргарет Тэтчер заявила, что альтернативы существующей системе нет (*“TINA doctrine”, there is no alternative*). Часть экономического и социологического научного мира в ответ на эту догму утверждала, что другой мир возможен. Однако большинство из них до сих пор не могут представить последовательную и убедительную альтернативу.

В первой половине XX в. рабочие в разных частях мира оказали результативное противодействие формам государственного капитализма, требуя большей экономической справедливости (Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. в Российской империи, деятельность профсоюзов и политических партий в странах Западной Европы и Северной Америки) и более широкого контроля над своей трудовой жизнью. Одновременно в Советском Союзе и других частях мира возникла иная доминирующая система — социализм и экономика централизованного планирования. В рамках этой системы частная собственность на производственные активы заменена государственной, а конкурентные рынки — Госпланом. Привилегированный класс чиновников государственных ведомств («номенклатура») занял властное положение в обществе и, не допуская интеллектуальную элиту к управлению при доминировании социальной иерархии, основанной на nepoтизме (вместо меритократии), догматически и не критично воплощал принципы марксистской парадигмы (отражающей закономерности эпохи индустриализации), не адаптируя их к реальности постсовременного общества, что в итоге спровоцировало перекоc в сторону «производства средств производства» и оборонно-промышленного комплекса, что и привело в 1980-е гг. к «перестройке» и возврату к ценностям удовлетворения потребностей

людей как конечных потребителей. Основой недовольства народных масс, критики практиков и теоретиков внутри той или иной экономической модели всегда служила различная интерпретация социальной несправедливости (объяснение факторов перераспределения материальных ресурсов), отсутствие реального формата демократии как действительного соучастия в управлении государством и способа существования гражданского общества, участия граждан в решении общих проблем и достижении общих задач.

Партисипаторная экономика ориентирована на построение справедливого социального правового государства, которое, в свою очередь, является способом организации и существования гражданского общества [26; 27; 28]. Осуществление демократии в таких условиях будет представлять собой реальное участие, соучастие и причастность каждого индивида, групп и сообщества в целом в решении стратегических задач глобального, национального, регионального или местного уровня, в справедливом распределении как ответственности и обязанностей, так и ресурсов для реализации взаимодействия государственных структур и гражданского общества посредством социальных технологий партисипативности.

Таким образом, модель партисипативной экономики — это попытка сформулировать конструктивный ответ на вопрос об экономическом видении, более справедливом развитии общества и демократической экономики в будущем. С точки зрения проблематики настоящего исследования интересны основа и ключевые ценности указанной модели, имеющие социально направленный фундамент:

- самоуправление — принятие решений пропорционально степени воздействия на человека;
- справедливость — вознаграждение за вклад или личные усилия и пожертвования;
- солидарность — забота о благополучии других;
- разнообразие — признание права на процветание различных стилей жизни и результатов;
- эффективность — достижение целей с учетом ограничений времени и ресурсов;
- устойчивость — защита и забота о природной среде;
- работа, деятельность, сбалансированная по различным уровням возможностей и желательности;
- процедура планирования с участием всех заинтересованных сторон.

Интерес к перечисленным принципам основан на росте масштабности проблем социально-экономического характера и стремлении глобального общества к большей социальной справедливости в условиях, когда качество человеческого капитала (личные способности, таланты, творчество, изобретательство, навыки исследований и готовность длительно учиться) определяет успешное развитие общества в условиях инновационной экономики знаний [29; 30; 31].

С социологической и социально-управленческой точки зрения партисипативность следует рассматривать как социальное явление [32; 33]. С методологических позиций партисипативность позволяет преодолеть разобщенность повседневного восприятия социальной реальности и научно-теоретического анализа [32]. Кроме того, данное понятие отражает характер коллективной деятельности, подразумевающей многочисленность форм участия и разнородность категорий участников при общности интересов, что позволяет получать синергетический эффект от социальной интеракции.

Специфика партисипативной деятельности как социального явления формирует «зонтичный» характер понятия, в котором находят взаимное согласие

индивидуальная и социальная реальности, личностная и общественная плоскости взаимодействия, личные интересы и цели социума, персональная и коллективная ответственность за действия и их результаты. Этот вывод базируется на глубоком и всестороннем анализе явления партисипативности как социального процесса. Проведенный социологический анализ данного явления в разных аспектах жизнедеятельности человека и общности позволил обнаружить широкий пласт методологического базиса для осмысления партисипативной проблематики как социального процесса и предмета социологического, социально-экономического анализа [32].

Классическая социология сформировала методологическую основу для изучения партисипативности как проявления активной позиции городского населения в вопросах преобразования городской среды. Во-первых, методологический корпус включает в себя теорию социального действия М. Вебера, заложившего фундамент изучения повседневности в контексте социальных практик [34; 35; 36; 37]. Во-вторых, это — теория социальной солидарности Э. Дюркгейма, получившая в настоящее время развитие в социологии сплоченности и включенности [38; 39; 40]. Акторы (действующие лица) придают своим социальным действиям субъективный смысл и строят их исходя из взаимной ориентации [41; 42; 43; 44]. Действия индивида выступают в качестве базовых единиц образования социальных процессов, явлений, объединений. При этом в социальных действиях людей сконцентрирована направленность их интереса и осмысленность мотивов [45; 46; 47].

Партисипативность как индивидуальное социальное действие служит следствием пробуждения определенного интереса городского жителя к общественной реальности как социальному факту городской жизни и образования мотива действия по удовлетворению этой заинтересованности. Проблемный характер проживания в городах, проникновение этих проблем в повседневное взаимодействие горожан формируют истоки солидарного участия горожан — индивидуально-частные интересы образуют коллективные действия-процессы на локальной территории тесных социальных интеракций [48; 49; 50].

Явление партисипативности в современном обществе прослеживается и с точки зрения взаимодействия граждан в условиях рыночных отношений. Для анализа сущности этого явления в области взаимоотношений продавца и потребителя товара или провайдера и пользователя услуг как одного из проявлений партисипативности обратимся к историко-генетическому подходу и рассмотрим пример устройства общественных отношений одного из древнейших городских поселений человека — Чатал-Хююка, датированного керамической эпохой неолита и энеолита, самые ранние слои которого относятся к 7400 г. до н. э. Особенность такого поселения заключается в отсутствии признаков заметной разницы между жизнью богатых и бедных, отсутствии административных сооружений: дома местных жителей были приблизительно одинаковыми, но каждая семья имела возможность независимого существования [51; 52]. Вероятно, поселение не имело централизованного управления, однако активно развивалось на протяжении 2000 лет. Это может служить примером роли партисипативности как инструмента организации человеческого общества.

Одно из проявлений партисипативности сегодня — современные шеринг-платформы (*sharing platforms*) *Uber* или *Airbnb*. Модель социально-экономического поведения «распределенного потребления» основана на том, что товары и услуги используются коллективно, на условиях бартера или аренды, в этих взаимодействиях могут участвовать и индивиды, и корпорации [53]. С начала 2000-х гг. парадигма экономики «распределенного потребления» (*sharing economy*)

получила широкое распространение в качестве обобщающего термина, описывающего культурную, технологическую и экономическую трансформацию, вызванную инновациями в сфере информационно-коммуникационных технологий [54]. Распространение фундаментальной идеологии экономического поведения на основе совместного использования благ влияет на ряд политических инициатив в области цифровизации, экономического роста, образования и социальных стандартов [55; 56; 57]. Возникает понятие “network governance”, то есть сетевого управления [58], отражающее новые формы регулятивных механизмов [59], адаптированные к современной социальной реальности.

Цифровизация изменяет характер взаимодействия в обществе, в частности посредством социальных сетей, которые ряд авторов описывают, используя термин “participatory media” [60] («соучастные медиа» или «партиципативные средства коммуникации»). Нередко цифровые медиа характеризуются как средства участия: пользователи реализуют ресурсы цифровых медиа для участия в политической, профессиональной, образовательной и социально-культурной деятельности [61; 62]. Очевидна роль партиципативных медиа в создании социального капитала («где участники чувствуют некоторую степень социальной связи друг с другом» [63]), поскольку их объединяет социокультурная идентификация [64] и сходное определение своей идентичности через принадлежность к одной социальной сети и аналогичным онлайн-сообществам. В свою очередь, онлайн-партиципативность включает в себя понятие *UGC* (*user generated content*, пользовательский контент), так как создание и распространение этого содержания происходит в интернете, и оно адресовано определенной целевой аудитории для достижения общей социальной цели [65]. Тем самым явление партиципативности в современных реалиях приобретает цифровой характер, а технологии, на которых основано функционирование партиципативных медиа, увеличивают возможности и доступ массовых категорий населения к реализации принципов партиципативности при решении значимых государственных и общественных вопросов.

Феномен такого социального явления, как партиципативность, необходимо дифференцировать для дальнейшего изучения возникающих в рамках его осуществления взаимодействий. В этом контексте целесообразно выявить критерии различения и факторы развития социальной среды в рамках принципа партиципативного управления и самоуправления, поскольку разные среды характеризуются набором ценностей и социальных установок, отражая специфический габитус [66], который служит одновременно и продуктом социальных условий (объективированных предыдущих практик), и средством, управляющим поведением индивида в обыденных ситуациях, изменяющим и упорядочивающим поведение индивида (средством объективирования практик). Иными словами, повседневная деятельность городского жителя как «потребителя» городской среды, сформировавшаяся в определенных условиях жизни, воспроизводит привычный паттерн действий. Изменяемость городской жизни и нарушение рутинизации повседневных социальных практик подталкивает индивидов к необходимости создания новых моделей социальных действий, которые бы сняли противоречия в городской жизнедеятельности.

Партиципативность в современном обществе, подверженном повышенной урбанизации и цифровизации, должна быть построена на четком и дифференцированном понимании уровней и форм участия. Динамика партиципативности варьируется в зависимости от степени вовлеченности в социальные отношения в рамках того или иного сообщества, различных целей (например, работа или отдых), определяющих спрос на те или иные услуги. Растет информированность участников в обсуждении проблемных вопросов, а институты электронной демо-

кратии дают дополнительный инструмент для волеизъявления горожан и граждан. Таким образом, партисипативность проявляет себя как право человека на выражение собственных интересов и действий, эффективная реализация которого происходит благодаря приумножению участников-субъектов права. Поэтому под городской партисипативностью можно понимать активное участие горожан в решении проблем городского благоустройства, вопросов развития городского пространства в интересах городских жителей, которое в совокупности является выражением прав человека в управлении городом [67; 68; 69]. Динамика институционализации партисипативности наблюдается на протяжении периода от осмысления потребности в преобразовании городской жизни через придание совместному действию, общим интересам и целям горожан ценностного характера до формирования традиции участия в жизни города, его облагораживания, формирования привычности и признания нормы данной деятельности.

Для активизации партисипативности и стимулирования включенности сегодня широко используются разнообразные формы вовлечения и распределения ответственности [70], геймификации и придания дополнительного ценностно-смыслового содержания [71], мобилизации соратников, а также применения разнообразных форм передачи позитивного опыта и снижения негативных впечатлений [72; 73]. Можно сделать вывод о том, что социологический анализ партисипативности как подхода к организации социальных взаимодействий и настройки коммуникаций в рамках физического и цифрового присутствия сегодня отражает и урбанизированные социальные практики, и модели распределенных сетей, в которых индивиды и группы способны в большей мере, нежели это предполагали афинские мыслители, реализовать достоинства демократии на основе информированности, более высокого уровня образования и готовности проявлять социальную активность для улучшения условий своей жизнедеятельности.

Литература

1. *Adams J. S. Inequality in social exchange // Advanced Experimental Psychology. 1965. Vol. 62. P. 335–343.*
2. *Rawls J. B. A Theory of Justice. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1971. 560 p.*
3. *Бойко С. В., Покровская Н. Н., Слободской А. Л., Спивак В. А. Социально-экономические вопросы мотивации сотрудников в условиях удаленной и распределенной работы // Социология и право. 2021. № 1 (51). С. 6–17. DOI: 10.35854/2219-6242-2021-1-6-17*
4. *Захаров Н. Л. Организационное поведение государственных служащих. М.: ИНФРА-М, 2014. 237 с.*
5. *Pokrovskaja N. N. Tax, financial and social regulatory mechanisms within the knowledge-driven economy. Blockchain algorithms and fog computing for the efficient regulation // Proceedings of 2017 20th IEEE International Conference on Soft Computing and Measurements, SCM 2017. IEEE Explore, 2017. P. 709–712.*
6. *Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376–644.*
7. *Секун В. И. Партиципативное управление и демократия // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 70–75.*
8. *Гарин А. К., Покровская Н. Н. Партиципативное конструирование коммуникационного пространства: инди-игра minecraft как реализация концепции распределенных сетей // Технологии PR и рекламы в современном обществе: материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. И. Р. Тростинской. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018. С. 104–108.*

9. Стародубцева М. Н., Чистякова М. Г. Партиципаторный музей в контексте искусства соучастия // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 12 (434). С. 105–110. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-11214
10. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-пресс, 1994. 602 с.
11. Popper K. R. The Open Society and Its Enemies. Vol. 1. The Spell of plato. London and Henley: Plato Routledge and Kegan Paul, 1945. 448 p.
12. Бурова Н. В., Покровская Н. Н. Эволюция личных адаптационных стратегий в период посткризисного развития экономики и переориентация коммуникационной политики международных образовательных программ // Маркетинг взаимодействия и технологии пространственно-системной экономики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под науч. ред. Г. Л. Багиева, О. У. Юлдашевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2015. С. 74–81.
13. Агеева А. Н. Партиципативные социальные технологии принятия муниципальных управленческих решений в зарубежных странах // Juvenis scientia. 2017. № 8. С. 38–41.
14. Куценко Д. О. Анализ политико-правовых моделей организации местного самоуправления // Управленческое консультирование. 2020. № 5 (137). С. 154–165. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-5-154-165
15. Дорошенко Н. Н., Капица С. И., Покровская Н. Н. Модернизация социальной политики государства и реформирование социально-управленческих технологий // Социология и право. 2013. № 4 (21). С. 20–35.
16. Brady H. E., Verba S., Schlozman K. L. Beyond SES: A Resource Model of Political Participation // The American Political Science Review. 1995. Vol. 89. No. 2. P. 271–294. DOI: 10.2307/2082425
17. Brint S., Levy C. S. Professions and civic engagement // Civic engagement in American democracy / eds. T. Skocpol, M. P. Fiorina. Washington, D. C.: Brookings Institution Press, 1999. P. 163–210.
18. Perkins D. D., Brown B. B., Taylor R. B. The ecology of empowerment: Predicting participation in community organizations // Journal of Social Issues. 1996. Vol. 52. No. 1. P. 85–110. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1996.tb01363.x
19. Pokrovskaja N. N. National and supra-national financial regulatory architecture: transformations of the Russian financial system in the Post-Soviet period // Financial Development, Economic Crises and Emerging Market Economies / ed. F. Ülgen. London, UK: Routledge, 2017. P. 206–222.
20. Albert M. Parecon: Life After Capitalism. London: Verso, 2003. 311 p.
21. Albert M. Realizing Hope: Life beyond Capitalism. London: Zed Books, 2014. 198 p.
22. Бурова Н. В., Конопляник Т. М., Покровская Н. Н. Формы занятости высококвалифицированных специалистов промышленности: влияние прекаризации на интеллектуальный капитал // Планирование и обеспечение подготовки кадров для промышленно-экономического комплекса региона. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», 2019. Т. 1. С. 95–98.
23. Roy K. M., Tubbs C. Y., Burton L. M. Don't have no time: Daily rhythms and the organization of time for low-income families // Family Relations. 2004. Vol. 53. No. 2. P. 168–178. DOI: 10.1111/j.0022-2445.2004.00007.x
24. Wei F., Alushev R. S., Pokrovskaja N. N. Global harmonization of tax regulation within digital economy of knowledge: textbook. St-Petersburg: SSUE, 2019. 79 p.
25. Albert M., Hahnel R. The Political Economy of Participatory Economics. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1991. 144 p.
26. Cooley C. H. Human Nature and the Social Order. New York: Charles Scribner's Sons, 1922. 460 p.
27. Дьюи Дж. Демократия и образование / пер. с англ. Н. М. Никольского. М.: Педагогика-пресс, 2000. 382 с.
28. Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Территория будущего, 2011. 208 с.
29. Asanov I. A., Pokrovskaja N. N. Digital regulatory tools for entrepreneurial and creative behavior in the knowledge economy // Proceedings of the 2017 International Conference

- “Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies”, IT and QM and IS. New York: IEEE Explore, 2017. P. 43–46. DOI: 10.1109/ITMQIS.2017.8085759
30. *Davis S. M., Botkin J. W.* The Coming of Knowledge-Based Business // Harvard Business Review. September — October 1994. P. 165–170.
31. *Zakharov N., Kuznetsov A., Perfil'yeva M.* The impact of Industry 4.0 on the labour market in Russia // Proceedings of the 2nd international scientific conference “The impact of Industry 4.0 on job creation 2019”. Trenčianske Teplice, Slovak Republic: Publishing House Alexander Dubček University in Trenčín, 2021. P. 454–456.
32. *Бесчасная А. А., Покровская Н. Н.* Городская партисипативность в социологическом дискурсе // Дискурс. 2020. № 6 (4). С. 46–61. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-46-61
33. *Kirlin M.* Understanding the Relationship between Civic Skills and Civic Participation: Educating Future Public Managers // Journal of Public Affairs Education. 2005. Vol. 11. No. 4. P. 305–314.
34. *Weber M.* Methodology of the Social Science. Glencoe (Illinois): The Free Press, 1949. 188 p.
35. *Вебер М.* Объективность социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.
36. *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М.: Наука, 1976. С. 144–171.
37. *Рэдклифф-Браун А. Р.* Метод в социальной антропологии. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. 169 с.
38. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 572 с.
39. *Покровская Н. Н.* Рациональность экономического поведения // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2007. № 12. С. 128–137.
40. *Быстрянец С. Б.* Методология исследования Э. Дюркгейма и возможность ее использования в политическом регионоведении // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. 2018. № 1. С. 3–14.
41. *Schutz A., Luckmann Th.* The Structures of the Life-World / translated from the German by R. M. Zaner, H. T. Engelhardt Jr. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1973. 335 p.
42. *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / пер. А. Я. Алхасов, Н. Я. Мазлумянова. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
43. *Парыгин Б. Д.* Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 352 с.
44. *Margulyan Y., Pokrovskaja N.* Social regulations mechanisms in the post-modern changing world // GISAP: Economics, Jurisprudence and Management. 2014. No. 5. P. 6–8.
45. *Oberg K.* Cultural shock: Adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960. No. 7. P. 177–182.
46. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
47. *Захаров Н., Куцын Н.* Мотивация «против» стимулирования // Социалистический труд. 1991. № 11. С. 90–97.
48. *Бесчасная А. А., Покровская Н. Н.* Перспективы развития российских городов в контексте образовательной миграции молодежи // Регионоведение. 2018. Т. 26. № 4. С. 742–763. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.742-763
49. *Платонов В. В., Статовская Е. Ю., Статовский Д. А.* Локализация инновационных процессов: за пределами концепции географической близости // Инновации. 2015. № 7 (201). С. 56–59.
50. *Strangio D., Pokrovskaja N. N., D'Ascenzo F.* History, creativity and innovation of the ‘Italia’ network. The case of Russia // Annali del Dipartimento di Metodi e Modelli per l'Economia, Il Territorio e la Finanza 2018 (Annals of the Department of Methods and Models for Economics, Territory and Finance 2018). Rome: la Sapienza Università di Roma, 2018. P. 143–153.

51. *Taylor J. S., Issavi J., Berggren Å., Lukas D., Mazzucato C., Tung B., Dell'Unto, N.* 'The Rise of the Machine': the impact of digital tablet recording in the field at Çatalhöyük // *Internet Archaeology*. 2018. Vol. 47. DOI: 10.11141/ia.47.1
52. *Morgan C.* Analog to Digital: Transitions in Theory and Practice in Archaeological Photography at Çatalhöyük // *Internet Archaeology*. 2016. Vol. 42. DOI: 10.11141/ia.42.7
53. *Botsman R., Rogers R.* What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. New York: Harper Business, 2010. 304 p.
54. *Schor J. B.* Does the sharing economy increase inequality within the eighty percent? Findings from a qualitative study of platform providers // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2017. Vol. 10. No. 2. P. 263–279. DOI: 10.1093/ cjrsw047
55. *Капица С. И., Гарин А. К., Покровская Н. Н.* Игровые регулятивные механизмы в геймификации цифрового образования и передачи знаний // *Технологии PR и рекламы в современном обществе. Инженеры смыслов: трансформация компетенций и мировые вызовы коммуникационной отрасли: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием*. СПб.: Политех-Пресс, 2021. С. 167–175.
56. *Слободской А. Л., Теребкова Т. А., Гарин А. К.* Цифровое образование и новое технологическое поколение: спрос на новый контент в обучении // *Наука о данных: материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет*, 2020. С. 287–289.
57. *Usacheva E., Chechulin A., Zakharov N.* Model of complex analysis of internet communications in st. petersburg tourism marketing // *Proceedings of the 12th international scientific conference "New Challenges in Economic and Business Development — 2020: Economic Inequality and Well-Being"*. Riga: University of Latvia, 2020. P. 487–496.
58. *Civic Engagement in a Network Society* / ed. E. Bergrud, K. Yang. Charlotte, North Carolina: Information Age Publishing, 2008. 323 p.
59. *Покровская Н. Н.* Новая экономическая архитектура в посткризисном мире: развитие регулятивных моделей // *Социология и право*. 2012. № 1. С. 20–33.
60. *Schradi J.* The digital production gap: The digital divide and Web 2.0 collide // *Poetics*. 2011. Vol. 39. No. 2. P. 145–168. DOI: 10.1016/j.poetic.2011.02.003
61. *Andreotti A., Anselmi G., Eichhorn Th., Hoffmann Ch. P., Micheli M.* Report from the EU H2020 Research Project Ps2Share: Participation, Privacy, and Power in the Sharing Economy [Электронный ресурс]. EU: Participation in the Sharing Economy, 2020. 44 p. URL: <https://www.bi.edu/globalassets/forskning/h2020/participation-working-paper.pdf> (дата обращения: 26.05.2021).
62. *Hoffmann Ch., Lutz Ch., Meckel M.* Content creation on the Internet: a social cognitive perspective on the participation divide // *Information Communication and Society*. 2015. Vol. 18. No. 6. P. 696–716. DOI: 10.1080/1369118X.2014.991343
63. *Jennings M. K., Zeitner V.* Internet use and civic engagement: A longitudinal analysis // *Public Opinion Quarterly*. 2003. Vol. 64. No. 3. P. 311–334. DOI: 10.1086/376947
64. *Слободской А. Л., Покровская Н. Н.* Социокультурная идентичность и экономическое поведение в современном российском обществе // *Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. 2015. Т. 206. С. 158–169.
65. *Belk R.* Sharing versus pseudo-sharing in Web 2.0 // *Anthropologist*. 2014. Vol. 18. No. 1. P. 7–23. DOI: 10.1080/09720073.2014.11891518
66. *Bourdieu P.* *Le Sens pratique*. Paris: Les Éditions de Minuit (coll. "Le sens commun"), 1980. 475 p.
67. *Florida R.* The globalization of R&D: Results of a survey of foreign-affiliated R&D laboratories in the USA // *Research Policy*. 1997. Vol. 26. No. 1. P. 85–103. DOI: 10.1016/S0048-7333(97)00004-8
68. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века / пер. с англ. Л. Ю. Лапшиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 368 с.
69. *Pokrovskaja N. N.* Leisure and Entertainment as a Creative Space-Time Manifold in a Post-Modern World // *Handbook of Research on the Impact of Culture and Society on the Entertainment Industry* / ed. R.G. Ozturk. Hershey, PA: IGI Global, 2014. P. 21–38. DOI: 10.4018/978-1-4666-6190-5

70. *Hamari J.* Do badges increase user activity? A field experiment on the effects of gamification // *Computers in Human Behavior*. 2017. No. 71. P. 469–478. DOI: 10.1016/j.chb.2015.03.036
71. *Бойко С. В., Гарин А. К., Покровская Н. Н.* Игровые валюты как ценностно-регулятивный механизм в условиях цифровизации коммуникаций // *Технологии PR и рекламы в современном обществе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: Политех-Пресс, 2020. С. 58–64.*
72. *Lutz C., Hoffmann C. P.* The dark side of online participation: Exploring non, passive and negative participation // *Information, Communication & Society*. 2017. Vol. 20. No. 6. P. 876–897. DOI: 10.1080/1369118X.2017.1293129
73. *Tussyadiah I. P.* Factors of satisfaction and intention to use peer-to-peer accommodation // *International Journal of Hospitality Management*. 2016. No. 55. P. 70–88. DOI: 10.1016/j.ijhm.2016.03.005

Контактные данные:

Покровская Н. Н.: 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29;
e-mail: nnp@spbstu.ru.

Сметанина Т. В.: 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48;
e-mail: smetdipdok@mail.ru.

Шелонаев С. И.: 191186, Санкт-Петербург, Большая Морская ул., д. 18;
e-mail: shelonaev@mail.ru.

Contact Details:

Pokrovskaja N. N.: 29 Politekhnikeskaya Str., St. Petersburg 195251, Russia; e-mail: nnp@spbstu.ru.

Smetanina T. V.: 48 Moyka emb., St. Petersburg 191186, Russia;
e-mail: smetdipdok@mail.ru.

Shelonaev S. I.: 18 Bolshaya Morskaya Str., St. Petersburg 191186, Russia;
e-mail: shelonaev@mail.ru.

Нордлунд Е. И., Келасьев В. Н., Первова И. Л.

Социальная компетентность новой социальной группы — предпенсионеров — в условиях современной России

Nordlund E. I., Kelasev V. N., Pervova I. L. Social Competence of a New Social Group – Pre-Retirees in Modern Russia

В статье рассмотрены проблемы социальной адаптации лиц предпенсионного возраста к нововведениям пенсионной реформы. Предлагается типология социальной компетентности предпенсионеров, позволяющая дифференцировать подгруппы предпенсионеров, различающиеся по компетентности и своему отношению к пенсионной реформе. Охарактеризованы стратегии действий по активизации каждой из выделенных подгрупп.

Ключевые слова: пенсионная реформа, социальная компетентность, предпенсионеры, социальная адаптация, аудиовизуальные технологии.

The article analyses social adaptation problems of pre-retirement age persons to the innovations of the pension reform. A typology of pre-retirees' social competence is proposed, which makes it possible to differentiate subgroups of pre-retirees that differ in their competence and attitude towards the pension reform. The action strategies to activate each of the identified subgroups are indicated.

Keywords: the pension reform, social competence, pre-retirees, social adaptation, audiovisual technologies.

Пенсионная реформа 2018 г. всколыхнула российское общество, вынудив людей старшего поколения перестраивать прежний образ жизни, переосмысливать жизненные установки, стереотипы и поведение. Для лиц пожилого возраста реформа стала психологическим испытанием, но и у лиц молодого поколения она вызывала тревогу относительно своего пенсионного будущего.

Из ряда наиболее важных причин новой пенсионной реформы можно выделить следующие:

1. Изменилась продолжительность жизни россиян. В 1958–1959 гг. средняя продолжительность жизни составляла 69 лет и возраст выхода на пенсию был при достижении возраста 55 лет для женщин и 60 — для мужчин [1; 2]. На 2018 г. прогнозируемая средняя продолжительность жизни россиян составила 72,9 года [3]. В майском указе от 7 мая 2018 г. № 204 Президент России В. В. Путин поставил задачу увеличить продолжительность жизни до 78 лет к 2024 г., а к 2030 —

Нордлунд Евгений Игоревич — магистр социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета.

Келасьев Вячеслав Николаевич — исполняющий обязанности заведующего кафедрой теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор.

Первова Ирина Леонидовна — профессор кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат психологических наук, доктор социологических наук, профессор.

© Нордлунд Е. И., Келасьев В. Н., Первова И. Л., 2021

до 80 лет [4]. По данным РБК, в 2021 г. прогнозируемая средняя продолжительность жизни россиян составляет 71,7 года [5].

2. Ежегодно увеличивается доля пенсионеров в структуре населения. По прогнозам Федеральной службы статистики, при реалистичном (среднем) варианте прогноза предполагалось снижение численности трудоспособного населения с 2019 г. на 3,1 млн человек, с 81,3 млн человек до 78,2 млн человек в 2035 г. [6].

3. Для реализации национальных проектов 2018–2024 гг. не хватает средств в федеральном бюджете. Для их выполнения Правительству в расчете на оставшиеся три года (до 2024 г.) необходимо найти дополнительные существенные средства. По данным издания «Коммерсантъ», на покрытие этого бюджетного дефицита могут быть направлены средства, сэкономленные в результате пенсионной реформы [7].

4. Система накопительных пенсий фактически не функционирует. Взносы на накопительную часть пенсии в 2014 г. были впервые «заморожены», то есть уже несколько лет все пенсионные отчисления работодателя за работника направляются только в Пенсионный фонд на страховую пенсию и не попадают в систему пенсионных накоплений.

Федеральным законом от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ введено понятие «предпенсионный возраст» [8], под которым в соответствии с пенсионным законодательством РФ понимается предшествующий назначению пенсии по старости возрастной период продолжительностью до пяти лет. С одной стороны, данная мера послужила номинальному росту трудовых ресурсов, но с другой — усилила конкуренцию на рынке труда и осложнила возможности трудоустройства людей старших возрастов.

В отечественном законодательстве нет единого подхода к определению понятия «пенсионный возраст». От этапа к этапу в развитии российского общества происходит увеличение объема законов, растет количество отсылочных норм, происходит утяжеление правовых конструкций.

На основе последних данных статистики можно заключить, что в России официально трудоустроены только 40 % из 10,1 млн граждан предпенсионного возраста [9]. При этом из 6 млн неработающих лиц пожилого возраста часть закончили трудиться досрочно или не могут работать из-за хронических патологий.

Специалисты оценивают уровень безработицы среди предпенсионеров как экстремально высокий и связывают происходящее с нежеланием бизнесменов принимать сотрудников «серебряного» возраста, а также с распространенностью так называемых неофициальных трудовых отношений. Данные о численности трудящихся россиян предпенсионного возраста содержатся в письме Пенсионного фонда России в Федеральную службу по труду и занятости. В документе (на основе уникальных СНИЛС) приведена информация о работающих мужчинах, родившихся в 1959–1963 гг., и женщинах, родившихся в 1964–1968 гг. Согласно документу, мужчин этого возраста в России насчитывается 1,8 млн, женщин — 2,2 млн. Исходя из данных Федеральной службы государственной статистики по состоянию на 2019 г., официально трудоустроены только 4 млн предпенсионеров. По информации статистического ведомства, на 1 января 2019 г. в стране проживают 4,3 млн мужчин и 5,8 млн женщин предпенсионного возраста, что и составляет 10,1 млн чел. [10]. За шесть месяцев 2020 г. Пенсионный фонд России подтвердил право на различные меры социальной поддержки и льготы граждан предпенсионного возраста по 1,2 млн заявлений. Соответствующие сведения направлялись органам власти и ведомствам, предоставляющим льготы [11].

Значимым фактором продуктивного жизнеобеспечения лиц предпенсионного возраста является повышение их социальной компетентности, которая определя-

ет, насколько быстро в условиях усложнившихся современных реалий они могут приспособиться и решать возникающие проблемы. В современной научной литературе существует широкое разнообразие трактовок понятия социальной компетентности (личности, социальной группы, общества). Проблематика социальной компетентности — предмет исследований разных дисциплин: социологии, психологии, юриспруденции, социальной работы [12].

Несмотря на разнообразие пониманий и подходов, перспективной считаем трактовку социальной компетентности с позиций, изложенных в предшествующей публикации [13]. В контексте этой публикации социальная компетентность понимается как интегративное личностное образование, формирующееся в процессе развития субъекта, базирующееся на единстве информационной, рефлексивной, действенной компонент и позволяющее учитывать политическую, экономическую и социальную составляющую общества как индивидом, так и социальной группой, к которой он принадлежит. Соответственно, в структуре социальной компетентности выделяются следующие составляющие:

- информационная (знания) — вся освоенная субъектом информация как банк данных для отражения социальной действительности;
- рефлексивная (адекватность отражения) — способность к адекватному представлению себя и социальной среды на базе извлеченных из информационного банка знаний;
- действенная (исполнительная) — активность субъекта по решению социальных проблем, способность субъекта действовать своевременно и адекватно.

Если субъект в предпенсионном возрасте располагает полной информацией о социальной ситуации, если эта информация им адекватно преломляется и воплощается в соответствующей активности, то можно считать, что субъект обладает максимальной социальной компетентностью. Если субъект не располагает информацией о социальной ситуации, у него присутствует неадекватность рефлексии и одновременно отсутствует активность, то он характеризуется минимальной социальной компетентностью. Между этими полярными типами социальной компетентности (максимальной и минимальной) располагается большое число промежуточных типов предпенсионеров, в которых в разной мере оказываются один, два или все три структурных компонента.

В информационную составляющую категории предпенсионеров входят правовая информированность о сохранении трудоустройства и возможности начисления пенсии, о медико-социальном обслуживании (ОМС, ДМС), о ЖКХ, информированность о возможностях сохранения здоровья (особенно в условиях пандемии в связи с COVID-19), активного долголетия, поддержания интеллектуальной и физической формы, возможностях повышения квалификации, переобучения, полноценного включения в социальную, экономическую и политическую ситуации.

Рефлексивная составляющая включает в себя адекватность самооценки предпенсионеров, способность дифференцировать истинную информацию и ложную, критичность восприятия себя и сложившейся ситуации на основе знаний, умений и навыков.

Действенная составляющая подразумевает степень готовности предпенсионера по сохранению собственной занятости, освоению новых перспективных профессий, переквалификации, активность по самосохранительному поведению в условиях пандемии и подготовки себя к активному долголетию.

Максимальной социальной компетентностью отличаются предпенсионеры, сохранившие высокую степень профессиональной и общественной активности, ведущие здоровый образ жизни, интересующиеся политическими событиями,

помогающие другим людям, стремящиеся вступить в конструктивный диалог с представителями власти и бизнес-структурами, адекватно реагирующие на ситуацию пандемии.

Исследовательская задача в рамках настоящей статьи состояла в выявлении (на основе указанного подхода) специфики и структуры социальной компетентности лиц предпенсионного возраста по отношению к нововведениям пенсионной реформы, их типологии на основе сочетания выделенных составляющих.

Методика исследования

Эмпирическое исследование строилось на качественном полуструктурированном интервью двух групп: экспертов (6 чел.) и лиц предпенсионного возраста Санкт-Петербурга (40 чел.). Интервью построено на вопросах, связанных с восприятием и пониманием респондентами ситуации, вызванной реформой. Каждое интервью продолжалось в среднем 40 минут. Экспертами выступили работники социальных служб: пять специалистов Комплексного центра социального обслуживания населения Санкт-Петербурга и директор организации, в штате которой трудятся предпенсионеры. Опрос экспертов осуществлялся непосредственно на их рабочих местах.

Интервью лиц предпенсионного возраста проводилось как на рабочих местах, так и удаленно (в связи с пандемией). Выборка носила случайный характер. В контингент лиц предпенсионного возраста вошли те, кто проходил курсы переобучения либо переквалификации в центрах занятости или базах переобучения, а также те, кто отозвался на предложение принять участие в исследовании. Все 40 участников опроса имеют высшее образование. Сбор данных носил трудоемкий характер, поскольку приходилось устанавливать доверительные отношения с респондентами, что было необходимым условием проведения исследования.

Результаты исследования

Опрошенные эксперты в области социальной работы высказали мнение о том, что степень информированности граждан предпенсионного возраста в целом недостаточна и продолжает оставаться на бытовом уровне. По их словам, лица предпенсионного возраста испытывают затруднения в принятии пенсионной реформы. Тем не менее эксперты отмечают своевременность пенсионной реформы и свою готовность к ее реализации. Они указали, что мужчинам сложно трудиться до 65 лет, особенно если они заняты физическим трудом, и перепрофилироваться тяжелее, чем женщинам. Эксперты подчеркнули значимость занятости для мужчин. В частности, одна из экспертов отметила: «Пока он работает, происходят какие-то действия, он как бы более жизнеспособен к стрессовым ситуациям, жизненным обстоятельствам».

В качестве наиболее существенного в ходе экспертного интервью выделен вопрос действенного компонента, то есть о перепрофилировании лиц предпенсионного возраста. Эксперты полагают, что граждане предпенсионного возраста наиболее востребованы в своей профессиональной области, а значит, должны прилагать усилия к сохранению занятости именно в этой сфере (что не исключает их переквалификации, если потребуют обстоятельства).

На основании проведенного анализа интервью лиц предпенсионного возраста возможно сделать ряд выводов. Фактически каждый информант имеет собственный взгляд на пенсионную реформу. Несмотря на то, что большинство респондентов относится к ней негативно по разным причинам, многие высказали мнение о том, что реформа оправдана, например, из-за нехватки бюджетных средств в государстве. Отвечая на непростой вопрос о личном согласии с пенсионной

реформой, большинство информантов выразили несогласие (30 чел.). Только трое ответили, что принимают реформу, и небольшое количество лиц (7 чел.) затруднились ответить.

На вопрос о том, вызвала ли пенсионная реформа крушение их ожиданий, предпенсионеры ответили, что в основном она для них таковой не стала, хотя, безусловно, жизненные условия изменились не в лучшую сторону. В качестве положительного момента отметили пролонгирование трудовой деятельности. Среди наиболее перспективных в аспекте соответствия возраста и жизненных сил для лиц предпенсионного возраста информанты (напоминаем, что это — лица с высшим образованием) указали профессии, связанные с ИТ-сферой, государственной службой, преподавательской деятельностью. С целью усиления действенного компонента в контексте социальной компетентности и получения знаний не только о минусах пенсионной реформы респондентами указано, что следует активнее проводить разъяснительную работу среди целевой группы, включенной в пенсионную реформу.

Информанты отметили наличие возрастных изменений в плане здоровья. Большинство респондентов признали, что вопрос принятия новой пенсионной реформы лежит в области экономики и является вынужденной мерой для государства. Основной причиной проведения пенсионных изменений информанты назвали дефицитный бюджет страны. Однако некоторые предпенсионеры выразили мнение о том, что «при профицитном бюджете и Фонде национального благосостояния можно было не поднимать пенсионный возраст», а найти иной выход.

Вопрос о дискриминации в трудовой области разделил мнения информантов на два так называемых лагеря: по возрасту и по полу в связи с разным возрастом выхода на пенсию. Информанты считают, что возраст значительно влияет на гарантию трудовой занятости предпенсионера, что отмечается и на высоком законодательном уровне в связи с принятием поправок в Уголовный кодекс РФ (ст. 144.1). Кроме того, респонденты обратили внимание на наличие дискриминации по полу в связи с разным возрастом выхода на пенсию для мужчин и женщин, поскольку последствия пенсионной реформы наиболее отрицательно сказываются именно на мужчинах.

Более половины информантов (21 чел.) признали важность моральной и психологической поддержки семьи. Со стороны работодателей предпенсионеры хотели бы своевременных выплат и их увеличения, а также более высокой оценки профессионализма людей предпенсионного возраста. Со стороны государства респонденты предпочли бы наличие монетизации льгот и дополнительных рабочих мест. При этом часть интервьюируемых (9 чел.) считает, что не нуждается в чьей-либо помощи, или указали, что оказываемая помощь со стороны близких для них является достаточной.

Результаты опроса экспертов и предпенсионеров в основном совпадают. Они могут быть сведены к следующим положениям.

1. Существует острая необходимость создания единого документа (памятки), в котором будет содержаться важная информация о льготах, правах, возможностях, помощи для лиц предпенсионного возраста, обязанностях работодателей в отношении лиц предпенсионного возраста. Большинство респондентов уверены в том, что следует расширить диапазон льгот для смягчения адаптационных последствий реформы.

2. Актуален вопрос защиты трудовых гарантий и рабочих мест для лиц предпенсионного возраста, которые должны быть под более пристальным контролем государственных структур.

3. Ярмарки профессий должны расширить возрастной диапазон и работать не только для молодых людей, но и для пожилых, и для предпенсионеров.

4. Санкт-Петербург — особый город с точки зрения интеллектуального потенциала населения, город с большим количеством вузов и научно-исследовательских учреждений, в старшей группе населения которого много людей с высшим образованием, кандидатов и докторов наук. Именно они пострадали от необдуманной до конца пенсионной реформы. Несмотря на это, ввиду своих способностей и возможностей они готовы осваивать наиболее сложные виды деятельности, в том числе и IT-технологии. Если правильно использовать их трудовой и интеллектуальный потенциал, то возможно достичь роста в освоении новых технологий и видов деятельности, включая социальную сферу.

5. По мнению экспертов, мужчинам при произошедших изменениях труднее адаптироваться с учетом более быстрой утраты физиологических ресурсов организма. В общественном мнении до сих пор доминирует установка на необходимость корректировки по вопросу сближения пенсионных возрастов для мужчин и женщин.

Не вызывает сомнений тот факт, что предпенсионеры представляют неоднородную группу. Внутри нее представлены различающиеся по социальной компетентности и отношению к пенсионной реформе подгруппы. На основе предшествующих разработок [14] и путем сочетания выделенных компонент (адекватности, рефлексивности и действенности) оказалось возможным дифференцировать предпенсионеров на четыре качественно различающиеся подгруппы.

I. Социально адекватные и активно действующие

Это наиболее перспективная в социальном плане подгруппа со взвешенным подходом к пенсионной реформе, ищущая пути решения возникших для них проблем, принимающая на себя ответственность путем поиска адаптации к новым условиям, характеризующаяся добровольным желанием изменяться. Она готова к сотрудничеству, открыта к нововведениям. Данная подгруппа обладает пониманием необходимости изменений, переобучения, переквалификации или переподготовки и предпринимает необходимые шаги в нужном направлении. Главной задачей общества в целом служит расширение количества членов вышеозначенной группы как наиболее социально продуктивной и настроенной на приспособление к новым условиям и поиск средств адаптации.

Данная группа, не опасаясь сложностей, настроена на то, чтобы в случае необходимости изменить свою жизнь. Ее представители, если потребуется, готовы к переподготовке или переквалификации, они следят за объявлениями в социальных сетях, на рекламных стендах и посещают ярмарки профессий. В исследовании наблюдались примеры социально адекватных, активно действующих представителей этой группы среди предпенсионеров, прошедших IT-переквалификацию для работы на 3D-принтере. Насчитывается всего шесть таких респондентов.

II. Социально адекватные, но пассивные

В данной группе лица предпенсионного возраста, как правило, осознают необходимость изменений, связанных с пенсионной реформой, но не готовы к ним и не предпринимают полезных для себя действий. Многие предпенсионеры в этой группе не могут выработать действенную для себя стратегию. Они считают невозможным исправить ситуацию, ссылаясь на разные причины (болезнь, семейную ситуацию и т. п.), либо считают, что у Правительства существуют слишком значимые аргументы для реформы и что это — необратимый процесс. Предста-

вители данной подгруппы понимают суть перемен, но ничего не предпринимают для облегчения собственной адаптации.

Эта подгруппа наиболее многочисленна, лица в ней ощущают себя пострадавшими, особенно те, кто должен был в ближайшее время выйти на пенсию. Они распланировали свою жизнь вне трудовой деятельности, мечтая осуществить долгожданные планы: сидеть с внуками, заниматься хобби, отдыхать и др. Принятая реформа разрушила их планы. В исследовании эта группа составила 22 человека.

III. Социально неадекватные, но активные

Несмотря на то, что данная группа немногочисленна, ее участники активно выражают свою порой деструктивную позицию, тем самым неосознанно или осознанно вступая в конфликты с социальным окружением. Такие предпенсионеры негативно настроены против пенсионных изменений, хотя часто недостаточно информированы и не до конца понимают все аспекты пенсионной реформы. Они ведут протестную деятельность на интернет-ресурсах в социальных сетях, размещают свои работы на видеохостингах либо подкастах. Эти представители могут вести свою деятельность как в рамках политических партий, так и единолично.

В данную группу можно включить и лиц, которые по-своему понимают пенсионные изменения и пенсию в целом, порой в деструктивном виде. Эту подгруппу в исследовании представляют пять человек.

IV. Социально неадекватные и пассивные

Представители данной группы проявляют себя пассивно, не выражают заинтересованности в пенсионных изменениях, намеренно не участвуют в общественной жизни. Круг их жизненных интересов ограничен и замкнут исключительно в собственных внутрисемейных рамках, проблемах здоровья. Пенсионная реформа ими не понята и не принята, желание к ее изучению у них отсутствует и, как следствие, шагов по изменению ситуации к лучшему они не предпринимают. В частности, переподготовку или переквалификацию не планируют. В исследовании в этой группе состоят семь человек.

Таким образом, предпенсионеры различны в восприятии и понимании пенсионной реформы. Социальная политика, разъяснительная работа с ними должна проводиться дифференцированно, с учетом этих различий, а не быть формальной и обезличенной. Представленная типология послужила развитием предшествующей, более общей типологии [14].

Необходимо отметить, что трудность процесса адаптации к пенсионной реформе резко усугубила пандемия, вызванной коронавирусной инфекцией COVID-19, из-за которой лица предпенсионного возраста оказались под двойным прессом, то есть дополнительно к предыдущей проблеме возникла новая, почти нерешаемая. С учетом экзистенциональности пандемия коронавируса во многом объективно «заслонила» проблемы предпенсионеров. Сложно говорить об увеличении сроков работы для предпенсионеров, если существует прямая угроза жизни от вируса. Пенсионная реформа в России, на которую накладывается ситуация пандемии, требует пересмотра сложившихся подходов к изучению трудового потенциала людей старшего поколения, побуждает искать новые средства мотивации продолжения трудовой деятельности и разрабатывать новые правовые нормы, гарантирующие реализацию их права на труд.

Авторами с целью повышения социальной компетентности и информированности лиц предпенсионного возраста разработан Telegram-бот (@help_pred_bot) —

виртуальный помощник. В первую очередь функционал бота разработан для повышения информационного компонента социальной компетентности лиц предпенсионного возраста. Меню бота содержит следующие направления помощи: информацию о льготах, получении новой профессии или переквалификации. Отдельный раздел посвящен юридическим правам лиц предпенсионного возраста, а также социальному ролику. Помимо указанных разделов в меню, функционал бота расширяется на подразделы, в которых, к примеру, можно прочитать инструкции для получения льгот за налоговый период прошедшего года или информацию о том, как сформировать справку предпенсионера.

В разработанном ролике показано, что для лиц предпенсионного возраста, как и для иной социальной группы, возможны трудовые изменения; утверждается, что нет смысла и оснований опускать руки и погружаться в отчаяние. Важно понимать, что при достижении определенного возраста трудовая жизнь не заканчивается, а полна возможностей. Разграничение возраста на допенсионный и постпенсионный представляется условным.

Показаны видеоролики, содержащие, например, демонстрацию перспективных профессий для лиц предпенсионного возраста. В частности, видеоролик «Активизация лиц предпенсионного возраста» начинается с постановки вопроса о месте человека предпенсионного возраста в обществе. Постепенно, с темпом развития видеоряда, приведены различные примеры того, что существуют разнообразные возможности переобучения, переквалификации, повышения квалификации для предпенсионеров. Показан ресурс для реализации этих возможностей, в том числе и работа на сложном оборудовании, например, 3D-принтере. Лейтмотивом видеоряда является посыл для предпенсионеров о том, что с наступлением границ какого-либо возраста активная жизнь не заканчивается и содержит различные возможности, нужно только сделать правильный выбор. Вся информация направлена на повышение уровня принятия лицами предпенсионного возраста пенсионной реформы, адаптация к которой еще не окончена [15].

В Санкт-Петербурге среди предпенсионеров много лиц с высшим образованием, а также высококвалифицированных лиц, с ученой степенью, званием, которые по своему потенциалу могут осваивать самые сложные технологии и виды деятельности. Это — особенно ценный социальный ресурс, за счет интеллектуального потенциала которого можно развивать новые и востребованные сегодня виды деятельности.

Литература

1. Страна Советов за 50 лет: сборник стат. материалов. М.: Статистика, 1967. 351 с.
2. РСФСР за 40 лет: стат. сборник. М.: Советская Россия, 1957. 223 с.
3. Минздрав заявил о максимальной продолжительности жизни россиян [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2019. 24 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3954271> (дата обращения: 01.07.2021).
4. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 (в ред. от 21 июля 2020 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 01.07.2021).
5. Ожидаемая продолжительность жизни в России в пандемию снизилась на 2 года. Показатель вернется к доковидному уровню только к 2024 году [Электронный ресурс] // РБК. 2021. 11 марта. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/03/2021/604a3c099a7947c4afb996b7> (дата обращения: 01.07.2021).
6. Алексеева С., Степанова Т., Ефимова Е. Кадры решают все. Готов ли российский рынок труда к сокращению трудоспособного населения [Электронный ресурс] // ИТАР-

- ТАСС. 2019. 17 октября. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7007706> (дата обращения: 01.07.2021).
7. Шестилетку — за тринадцать проектов [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2018. 15 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/daily/110876> (дата обращения: 01.07.2021).
 8. Внесены изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий [Электронный ресурс] // Администрация Президента России: офиц. сайт. 2018. 3 октября. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/58703> (дата обращения: 01.07.2021).
 9. О завершении исполнения письма от 25 июля 2018 г. № 858-ПР об организации проведения мониторинга [Электронный ресурс]: письмо Федеральной службы по труду и занятости от 22 февраля 2019 г. № 614-ТЗ // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/72223534/> (дата обращения: 01.07.2021).
 10. Ивушкина А. Незаслуженный отдых: 60 % граждан предпенсионного возраста не работают [Электронный ресурс] // Iz.ru. 2019. 29 августа. URL: <https://bit.ly/3x5FCBX> (дата обращения: 01.07.2021).
 11. Пенсионный фонд подтвердил право более 1 млн россиян на предпенсионные льготы [Электронный ресурс] // Пенсионный фонд РФ: офиц. сайт. 2020. 23 июля. URL: https://pfr.gov.ru/press_center/~2020/07/23/209591 (дата обращения: 01.07.2021).
 12. Келасьев В. Н., Первова И. Л. Социальная компетентность: уровни, структура, стратегии формирования: монография. СПб.: Астерион, 2019. 122 с.
 13. Келасьев В. Н., Первова И. Л. Специфика и структура социальной компетентности уязвимых групп населения. СПб.: Астерион, 2019. 72 с.
 14. Первова И. Л., Келасьев В. Н. Пожилые и государство: специфика взаимоотношений в современной России на примере пожилых жителей Санкт-Петербурга // Успехи геронтологии. 2017. Т. 30. № 6. С. 794–801.
 15. Доброхлеб В. Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 55–61.

Контактные данные:

Нордлунд Е. И., Келасьев В. Н., Первова И. Л.: 191124, Санкт-Петербург, Смольного ул., д. 1/3, 9-й подъезд; e-mail: icelink63@gmail.com, v.kelasev@spbu.ru, pervovai@mail.ru.

Contact Details:

Nordlund E. I., Kelasev V. N., Pervova I. L.: 1/3 Smol'nogo Str., the 9th entrance, St. Petersburg 191124, Russia; e-mail: icelink63@gmail.com, v.kelasev@spbu.ru, pervovai@mail.ru.

Чередниченко Е. Е.

Коррупция: молодежный взгляд на проблему

Cherednichenko E. E. Corruption: A Youth View of the Problem

В статье проблема коррупции раскрыта через призму молодежного взгляда; показано существующее отношение к понятию, причинам и мерам противодействия коррупции. Методологической основой исследования являются анализ статистических данных за 2020 год, взятых из официальных источников, а также проведенное автором анкетирование среди студентов одного из вузов Владимирской области и анализ полученных результатов. В итоге автор приходит к выводам о том, что особую роль в формировании у молодого поколения понимания сущности коррупции играют средства массовой информации (СМИ) и сеть Интернет; большое количество опрошенных молодых людей готовы трудную жизненную ситуацию разрешить с помощью коррупционных связей, если это будет последним возможным средством. Наиболее действенной мерой противодействия коррупции служит ужесточение ответственности, а самым эффективным наказанием — лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью.

Ключевые слова: коррупция, молодежный взгляд, меры противодействия, уголовная ответственность, эффективность наказания.

In the presented article, the author sets a goal to look at corruption through the prism of a youth perspective; to identify the existing attitude to the concept, causes and measures to combat corruption. The methodological basis of the study is the analysis of statistical data for 2020, taken from official sources; conducting an in-house survey among students of one of the universities of the Vladimir region and analyzing the results obtained. As a result, the author came to the conclusion that a special role in the formation of the younger generation's understanding of the essence of corruption is played by the mass media and the Internet; a sufficiently large number of young people interviewed are ready to resolve it in a difficult life situation with the help of corruption ties, if this is the last possible means; the most effective measure to counter corruption is tougher responsibility, and the most effective punishment is deprivation of the right to hold a certain position or engage in a certain activity.

Keywords: corruption, youth view, counteraction measures, criminal liability, effectiveness of punishment.

Коррупция — негативное явление нашей жизни, побороть которое по-прежнему не удастся ни одним из известных в мире способов. Как указано в преамбуле к европейской Конвенции «Об уголовной ответственности за коррупцию» [1], она угрожает верховенству закона, демократии и правам человека, подрывает основы надлежащего государственного управления, нарушает принципы равенства и социальной справедливости, ведет к искажению условий конкуренции, затрудняет экономическое развитие и угрожает стабильности демократических институтов и моральным устоям общества. Для Российской Федерации (РФ) проблема коррупции остается актуальной, несмотря на все меры и программы, которые принимаются в сфере противодействия этому негативному явлению.

Чередниченко Екатерина Евгеньевна — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
© Чередниченко Е. Е., 2021

По данным Генеральной прокуратуры РФ, уровень коррупции в России в последнее время отличается стабильностью. Последние три года в стране регистрируется от 30,5 до 31 тыс. преступлений коррупционной направленности (2018 г. — 30 495, 2019 г. — 30 991, 2020 г. — 30 813). В их структуре на факты взяточничества приходится менее половины выявленных преступлений (14,5 тыс.), относительно 2019 г. их число возросло на 4,9 %. Каждый третий факт — это мелкое взяточничество (–2,5 %, 5,3 тыс.) [2].

В процессе подготовки настоящей статьи нами проведено социологическое исследование среди студентов одного из вузов Владимирской области для того, чтобы узнать, оценить и использовать в своей работе мнение подрастающего поколения, представители которого через несколько лет займут различные должности в правоохранительных органах, а также на государственной и муниципальной службе. С марта по апрель 2020 г. опрошено 348 человек: 235 (68 %) девушек, 113 (32 %) юношей; обучающихся на первом курсе — 82 чел. (24 %), на втором — 79 чел. (23 %), на третьем — 104 чел. (30 %), на четвертом — 68 чел. (19 %), на пятом — 15 чел. (4 %). Как видим, более половины студентов обучались на старших курсах, а следовательно, знакомы с дисциплинами уголовно-правового цикла.

На вопрос «Имеете ли Вы понимание о том, что собой представляет коррупция?» 345 (99 %) опрошенных дали положительный ответ, и только трое не имеют четкого представления об этом явлении. Одной трети респондентов (33 %) сущность коррупции известна из сообщений СМИ, 116 (25 %) — узнали информацию из норм Федерального закона РФ «О противодействии коррупции», 100 (21 %) — из научных и учебных источников, 52 (11 %) — сформировали представление о коррупции самостоятельно, 49 (10 %) — получили сведения из бытового общения. Тем самым наблюдается особая роль СМИ в формировании у населения понимания сущности коррупции, что еще раз говорит о необходимости более качественного и полного освещения происходящих в стране событий, в том числе в сфере противодействия коррупции. Вместе с тем, по мнению наших респондентов, информация, которая распространяется через СМИ и сеть Интернет, является неполной, как ответили 124 человека (36 %), и не отражает действительности, согласно ответам 117 студентов (34 %). 57 опрошенных (16 %) полагают, что информации о мерах по противодействию коррупции, которые приняты в России, недостаточно. И только 14 % анкетированных считают, что такой информации вполне достаточно и ничего изменять не нужно.

По нашей просьбе студенты оценили и уровень коррупции в современной России. Более половины респондентов (231 чел., 66 %) указали в анкетах, что уровень высок, 111 опрошенных (32 %) считают, что уровень характеризуется как средний, шесть человек (2 %) полагают, что в стране наблюдается низкий уровень коррупции. С учетом этого можно сделать вывод о том, что рассматриваемая нами проблема с точки зрения молодого поколения сегодня особенно актуальна.

Согласно официальным данным, уровень коррупции в России является стабильным. Однако половина наших респондентов (174 чел., 50 %) полагают, что количество коррупционных правонарушений в государстве растет. Только 136 чел. (39 %) согласны со статистическими данными. По мнению 38 анкетированных (11 %), количество коррупционных правонарушений снижается. Такие данные могут быть связаны с широкой общественной оглаской относительно многих коррупционных дел или с отсутствием веры в эффективность проводимой антикоррупционной политики.

По словам представителя Генеральной прокуратуры РФ, чаще остальных взятки берут полицейские, педагоги, а также сотрудники уголовно-исполнитель-

ной системы. Известны случаи, когда последние проносили в тюрьмы запрещенные предметы и создавали привилегированные условия для заключенных [3]. Вместе с тем к уголовной ответственности привлекаются и лица, обладающие особым правовым статусом. Так, в 2020 г. в суды направлены уголовные дела в отношении 466 таких лиц, включая 130 глав муниципальных образований, 116 депутатов органов местного самоуправления. Среди этих лиц — десять депутатов законодательных органов субъектов РФ, 15 прокуроров, 38 следователей и руководителей следственных органов МВД России, 17 следователей Следственного комитета и их руководителей, семь судей, 68 адвокатов, 48 членов избирательных комиссий [4].

Наши респонденты полагают, что чаще всего коррупционные отношения возникают в служебной деятельности органов государственной службы и местного самоуправления (этот ответ выбрали 252 чел., 40 %) и в правоохранительной деятельности (191 чел., 30 %). Далее ответы в процентном соотношении распределились практически одинаково (по 10 %): в деятельности суда (66 респондентов), медицине (62 респондента) и образовательной сфере (61 респондент).

Следующий блок включал в себя вопросы личного характера с полным сохранением анонимности при анализе ответов. Так, в анкете нами поставлен вопрос о том, сталкивались ли наши респонденты с проявлениями коррупции. 55 % (193 чел.) дали отрицательный ответ. Вместе с тем у 45 % (155 чел.) был такой опыт. Большинство из них (113 опрошенных, 73 %) сталкивались с этим несколько раз, 38 чел. (24 %) — один раз и четверо (3 %) сталкиваются регулярно. При ответе на аналогичный вопрос, но относительно родственников и знакомых, цифры оказались еще выше: 235 опрошенных (68 %) ответили, что их родные и знакомые сталкивались с различными проявлениями коррупции; 113 человек (32 %) дали отрицательный ответ. Приведенные цифры говорят о том, что коррупция в разных проявлениях, к сожалению, широко распространена в обществе. Одна из причин этого заключается в отношении населения к коррупции, вплоть до ее оправдания как средства быстрого решения проблем.

Наше социологическое исследование показало, что многие среди опрошенных молодых людей готовы разрешить трудную жизненную ситуацию при ее возникновении с помощью коррупционных связей. Однозначно положительно на данный вопрос ответили 24 чел. (7 %), в то же время более половины респондентов (198 чел., 57 %) готовы выбрать такой способ, если это будет последним возможным средством. Ни при каких обстоятельствах не будут использовать коррупционные схемы лишь 126 анкетированных (36 %).

На первом месте среди услуг, за предоставление которых респонденты могли бы «приплатить» в обход закона, находится оказание медицинской помощи. Этот ответ выбрали 144 чел. (29 %); на втором месте — решение проблем бизнеса (88 чел., 18 %); на третьем — избежание юридической ответственности и получение престижной работы (одинаковое количество ответов — по 51, то есть 10,5 %); на четвертом месте — получение образования (30 чел., 6 %). Приведенные сведения еще раз говорят о существующих в государстве проблемах. Получение качественной медицинской помощи является приоритетом для любого человека. Вполне объяснимо то, что люди допускают возможность получить ее с использованием коррупционных связей. Вместе с тем государство должно обратить внимание на подобные данные и стремиться к тому, чтобы все граждане не в обход закона могли бы получать медицинские услуги на должном уровне.

В контексте социологического исследования, проведенного среди студентов вуза, настораживает и тот факт, что некоторая часть опрошенных считают нор-

мальным получение престижной работы и возможность непривлечения к юридической ответственности посредством коррупционной составляющей. Это служит основанием для проведения среди студентов дополнительных занятий об общественной опасности, противоправности и наказуемости подобного поведения.

Показателем восприятия молодым поколением коррупции был и указанный в анкете вопрос «Изменится ли Ваше отношение к человеку, с которым Вы общаетесь, если узнаете, что он берет взятки?». Более половины респондентов (189 чел., 54 %) ответили, что отношение изменится в худшую сторону, но общение сохранится. 68 из анкетироваемых студентов (20 %) категоричны в ответах. Они указали, что разорвут отношения с таким человеком. Немало анкет, в которых авторы сообщили, что отношение к данному человеку не изменится (так ответил 91 респондент, 26 %). Неслучайно Л. Н. Толстой писал: «Бойтесь равнодушных, ибо с их молчаливого согласия происходят все преступления на Земле». Сегодня эта фраза не потеряла актуальности. Ряд ответов в анкетах можно считать неким одобрением взяточничества как способа решения своих проблем.

Указанное выше положение подтверждается при анализе результатов заполнения следующей части анкеты. Так, не все опрошенные нами респонденты считают коррупцию безусловным злом для общества: 46 человек (13 %) считают, что коррупция позволяет некоторым гражданам решить свои проблемы быстрее, в отличие от решения этих проблем законным путем, а два респондента полагают, что коррупция не несет опасности для общества. Утешает то обстоятельство, что все-таки большинство среди анкетироваемых оценивают коррупцию как негативное явление: 148 респондентов (42 %) находят, что ее существование ведет к деградации общественных отношений; 152 человека (44 %) указали, что ее существование нарушает права и свободы граждан. При этом 197 опрошенных (57 %) ответили, что существующая в стране коррупция ущемляет лично их права, свободы и законные интересы.

Чтобы разобраться в любом сложном общественно опасном явлении и определить пути противодействия ему, необходимо прежде всего выявить его причины. Этот вопрос неоднократно исследован в научной литературе, а также изучен при анализе правоприменительной практики. В целом авторы сходятся во мнении о том, что в качестве причины коррупции выступает целый комплекс ряда проблем, существующих в обществе. Наше исследование также подтверждает, что выявить одну основную причину сложно. Опрошенные нами респонденты выбирали несколько из предложенных вариантов, и разница в процентном соотношении не слишком существенна. Но все-таки на первом месте оказались экономические причины (слабость экономики, неустойчивость рубля, низкие зарплаты и т. д.). Этот ответ выбрали 238 человек (22 %). На втором месте — политические проблемы (недоверие к власти, нежелание власти осуществлять комплексное, бескомпромиссное и всеобъемлющее противодействие коррупции и т. п.) — 189 человек (17 %); на третьем — организационно-управленческие причины (низкий уровень контроля, низкий уровень исполнительной дисциплины, низкий уровень раскрываемости преступлений и т. д.) — 174 ответов (16 %); на четвертом — социальные причины (неэффективность социальной политики, безработица, неразвитость гражданского общества и т. п.) — 163 респондента (15 %); на пятом — культурно-нравственные причины (терпимость к коррупции, «длительные коррупционные традиции» и т. д.) — 126 человек (12 %); на шестом — правовые причины (проблемы в праве, правовые коллизии, недейственность законов и т. д.) — 114 анкетироваемых (10 %); на седьмом — психологические причины (неуверенность в завтрашнем дне, неспособность отстаивать свои права и т. п.) — 93 ответа (8 %).

Противодействие коррупции должно в первую очередь охватывать решение указанных выше проблем. Однако не стоит забывать о том, что наибольшей предупредительной силой обладает именно факт привлечения лица к уголовной ответственности, работает как цель и специальной превенции, и общей, рассчитанной на широкий круг лиц. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2020 г. российские суды вынесли свыше 8 тыс. обвинительных приговоров против 9 тыс. чел., которым инкриминированы коррупционные преступления. Всего в 2020 г. возбуждено более 18,5 тыс. уголовных дел о коррупционных преступлениях. Из них более 9,9 тыс. — по фактам взяточничества [3]. Но нельзя не согласиться с мнением большей части криминологов, которые указывают, что это — только верхушка айсберга, поскольку латентность таких преступлений очень высока. Кроме того, количество лиц, реально привлеченных к уголовной ответственности и получивших наказание, остается небольшим. Это, в свою очередь, говорит о существующих проблемах уголовно-правового характера и о сложностях выявления, расследования данных преступлений.

В анкете нами задан вопрос о том, достаточно ли, по мнению наших респондентов, существующих мер противодействия коррупции. Лишь 4 % (14 чел.) указали, что таких мер вполне достаточно. Практически одинаковым является число сообщивших в анкете, что недостаточно мер (166 чел., 48 %) и что мер достаточно, но их нужно применять эффективнее (168 чел., 48 %). К наиболее действенным мерам противодействия коррупции, по мнению опрошенных, относятся ужесточение ответственности (259 чел., 26 %), более жесткий кадровый отбор (177 чел., 18 %), совершенствование законодательства (155 чел., 16 %), реформирование системы управления (132 чел., 14 %), повышение уровня стимулирования профессиональной служебной деятельности (112 чел., 11 %), смена руководства страны (93 чел., 10 %), сокращение прямого контакта граждан с чиновниками (53 чел., 5 %).

Самое эффективное наказание в отношении коррупции — лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью, как ответили 263 опрошенных. Их ответы составляют одну четвертую часть из числа полученных в целом. Второй по эффективности мерой названа конфискация имущества, как ответили 183 человека (17 %). На третье место респонденты поставили лишение свободы (170 чел., 16 %). Четвертое место, по словам опрошенных нами лиц, должен занимать штраф (129 чел., 11 %). На пятом месте — ограничение свободы, как указали 95 респондентов (9 %). Почти одинаковое количество ответов (по 5 % от общего числа) получили следующие наказания: исправительные работы, обязательные работы и принудительные работы. Относительно самых строгих видов наказаний (пожизненного лишения свободы и смертной казни), предусмотренных уголовным законодательством, 44 респондента (4 %) отметили, что выступают сторонниками идеи о возможности привлечения за коррупционные преступления лиц к пожизненному лишению свободы, 27 опрошенных (3 %) — сторонниками применения смертной казни.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2020 г. по составам коррупционной направленности суды чаще всего применяли наказание в виде штрафа (3 173 — в качестве основного наказания, 672 — дополнительного). На втором месте находится лишение свободы (1 035 — реальное наказание, 2 269 — условно). Далее — лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (60 — основное наказание, 1 163 — дополнительное). Затем — исправительные работы (106), ограничение свободы (44 — основное наказание, 10 — дополнительное), обязательные

работы (16) и принудительные работы (3). Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера применялась 291 раз [5].

Прокомментируем указанные выше цифры. Штраф сегодня является самым мягким видом наказания. Поэтому участвовавшие случаи его применения в отношении коррупционных преступлений нельзя признать положительной тенденцией, учитывая общественную опасность и распространенность таких деяний. Полагаем, штраф должен рассматриваться судами в основном как дополнительное наказание, повышающее уровень исправительного воздействия.

Условное применение лишения свободы в два раза превышает реальное отбывание наказания. Но в таком случае осужденный, как правило, не испытывает карательного воздействия, что, в свою очередь, может привести к повторному совершению преступления. На наш взгляд, российская система наказаний дает судам возможность выбора с целью дифференцированного и индивидуального подхода к определенному обвиняемому с учетом обстоятельств совершенного им преступления.

Следует согласиться с опрошенными нами респондентами, которые на первое место поставили наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. С учетом специфики коррупционных преступлений, где виновное лицо использует свое должностное положение, отстранение его от занимаемой должности или лишение права заниматься этой деятельностью представляется вполне обоснованным и целесообразным. В соответствии со ст. 47 Уголовного кодекса (УК) РФ данное наказание устанавливается на срок от года до пяти лет в качестве основного вида наказания и на срок от шести месяцев до трех лет в качестве дополнительного вида наказания. В случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ, — на срок до 20 лет в качестве дополнительного вида наказания. Как нам кажется, законодатель мог бы пойти и дальше, указав на бессрочное применение данного наказания в исключительных ситуациях, к которым можно было бы отнести и совершение ряда коррупционных преступлений с отягчающими обстоятельствами.

Второе место анкетированные справедливо отдали конфискации имущества. К сожалению, в настоящее время она является лишь иной мерой уголовно-правового характера, но карательный потенциал не утерян. 291 приговор, где указана данная мера, по итогам 2020 г. — это очень мало. Проблема состоит в том, что конфискация имущества может быть применима лишь в случаях, предусмотренных ст. 104.1 УК РФ. Например, в главе 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» нами обнаружено только три статьи: 285, 285.4 и 290. Этот перечень должен быть расширен за счет включения в него и других коррупционных преступлений.

Подводя итог, можно сделать следующие общие выводы. Во-первых, очевидна особая роль СМИ и интернета в формировании у молодого поколения понимания сущности коррупции. Во-вторых, свыше половины респондентов считают, что уровень коррупции в стране высок, количество коррупционных правонарушений растет. В-третьих, чаще всего коррупционные отношения, по мнению анкетированных студентов, возникают в служебной деятельности органов государственной службы и местного самоуправления, а также в правоохранительной деятельности. В-четвертых, проблема коррупции сегодня по-прежнему актуальна. 45 % из числа опрошенных сталкивались с ее проявлениями. Немало опрошенных молодых людей готовы при возникновении трудной жизненной ситуации разрешить ее с помощью коррупционных связей, если это будет последним возмож-

ным средством. В-пятых, на первом месте среди услуг, за предоставление которых респонденты могли бы «приплатить» в обход закона, находится оказание медицинской помощи. В-шестых, выявить одну основную причину коррупции сложно, и все-таки на первом месте, согласно позиции анкетированных, оказываются экономические причины.

В-седьмых, наиболее эффективной мерой противодействия коррупции, по мнению опрошенных, является ужесточение ответственности. В качестве самого действенного наказания названо лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью. В-восьмых, на практике существуют проблемы, связанные и с правовой регламентацией некоторых уголовных наказаний, и с применением судами их при назначении за совершение преступлений коррупционной направленности.

Литература

1. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в городе Страсбурге 27 января 1999 г.) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2394.
2. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2020 г. [Электронный ресурс]: сборник // Генеральная прокуратура РФ. URL: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2021/02/december.pdf> (дата обращения: 15.06.2021).
3. Генпрокуратура назвала самые коррумпированные регионы и профессии — лидеры по мелким взяткам [Электронный ресурс] // Newsru.com. 2021. 9 марта. URL: https://www.newsru.com/russia/09mar2021/most_corrupt.html (дата обращения: 10.06.2021).
4. Почти 500 депутатов, прокуроров, судей и следователей предстали перед судом в 2020 году [Электронный ресурс] // ИА ТАСС. 2021. 5 марта. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10843889> (дата обращения: 10.06.2021).
5. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 19.06.2021).

Контактные данные:

Чередниченко Е. Е.: 600017, Владимир, Горького ул., д. 59а;
e-mail: cheredn@mail.ru.

Contact Details:

Cherednichenko E. E.: 59A Gor'kogo Str., Vladimir 600017, Russia;
e-mail: cheredn@mail.ru.

Шульгина Е. В.

Об усилении ответственности за наркопропаганду в интернете

*Shul'gina E. V. On Strengthening Responsibility for Drug Propaganda
on the Internet*

В статье исследуется современная ситуация в сфере пропаганды наркопотребления, осуществляемой при помощи сети Интернет, а также рассмотрены принятые законодателями поправки, предусматривающие усиление ответственности за указанный вид противоправной деятельности. Произведен контент-анализ специализированного сегмента информационной виртуальной сети, сравнительный анализ по исследуемой проблематике относительно данных 2019 г., обзор материалов официальной статистики правоохранительных органов. Представлены выводы о результатах проведенного анализа.

Ключевые слова: пропаганда, наркопотребление, интернет, наркотики, статистика, противоправные деяния.

The article contains the analyses of the current situation in the field of drug use propaganda carried out using the Internet, and also the study of the amendments adopted by legislators providing for increased responsibility for this type of illegal activity. A content analysis of a specialized segment of the information virtual network, a comparative analysis of the researched problem with the data of 2019, a review of official statistics of law enforcement agencies were carried out. The conclusions about the results of the analysis.

Keywords: propaganda, drug use, Internet, drugs, statistics, illegal acts.

Одной из характеристик современного общества является широкое распространение сети Интернет. Сегодня глобальная информационная паутина — главный способ мгновенного получения практически любых сведений. Доступ к интернету, который обеспечен посредством не только компьютеров и ноутбуков, но и почти всех современных телефонов, имеет практически каждый, включая несовершеннолетних, чье критическое мышление еще не до конца сформировано и наиболее легко поддается внушению.

Цель настоящей статьи состоит в исследовании существующей сегодня ситуации в сфере пропаганды нелегального потребления наркотических средств и психотропных веществ в сети Интернет, а также в оценке значения принятых законопроектов, ужесточающих наказание за такой вид правонарушений. В рамках исследования использована следующая методологическая база: обзор статистических данных, контент-анализ специализированных форумов, сайтов и каналов информационной сети Интернет, анализ данных опроса студентов (2021 г., N = 528), сравнительный анализ.

Согласно ст. 46 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (в редакции от 8 декабря 2020 г.) «О наркотических средствах и психотропных веществах»

Шульгина Елена Викторовна — научный сотрудник сектора социологии девиантного поведения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).

© Шульгина Е. В., 2021

под пропагандой понимается «распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений, а также производство и распространение книжной продукции, продукции средств массовой информации, распространение указанных сведений посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей или совершение иных действий в этих целях» [1]. При этом основная цель распространения данных сведений — создание и закрепление в сознании людей положительного отношения к наркопотреблению.

В настоящее время большая часть правонарушений, связанных с нелегальным оборотом наркотиков, в том числе сбытом и пронаркологической пропагандой, осуществляется в интернет-сфере, что в первую очередь обусловлено факторами, присущими виртуальной сети, такими как анонимность участников коммуникации, мгновенная передача данных, возможность обмениваться информацией из любой точки мира.

Обратимся к официальной статистике Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД РФ), оценивающей состояние преступности в стране. В соответствии с представленной информацией за январь — июнь 2021 г. в сфере незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, выявлено 30 121 преступление, что на 50,1 % больше, чем в аналогичный период прошлого года [2]. Прирост данного типа преступлений в 2020 г. составил 67,9 % [3]. Таким образом, прослеживается сохранение тенденции высокого роста противоправных деяний в сфере оборота наркотических средств, совершенных при помощи ИТ-технологий.

Проанализирована доступность информации о наркотиках в интернете. По запросу «наркотик» наиболее популярные поисковые системы выдают миллионы результатов: *Google* — 3 830 000, *Яндекс* — 11 000 000 (842 тыс. показов в месяц). Спектр информации широк: от официальных определений термина, классификации видов, разнообразных статистических данных, предложений лечения зависимости до советов о том, чем можно заменить запрещенные средства, чтобы добиться схожего эффекта, какие вещества лучше употреблять, и собственно предложений о покупке. Кроме того, на одном из информационных сервисов Яндекса («Яндекс.Кью»), позиционируемом как платформа для обмена знаниями, в свободном доступе находятся материалы вопросов и ответов наркологической тематики. Например, следующие вопросы: «Почему нельзя заменить алкоголь на марихуану и *LSD*, ведь ущерб организму и окружающим меньше, чем от алкоголя?» [4]; «Какие будут последствия после однократного употребления *LSD/NBOMe* или грибов?» [5]; «Стоит ли пробовать наркотики? Если да, то какие лучше? Если нет, то причину этому?» [6]; «Есть ли какие-нибудь техники по управлению ЛСД-трипом? Как получить максимальную пользу от употребления?» [7].

При осуществлении поискового запроса «нарко» в социальной сети «ВКонтакте» показаны 15 082 сообщества, содержащих в названии данное слово. При подобном анализе, проведенном в 2019 г., таких сообществ насчитывалось 27 387, что свидетельствует либо о положительной тенденции сокращения их количества, либо о повышении уровня латентности, переходе от открытого к более завуалированному характеру подачи информации. Среди представленных групп условно можно выделить типы, посвященные лечению от наркозависимости и специализированным фондам помощи, определенным медийным персонажам, легальным хобби и увлечениям. Однако содержащих собственно пронаркологическую инфор-

мацию, в отличие от результатов проведенного автором предыдущего исследования в 2019 г., выявить не удалось [8]. Переход по ссылкам большей части рассматриваемых ранее групп пронаркотической направленности в сети «ВКонтакте» сегодня выдает страницу с сообщением об их блокировке Роскомнадзором.

В ходе поиска по хэштегу «наркотики» в социальной сети «Инстаграм» обнаружено 152 500 публикаций (в 2019 г. — 77 894) [8]. Но теперь они не характеризуются пронаркотической направленностью, а в основном содержат информацию о деятельности правоохранительных органов и активистов по борьбе с незаконным наркооборотом, о помощи в реабилитационных центрах. Вместе с тем аккаунты данной социальной сети, посвященные продаже наркотических средств, до сих пор существуют в свободном доступе, наиболее многочисленные из них насчитывают около двух тысяч подписчиков.

Если в информационном пространстве анализируемых сетей «ВКонтакте» и «Инстаграм» значительно сократился пронаркотический сегмент, доступный широкой аудитории, то в одном из самых популярных приложений для обмена сообщениями («Телеграм») наблюдается иная картина. При вводе в строке поиска приложения «Телеграм» запроса «нарко» мгновенно получаем десятки результатов, отражающих разнообразные чаты данной тематики, которые содержат предложения о заработке в сфере наркооборота и продажи целого ассортимента наркотических средств. На подобные чаты подписаны несколько десятков тысяч человек. Привлекательность «Телеграма» для наркоторговцев и покупателей наркотических средств обусловлена более высоким уровнем анонимности по сравнению с иными мессенджерами и социальными сетями, а также свободным доступом широких слоев населения, в том числе несовершеннолетних.

В интернете любому пользователю доступны и разнообразные форумы, предназначенные для общения людей, бросающих наркопотребление. Однако, несмотря на общую ориентацию этих форумов (негативное отношение к потреблению наркотиков), направленность на оказание помощи и поддержки отказывающимся от данной пагубной привычки, содержащаяся в них информация о личном опыте наркопроб, эффектах употребления, способах покупки также попадает под определение пропаганды.

Помимо открытого сбыта, рекламы и пропаганды запрещенных веществ необходимо бороться с иллюзией безопасного наркопотребления, особенно распространенного среди молодого поколения. Так, анализ данных опроса студентов, проведенного сектором социологии девиантного поведения ФНИСЦ РАН в 2021 г. ($N = 528$), выявил следующие результаты: 17 % респондентов не считают, что состояние наркотического опьянения — это всегда вред здоровью; 12 % указали, что согласны с утверждением «Вред от наркотиков сильно преувеличен» (еще 15,4 % затруднились ответить на этот вопрос); 11 % уверены, что можно употреблять наркотики без вреда для здоровья (13 % затруднились ответить).

В рамках усиления борьбы с пропагандой наркотиков российские законодатели дополнили ст. 230 Уголовного кодекса (УК) РФ пунктом об установлении ответственности за склонение к потреблению наркотических средств в сети Интернет [9], а ст. 6.13 Кодекса РФ об административных правонарушениях — пунктом о пропаганде наркотических средств с использованием сети Интернет [10]. Данные поправки влекут ужесточение наказания за указанные противоправные деяния. Кроме того, штрафу до 500 тыс. рублей будет подвергнута и интернет-площадка, не заблокировавшая запрещенную информацию на своих страницах (до 800 тыс. рублей за повторное нарушение) [11].

Согласно статистике, в 2020 г. по ст. 230 УК РФ осуждены 50 человек (в 2019 г. — 60 человек) [12], по ст. 6.13 Кодекса РФ об административных

правонарушениях рассмотрено 458 дел, по 322 из которых вынесено решение о наказании (в 2019 г. — 457 и 328 соответственно) [13]. Указанные цифры свидетельствуют о том, что до введения поправок количество совершенных правонарушений по рассматриваемым статьям оставалось примерно на одном уровне. Повлекут ли внесенные изменения увеличение числа осужденных по данным видам преступной деятельности? Об этом будет известно позднее, с появлением статистических данных о состоянии на 2021 г.

Таким образом, криминализация противоправных деяний, совершаемых при помощи интернета, обусловлена в первую очередь их высокой распространенностью и широким охватом аудитории (включающей в себя и несовершеннолетних), на которую они направлены. Сегодня, по сравнению с ситуацией в 2019 г., при анализе пронаркотического сегмента наиболее популярных социальных сетей «ВКонтакте» и «Инстаграм» выявлено значительное сокращение объема такой информации в свободном доступе, что может свидетельствовать о повышении эффективности антинаркотической борьбы.

При этом, ориентируясь на усиление антинаркотических мер, на которое направлены введенные поправки, необходимо четко проработать критерии признания совершения правонарушений в области наркопропаганды. В частности, считать ли противоправными деяниями репосты информации о наркотиках на личную страницу пользователя в социальных сетях, наличие наркотической символики на предметах одежды и аксессуарах, написание научных работ, содержащих материалы об эффектах наркопотребления, создание форумов и сайтов фондов по борьбе с потреблением наркотиков и т. п.? Отсутствие строгих и ясных формулировок в применении принятых законопроектов чревато многочисленными злоупотреблениями представителей правоохранительных органов.

Литература

1. О наркотических средствах и психотропных веществах: федер. закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г.) [Электронный ресурс] // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/5e0de5c4faa8e359f33dc993a898033fdc05a177/ (дата обращения: 29.07.2021).
2. Состояние преступности в России за январь — июнь 2021 года [Электронный ресурс] // Главный информационно-аналитический центр МВД России: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/25094008/> (дата обращения: 30.07.2021).
3. Состояние преступности в России за январь — июнь 2020 года [Электронный ресурс] // Главный информационно-аналитический центр МВД России: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/20597695/> (дата обращения: 30.07.2021).
4. Почему нельзя заменить алкоголь на марихуану и LSD, ведь ущерб организму и окружающим меньше, чем от алкоголя? [Электронный ресурс] // Яндекс.Кью. 2020. 4 января. URL: https://yandex.ru/q/question/pochemu_nelzia_zamenit_alkogol_na_i_lsd_i_5c08ae0f/ (дата обращения: 02.08.2021).
5. Какие будут последствия после единократного употребления LSD/NBOMe или грибов? [Электронный ресурс] // Яндекс.Кью. 2021. 2 апреля. URL: https://yandex.ru/q/question/kakie_budut_posledstviia_posle_lsd_nbome_03fd48d8/?answer_id=45adbbcb7bc9-4453-b459-ce9e4f035700 (дата обращения: 02.08.2021).
6. Стоит ли пробовать наркотики? Если да, то какие лучше? Если нет, то причину этому? [Электронный ресурс] // Яндекс.Кью. 2017. 1 февраля. URL: https://yandex.ru/q/question/stoit_li_probovat_narkotiki_esli_da_to_to_ef14e2b6/?answer_id=2544ccaa-fda8-43df-848e-3ce831a2f334 (дата обращения: 02.08.2021).
7. Есть ли какие-нибудь техники по управлению ЛСД-трипом? Как получить максимальную пользу от употребления? [Электронный ресурс] // Яндекс.Кью. 2020. 17 февраля. URL: https://yandex.ru/q/question/est_li_kakie_nibud_tekhniki_po_lsd_tripom_3d862393/ (дата обращения: 02.08.2021).

8. Шульгина Е. В. Анализ современного отношения молодежи к употреблению наркотиков // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XXII Междунар. конф. памяти проф. Л. Н. Когана. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2019. С. 655–661.
9. О внесении изменений в статью 230 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части установления ответственности за склонение к потреблению наркотических средств в сети «Интернет»): законопроект № 986128-7 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/986128-7> (дата обращения: 04.07.2021).
10. Кодекс РФ об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22 августа 2021 г.) [Электронный ресурс] // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/a0b56735925bbd4bb79e312166a9c8d48d89c025/ (дата обращения: 29.07.2021).
11. Замахина Т. За пропаганду наркотиков в Сети грозит штраф в 1,5 млн рублей // Российская газета. 2020. 16 декабря.
12. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 03.08.2021).
13. Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям [Электронный ресурс] // Агентство правовой информации. 2015–2021. URL: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 03.08.2021).

Контактные данные:

Шульгина Е. В.: 117218, Москва, Кржижановского ул., д. 24/35, корп. 5;
e-mail: elena_shulgina@inbox.ru.

Contact Details:

Shul'gina E. V.: 24/35 Krzhizhanovskogo Str., Bldg. 5, Moscow 117218, Russia; e-mail: elena_shulgina@inbox.ru.

Дивеева К. А.

Социологический анализ портрета личности экстремиста

Diveeva K. A. Sociological Analysis of the Profile of Extremist

Статья посвящена обсуждению психологических и социально-демографических особенностей личности экстремиста. Автор акцентирует внимание на актуальности изучения представлений об образе экстремиста в общественном сознании. По результатам исследования, проведенного в 2021 г. с целью выявления отношения населения Красноярского края к проблемам экстремизма и радикализма, установлено, что доминирующий образ экстремиста среди жителей края является негативным. К основным чертам, присущим личности экстремиста, респондентами отнесены агрессивность, озлобленность, жестокость, нетерпимость к людям, враждебность, необразованность, эгоизм.

Ключевые слова: экстремизм, радикализм, личность экстремиста, молодежь, национальная безопасность.

The article is devoted to the discussion of the psychological and socio-demographic characteristics of the extremist's personality. The author of the article focuses on the relevance of studying the ideas about the image of an extremist in the public consciousness. The article presents the results of a study conducted in 2021 to identify the attitude of the population of the Krasnoyarsk district to the problems of extremism and radicalism. The results of the study showed that the dominant image of an extremist among the residents of the region is negative. The respondents attributed to the main features inherent in the personality of an extremist: aggressiveness, bitterness, cruelty, intolerance to people, hostility, lack of education, selfishness.

Keywords: extremism, radicalism, extremist personality, the youth, national security.

Введение

Историческая эволюция экстремизма продуцирует новые вызовы для современного общества. Прodelав путь от единичных стихийных форм экстремизма в начале 90-х гг. прошлого века до массовых противоправных экстремистских действий, феномен экстремизма приобрел системный характер и новые формы экстремистских проявлений. Ряд субъектов экстремистской деятельности сменились экстремистскими сообществами и организациями с четкой организационной структурой, идеологическими принципами, мощнейшими человеческими, финансовыми ресурсами и рычагами управления. В XXI в. угроза экстремизма носит общемировой масштаб. Появление нового террористического государства на территории Афганистана вынуждает мировое сообщество обратиться к поиску путей еще большего осмысления и эффективного противодействия действующим деструктивным силам.

Решения о противодействии экстремизму и терроризму принимают как на международном, так и на национальном уровне. В Российской Федерации (РФ) одной из приоритетных задач обеспечения национальной безопасности служит

Дивеева Ксения Александровна — аспирант кафедры социологии Сибирского федерального университета.

© Дивеева К. А., 2021

предупреждение, пресечение террористической и экстремистской деятельности и проявлений агрессивного национализма, ксенофобии. При этом особое внимание уделено проблеме молодежного экстремизма [1]. По официальным статистическим данным МВД России, в январе — декабре 2020 г. зарегистрировано 833 преступления экстремистской направленности в нашей стране, что на 42,4 % больше по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. [2]. Анализ статистики совершаемых преступлений экстремистской направленности позволяет утверждать, что их наибольшая доля совершена лицами 18–30 лет (значения показателя в пределах от 30 % до 40 % от общего количества зарегистрированных преступлений экстремистского характера) [3].

Высокая степень вовлеченности молодежи в экстремистскую деятельность связана, с одной стороны, с нестабильным социально-экономическим положением молодежи в обществе, с другой — с психологическими особенностями данной социальной группы, то есть склонностью к паникам, девиациям, деформациям сознания и поведения. Движущей силой молодежного экстремизма является стремление к социальным изменениям, как протест против господства общего, против гомогенности [4, с. 20]. Стоит отметить, что молодежный экстремизм стал неотъемлемым атрибутом любого общества, и его полное искоренение невозможно. Однако необходимы меры, сдерживающие его радикальный потенциал. Одним из эффективных направлений удержания молодежного экстремизма на приемлемом уровне служит профилактическая работа преступного поведения в молодежной среде.

Важная задача в процессе разработки профилактических мероприятий молодежного экстремизма — осмысление признаков, характерных черт, мотивов поведения личности экстремиста, а также понимание его социально-демографического портрета. В научной литературе выделяют следующие признаки личности экстремиста: психические расстройства (нарциссизм, склонность к аффективным состояниям), наличие установок, образа врага, противопоставление себя внешнему миру, стремление достичь цель кратчайшим путем, отрицание компромисса, использование силовых методов давления, действие по принципу «цель оправдывает средства», склонность к агрессии, жестокость, способность применить насилие ради собственных интересов, низкая значимость человеческой жизни, как своей, так и окружающих [5].

Относительно социально-демографического портрета экстремиста в ряде научных публикаций, основанных на анализе статистики совершенных преступлений экстремистской направленности и материалов судебной практики, отмечается, что в обобщенном виде социально-демографический портрет экстремиста выглядит следующим образом: мужчина 18–29 лет, гражданин России, ранее не привлекавшийся к уголовной ответственности, со средним профессиональным образованием, работник неквалифицированных должностей с ежемесячным доходом от 10 до 20 тыс. руб. или без постоянного источника дохода, разделяющий крайние взгляды экстремистских учений [6, с. 45]. Данный комплекс признаков дает представление о наиболее уязвимой категории молодежи, что позволяет целенаправленно и эффективно подходить к разработке программ профилактики.

Не менее значимым аспектом в осмыслении портрета личности экстремиста является анализ представлений о нем в общественном сознании. Изучение собирательного образа экстремиста в представлении различных категорий населения позволяет диагностировать остроту проблемы и вектор отношения к ней. Тревожным сигналом нездорового общества служит наделение позитивными чертами личности экстремиста, героизация его среди населения, поддержка и одобрение деятельности экстремистских организаций. Это обуславливает внима-

ние исследователей к изучению отношения представителей российского общества к проблеме экстремизма и детальному социологическому анализу образа экстремиста в их сознании.

Методология и результаты исследования

В июне 2021 г. автором статьи совместно со специалистами кафедры социологии Сибирского федерального университета проведено социологическое исследование по вопросам отношения населения Красноярского края к проблемам экстремизма и радикализма. Метод исследования — анкетный опрос, тип выборки — квотная, репрезентативная по полу, возрасту и территории размещения населения Красноярского края, в частности жителей от 18 лет и старше ($n = 1\,000$).

Среди задач исследования — выявление образа экстремиста в общественном сознании жителей края. С этой целью респондентам задан открытый вопрос: «На Ваш взгляд, какие основные черты присущи людям, призывающим к враждебным насильственным действиям в отношении представителей какой-либо национальности или религии?». Из 1 000 респондентов содержательные ответы на данный вопрос дали 967 человек. При этом общее количество суждений составило 1 446¹. Результаты исследования показали, что доминирующий образ экстремиста в представлениях жителей края является резко негативным (1 041 ответ). К основным негативным чертам, которыми респонденты наделили экстремистов, относятся «агрессия», «озлобленность», «глупость», «необразованность», «жестокость», «алкоголизм», «ненависть к людям», «эгоизм», «враждебность», «нетерпимость», «зависть», «фанатичность», «грубость», «неприязнь», «национализм», «вспыльчивость».

Второе место по распространенности в представлении респондентов занимает образ экстремиста как человека с психическими отклонениями (124 ответа). По мнению жителей края, такие люди имеют психические расстройства, им свойственны раздражительность, неуравновешенность, неуверенность в себе, замкнутость и другие особенности, выводящие их за пределы нормальной личностной организации. Характеристики, иллюстрирующие эту смысловую группу, следующие: «больные», «безумные люди», «с психическими расстройствами», «раздражительные», «нервные», «импульсивные», «неуверенные», «замкнутые», «не умеющие контролировать свои эмоции», «зависимые от других», «скрытные, внушаемые».

Третье место в представлениях респондентов принадлежит образу экстремиста как человеку, оказавшемуся в сложных жизненных ситуациях, переживающему социальные и личные проблемы, противоречия, депривации (59 ответов). По мнению респондентов, это — люди, которым не удалось реализовать себя, они переживают обиду, неудовлетворенность собой, жизнью, окружающими, а также складывающимися ситуациями, чувствуют потребность компенсировать эти дефициты. Такие люди не устроены в жизни, отчуждены, нередко становятся участниками социальных противоречий и конфликтов. У них появляется желание найти виновных собственного неблагополучия.

На четвертом месте находится образ экстремиста как человека, преследующего определенные личные интересы, обладающего особыми установками и убеждениями (16 ответов). Посредством экстремистской деятельности они стара-

¹ Каждый респондент имел возможность назвать несколько характеристик людей, призывающих к враждебным насильственным действиям в отношении представителей какой-либо национальности или религии.

ются достичь личной выгоды, заработать деньги, стремятся к богатству и славе. Среди экстремистов — люди с особыми взглядами и убеждениями, воспитанные в условиях конфликтов и противоречий.

Пятое место занимает позитивный образ экстремиста (девять ответов). При этом наблюдаются признаки героизации и романтизации экстремистов. Им приписывают патриотизм, высокие моральные ценности, храбрость, любовь к родине, силу характера.

На шестом месте — две равных по распространенности смысловых группы черт образа экстремиста. В данном случае экстремизм связан с принадлежностью экстремистов к определенным социальным группам, в которых культивируется враждебное отношение к представителям той или иной национальности, религии («люди мужского пола», «люди с русскими корнями», «скинхеды», «носители «пацанских» понятий» и другие; восемь ответов), а также с подверженностью экстремистов манипуляциям и внешнему негативному влиянию: «зомбированные люди», «идущие на поводу у специально обученных людей», «поддающиеся на провокации» и т. п. (восемь ответов).

Седьмое место также разделили две смысловые группы: экстремизм как порождение межэтнических и межрелигиозных конфликтов, противоречий (семь ответов); как деятельность, характерная для представителей ряда этнических групп (семь ответов). Восьмое место занял образ экстремиста как человека, претендующего на собственную исключительность и привилегированный статус (шесть ответов). Последняя группа высказываний связана с религиозным контекстом, то есть приверженностью экстремистов религиозным верованиям (пять ответов). При этом экстремизм связан с гипертрофированной религиозностью и влиянием радикальных околорелигиозных идеологий.

Если обобщить, то можно отметить, что доминирующий образ экстремиста в представлении жителей края носит преимущественно негативные черты и выглядит следующим образом: экстремист — это агрессивный озлобленный жестокий человек, нетерпимый к людям, отличающийся низким уровнем образования и интеллектуального развития, обладающий возможными психическими расстройствами. Несмотря на то, что позитивные оценки образа экстремиста в представлениях респондентов присутствуют, это не носит характера общей тенденции к героизации и романтизации экстремистов и их деятельности. Поэтому результаты исследования дают основание утверждать, что признаки влияния радикальных идеологий, ведущих к межэтническим и межрелигиозным конфликтам в общественном сознании жителей Красноярского края, отсутствуют.

Обсуждение результатов

Таким образом, социологический анализ показал, что изучение личностных и социально-демографических черт экстремиста выступает в качестве актуальной задачи как для оценки рисков, связанных с влиянием экстремистской идеологии на общественное сознание и вовлечением молодежи в экстремистскую деятельность, так и в целях разработки и реализации профилактических мероприятий для различных социальных групп российского общества. В свою очередь, проведение социологических исследований, направленных на выявление отношения населения к проблемам экстремизма, позволяет своевременно фиксировать рискогенные факторы, понимая причины и источник их появления. Так, изучение образа экстремиста в представлении жителей Красноярского края обусловило понимание отсутствия угрозы, связанной с наличием позитивно одобряемых установок в отношении экстремистской деятельности в массовом сознании жите-

лей края. Ответы, в которых присутствуют признаки оправдывания и героизации экстремистов, единичны. Однако, учитывая общественную опасность проявления различных видов и форм экстремистской деятельности, они требуют внимательного отношения и изучения. Полученные результаты активно применяются в работе Управления общественных связей губернатора Красноярского края, Регионального центра по изучению и профилактике экстремизма и терроризма Сибирского федерального университета с целью поддержания основных сфер жизни населения региона в гармоничном состоянии.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/#1000> (дата обращения: 20.09.2021).
2. Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2020 г. [Электронный ресурс]: сборник // Министерство внутренних дел России: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/23816756/> (дата обращения: 20.09.2021).
3. Характеристика выявленных лиц, совершивших преступления: сводный отчет ГИАЦ МВД России за период с 2019 по 2020 г. М., 2020.
4. Беляков Б. Л., Шинкевич В. Е. Проявление экстремизма в молодежной среде и способы его профилактики // Мир образования — образование в мире. 2014. № 2. С. 18–22.
5. Липина Е. А. Психологические особенности личности экстремиста [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования: электр. науч.-практ. журнал. 2015. № 8. URL: <https://human.snauka.ru/2015/08/12222> (дата обращения: 20.09.2021).
6. Абдулганеев Р. Р., Миронов С. Н. Криминологический портрет личности современного экстремиста // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9. № 1. С. 42–47.

Контактные данные:

Дивеева К. А.: 660041, Красноярск, Свободный пр., д. 79;
e-mail: kseniya-fedyukina@yandex.ru.

Contact Details:

Diveeva K. A.: 79 Svobodnyy Ave., Krasnoyarsk 660041, Russia;
e-mail: kseniya-fedyukina@yandex.ru.

Бородин В. В., Фурман Ф. П., Фурман Т. Г.

Необходимость существования идеологии в государстве и невозможность права существовать без идеологии

*Borodin V. V., Furman F. P., Furman T. G. The Need for the Existence
of Ideology in the State and the Impossibility of the Right to Exist
Without Ideology*

В статье рассмотрены проблематика вопроса целесообразности признания идеологической функции в общей системе функций современного государства, с обоснованием ее социально-общественной необходимости и правовой роли. Сделан акцент на объективности и важности переосмысления государственно-центристского подхода к пониманию идеологической функции и восприятию государственно-центрической парадигмы, основанной на признании человека высшей социальной ценностью. Согласно авторской позиции, наиболее полное, всестороннее познание государственно-правовых явлений и процессов на любом историческом этапе существования человеческого общества требует тщательного исследования и глубокого понимания главных функций государства. Такие функции позволяют выявить сущность государственного воздействия на общественные отношения, его качественные особенности, определить ведущие направления и перспективы

The article considers the problematic of the issue of the expediency of recognizing the ideological function in the general system of functions of the modern state, with the justification of its social and social necessity and legal role. The objectivity and importance of rethinking the state-centrist approach to understanding the ideological function and perception of the state-centric paradigm, based on the recognition of a person as the highest social value, was separately emphasized. The most complete, comprehensive knowledge of state and legal phenomena and processes at any historical stage of the existence of human society, of course, requires careful research and deep understanding of the main functions of the state. It is the functions of the state that make it possible to identify the essence of state influence on social relations, its qualitative characteristics, and also to determine the main directions and prospects for development. These processes are also facilitated by the transition

Бородин Виктор Васильевич — профессор кафедры конституционного и международного права юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

Фурман Феликс Павлович — профессор кафедры теории и истории государства и права Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, доктор философских наук.

Фурман Татьяна Геннадьевна — доцент кафедры иностранных языков Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, кандидат культурологии.

© Бородин В. В., Фурман Ф. П., Фурман Т. Г., 2021

развития. Этим процессам способствует и переход от государственно-центристской идеологии к человеку-центристской, согласно которой государство должно «служить» интересам граждан (то есть действовать на «благо человека»).

Ключевые слова: идеология, идеологическая функция государства, правопонимание, общественно-правовые отношения.

from a state-centrist ideology to a person-centered one, according to which the state must “serve” the interests of citizens (that is, act for the “good of man”).

Keywords: ideology, ideological function of the state, legal thinking, social and legal relations.

Присуще ли государству право на идеологию? Вопрос риторический. Если существует государство, то оно невозможно без идеологии, иначе общество этого государства начинает «разлагаться», а затем и государство как дефиниция ничего не стоит.

Не может и не имеет право Конституция отрицать идеологию. Вероятно, прав В. В. Лазарев, говоря о том, что в таком случае государство представляет собой фикцию. Он же цитирует Цицерона, который считал, что несправедливость достигается двумя способами: или насилием, или обманом [1]. Представляется, что, если отсутствует в российском государстве идеология, одновременно к разрушению последнего приводит и то, и другое.

Мировая практика показывает, что необходимым условием эффективного функционирования и общественно-исторического развития государства в контексте масштабных глобализационных процессов в экономической, культурной, политической, правовой, иных сферах выступает идеология как один из важнейших факторов обеспечения социальной консолидации и мобилизации современного общества. В течение последних двадцати лет в России, как и в других странах постсоциалистического лагеря, происходит усиление влияния идеологической составляющей, что, безусловно, составляет одно из приоритетных направлений деятельности государства и является главным источником общественного прогресса. Опыт развитых стран свидетельствует о том, что устойчивое развитие государства, удовлетворение потребностей современного общества и обеспечения социально-экономического роста невозможны без активной идеологической деятельности государства.

Исследование данного вопроса представляет значительный теоретический интерес и практическую ценность с учетом того, что после распада СССР полностью сняты все идеологические запреты. Тем самым сложилась ситуация, когда в круг научных интересов ученых-теоретиков идеологическая функция государства практически перестала попадать. Однако следует отметить, что все-таки были отдельные попытки пролить свет на ее роль в общественной жизни. Попытаемся обосновать целесообразность признания идеологической деятельности государства, а также разработать рекомендации по формированию и функционированию эффективного механизма идеологического влияния государства на общественно-правовые отношения, базирующегося на человеко-центристском подходе.

В основе стратегических изменений, происходящих в различных сферах государственно-правовой деятельности Российской Федерации (РФ), должна находиться определенная идеологическая составляющая. В то же время, как показывает практика, в процессе проведения реформ в нашем обществе отсутствует четкий системный идеологический подход, который должен совпадать с единственной национально-государственной идеологией, способной объединить

нацию вокруг вопроса развития государства. Общественное и государственное развитие не может происходить стихийно. Каждая реформа обречена на неудачу, если при этом не определены цели развития, методы их достижения, роль государства в их реализации, которые заложены в идеологии.

Конец XX — начало XXI в. характеризуется существенным пересмотром и модернизацией устоявшихся функций государства и практики их реализации. Российское государство стремительно претерпевает изменения путем трансформации задач и функций государства, преобразуется государственная власть, изменяя свою сущность и социальное назначение. В связи с этим А. Н. Буховец обращает внимание на то, что некоторые функции государства отпадают, в других — существенно изменяются объем и содержание, а следовательно, и соотношение в единой системе, которую они образуют. Кроме того, появляются новые, неизвестные ранее функции государства [2].

При исследовании идеологической функции современного государства необходимо понимать, что на каждом этапе создания государства для достижения новых стратегических целей ставятся четкие задачи, выражающие его сущность и социальное назначение, которые связаны прежде всего с удовлетворением жизненно значимых интересов человека, защитой его прав и свобод, созданием надлежащих условий для утверждения сильного демократического, правового, социального государства. Значение идеологической функции государства особенно возрастает в современных условиях идеологического кризиса, поскольку вера в идеалы — высшие начала бытия (свободы, справедливости, равенства), свойственные классической концепции естественного права, преподносит человеческую личность, достоинство на уровень самых высоких ценностей, а соответственно, необходимых как государству, так и обществу. Задача государства состоит в создании условий для духовного роста граждан, в поддержке идеологии, ориентированной на общечеловеческие идеалы и ценности, с целью осознания личностью единственного ее высшего долга — служить правде и справедливости [3].

Несмотря на необходимость разработки и внедрения идеологической функции государства, среди ученых-теоретиков указанная проблематика редко становится предметом научной дискуссии. Такая позиция отечественных ученых свидетельствует о ее сложности и содержательной многогранности, что, в свою очередь, обуславливает актуальность проведения комплексного научного анализа этой проблематики в пределах теоретико-правовой науки.

Очевидно, причиной данной ситуации является чрезмерная актуализация идеологической проблематики в советский период. В России об идеологии говорили в основном ученые марксистской ориентации, которые трактовали ее с классовых позиций. Наглядный пример — классическая марксистская теория, в которой идеология была одним из ключевых понятий. Его суть заключалась в одностороннем отражении общественных отношений. По этой причине на постсоветском пространстве идеология преимущественно ассоциируется с тоталитарным мышлением. Отсюда произведенный прошлым опытом страх перед идеологическим влиянием, а также определенная апатия к исследованию идеологий в условиях посттоталитарного общества [4].

Прежде чем перейти к характеристике особенностей формирования и содержания идеологической функции государства, рассмотрим вопрос об определении понятия «идеология», что является необходимым условием ее существования. Анализ научной литературы свидетельствует о том, что термин «идеология» введен в научный оборот французским философом и экономистом Дестютом де Траси в 1796 г. В своей работе «Этюд о способности мыслить» он использовал

этот термин, чтобы охарактеризовать «науку об идеях», в частности то, как они возникают, и законы человеческого мышления [5]. Однако в близком к современному пониманию смысле понятие «идеология» впервые начал употреблять Наполеон Бонапарт, называя противников из лагеря либералов идеологами, то есть людьми, которые создают определенные абстрактные теории и при этом неспособны к практической творческой деятельности [6].

Сегодня несложно дать четкое понятие идеологии, хотя это не лишает ученых попыток определения его базовых признаков и характеристик. Так, современный британский неомарксист Терри Иглтон, автор многих работ, посвященных данной проблематике, приводит около шестнадцати определений идеологии [7].

В рамках настоящего исследования нецелесообразно цитировать каждое из существующих определений, несмотря на то, что часто они близки по значению. Как представляется, уместно разграничение их с базовым критерием. Одни ученые видят в идеологии идеи или систему идей либо символических представлений. Другие — склонны воспринимать идеологию как принцип, как стратегию мышления, как процесс или дискурс, через который социальные отношения согласуются с действительностью. Если в основе первого взгляда наблюдается стремление дать понимание природы идеологии, то второй — базируется на оценке функционального аспекта идеологических моделей.

Дискуссионным в научных кругах является и положение ч. 2 ст. 13 Конституции РФ о запрете государственной и обязательной идеологии [1; 8; 9]. В данном случае законодатель пошел путем закрепления того, что ни одна идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Вместе с тем анализ нормативного предписания о запрете закрепления приоритетности развития государственной идеологии в России, на наш взгляд, является дискуссионным не только в юридической науке, но и на практике. Основным показателем, характеризующим деятельность государства в данном направлении, служит несоответствие этой нормы реальному состоянию дел, что нередко свидетельствует об идеологической разобщенности общества.

Несмотря на закрепление этой нормы на самом высоком законодательном уровне, то есть в Конституции РФ, присуща неоднозначность и разноплановость подходов трактовке учеными этой нормы, что и актуализирует необходимость исследования идеологической функции государства. Анализируя актуальные проблемы юридической науки, отметим, что понимание идеологии связано с проблемой правопонимания. Следует отказаться от нераздельного, господствующего в отечественной юриспруденции легистского правопонимания, которое привело к образованию пробелов. Они должны быть как можно быстрее заполнены, ликвидированы (учитывая конституционный запрет предоставления любой идеологии статуса официально-государственного при условии развертывания академической свободы). Попытки устранить такой пробел уже начали осуществляться в правовой науке, исходя из различных, порой даже взаимоисключающих концептуально-методологических подходов. В подтверждение тезиса уместно обратиться к ряду высказываний отечественных ученых. Так, А. Ф. Байков справедливо отмечает, что любая конституция — это не только основной правовой, а вместе с тем и политический закон. Иными словами, политику без идеологии представить сложно [10]. Р. В. Енгибарян и Ю. В. Тадевосян в этой связи пишут: «Отказ от прошлой чрезмерной идеологизации советских конституций не должен приводить к отрицанию всякой связи конституции с идеологией в современном демократическом обществе и государстве» [11].

Дискуссия о целесообразности разработки идеологической функции современного государства имеет не только огромное теоретическое значение, но и практи-

ческое. Противникам выделения идеологической функции государства А. Н. Буховец говорит о том, что управление обществом нельзя осуществлять без наличия конечной цели и соответствующих мировоззренческих ориентиров. Кроме того, ее отсутствие противоречит не только социальному назначению государства, но и общей теории управления. Идеологическая функция является фундаментом, основой деятельности государства в сфере экономики, социальной политики, охраны окружающей природной среды и др. Он также не соглашается с мыслью о том, что общество может существовать без идеологии. Даже распространенность в обиходе утверждения о том, что «отсутствие идеологии — это также идеология», еще раз свидетельствует об утопичности модели общества, которое живет за определенными идеологическими ориентирами [2]. Кроме того, ученый отмечает, что абсолютное большинство государствоведов, а также философов, историков, политологов признают идеологию неотрицательным признаком современного государства наряду с территорией, властью и т. п. Поэтому автор относит государственную идеологию к перечню неотъемлемых, сущностных признаков, наличие которых и делает возможным возникновение и существование феномена государства.

В этом контексте Д. Ю. Цыганкова не только подтверждает наличие идеологической функции государства, но и подчеркивает, что она занимает особое место в системе государственных функций, поскольку реализация любой функции предусматривает идеологический аспект. Кроме того, от эффективности осуществления идеологической функции зависит эффективность реализации всех других функций государства [12].

Учитывая вышеизложенное, у нас есть все основания констатировать необходимость выполнения государством идеологической функции. Говорить следует не столько об отсутствии в обществе идеологии, сколько о том, какая идеология нужна нашей стране.

На рубеже 80–90-х гг. XX в. популярным был термин «деидеологизация», который выражает стереотип освобождения от сознания тоталитарной власти. В этот период искренне верили в то, что, освобождая культуру от обязанности иллюстрировать государственно-партийные лозунги, общество становится свободным от какой-либо идеологической функции [13]. Однако, как свидетельствует практика, избавиться от идеологического воздействия невозможно.

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что сегодня в базовых учебниках по теории государства и права происходит замена идеологической функции государства культурной, которая в большей степени касается гарантий реализации культурных прав и свобод человека и гражданина, то есть права на образование; свободы литературного, художественного, научного и технического творчества; права на результаты интеллектуальной, творческой деятельности; свободы вероисповедания и др. Вместе с тем современное государство имеет ряд особенностей функционирования. Прежде всего на функции всех без исключения государств влияет научно-технический прогресс. Поэтому в настоящее время особого внимания со стороны государства заслуживает сфера образования и науки, которая выступает главной движущей силой развития общества и государства в целом.

Бурные темпы научно-технической революции изменили условия жизни современного общества, и они требуют переосмысления содержания, направлений развития идеологической функции государства, осознания ее значения, характерных особенностей, места и роли в жизни. На наш взгляд, эту проблему следует решать под новым углом зрения для отечественной теоретико-правовой науки, где в основу будет положен человеко-центристский подход, рассматрива-

ющий человека как уникальную, неповторимую и самую высокую ценность на планете.

Говоря о важности разработки механизма идеологического воздействия, следует отметить, что он в первую очередь должен отвечать общественным потребностям и сдерживать определенные ожидания общества в конкретных жизненных ситуациях. Исследуя социальные и психологические функции идеологии, К. Гирц утверждает, что необходимо осознавать механизм идеологического воздействия. Чаще всего обсуждаются последствия, но редко сосредоточено внимание на процессе рождения и утверждения идеологий [14]. Сила идеологического воздействия ощутима, если речь идет об изменчивости общественных настроений. К. Гирц проводит аналогию между идеологией и картой дорог: как карта дорог направляет наше движение и дает возможность найти правильный путь, предлагая заранее определенную модель, так и идеология фиксирует символические схемы, определяющие ориентацию в социуме. Итак, от качества символической карты, которую предлагает идеология, зависит успех ее воплощения в общественную практику.

Тем не менее следует отдать должное тотальной идеологии. Она обеспечила общую мобилизацию общественных настроений путем постоянной подпитки в воображении людей образа врага. Недаром в марксистских теориях она представлена с помощью понятий борьбы и оружия. Однако, в отличие от тотальной идеологии, идеологическую ситуацию посттоталитарного общества можно проследить на этом же примере карты дорог, которая дает ориентацию в социальном пространстве, но не обязывает двигаться по одной дороге, оставляя право выбора. В этом, с одной стороны, ее существенное преимущество, а с другой — проявляется фактор риска, поскольку схема предусматривает сознательный выбор каждого. Тем самым изменяется характер идеологической составляющей общества: она должна восприниматься в большей степени индивидуализировано, в отличие от тотального идеологического воздействия. Несмотря на то, что современная идеологическая функция государства является одной из важнейших и что она характерна для всех без исключения государств, отрицание государственной идеологии в современных демократических странах привело к своеобразному отрицанию идеологической функции государства при имеющемся ее сохранении, что сказалось в определенной неадекватной реакции на социальную реальность, способствуя ценностной дезориентации общества [15].

Подводя итоги, можно заключить, что теоретические размышления относительно любой проблемы бесперспективны и напрасны, если они не предусматривают решения конкретных практических задач с обязательным определением стратегической цели и четкой прогностической направленности. Целесообразно сделать следующие выводы:

- на формирование идеологической функции государства значительное влияние оказывают новые условия и проблемы современной жизнедеятельности общества, различные объективные и субъективные факторы, а также изменения во внутренней и внешней политике государства;
- используя человеко-центрический подход в процессе исследования идеологической функции современного государства, отметим, что именно человеко-центрическая идеология, в отличие от государственно-центристской, может стать рычагом воздействия, который направляет развитие общественных отношений в направлении качественных изменений;
- современная общественная практика еще не выработала четкую систему защиты от влияния тоталитарных идей, продолжающих господствовать в нашем обществе; отсутствие четко определенной идеологической концепции

государства в действительности не является вседозволяющим плюрализмом, а лишь служит основанием противоречий разнонаправленных идеологических доктрин, которые распространяют свое влияние на наше государство, в частности на его гуманитарную сферу как стратегическую составляющую государственной политики;

- в современных условиях требует глубокого осмысления не только тотальная идеология, которая стремилась абсолютно доминировать в обществе, но и частичная, и групповая, поскольку сегодня наблюдается столкновение многих локальных (групповых) идеологий, что составляет существенную угрозу для национальной безопасности государства в целом.

Убеждены, что вопрос об идеологической функции государства в контексте бурного развития современного общества является особенно актуальным, дискуссионным и недостаточно решенным. Это требует наличия комплексного подхода при проведении дальнейших научных исследований.

Литература

1. Лазарев В. В. Идеологическое сопровождение современного правосудия // Мир политики и социологии. 2019. № 4. С. 16–32.
2. Буховец А. Н. Идеологическая функция государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 200 с.
3. Eagleton T. Ideology: An Introduction // Australian Journal of Political Science. 1992. Vol. 2. P. 391–392.
4. Кальной И. И. Статус идеологии в Конституции Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 2. С. 9–14. DOI: 10.17816/RJLS46408
5. Ядов В. Идеология как форма духовной деятельности общества. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1961. 122 с.
6. Цыганкова Д. Ю. Идеологическая функция государства: к вопросу о корректности понятия // Современная наука. 2011. № 3. С. 56–58.
7. Дестюле де Траси, Антуан-Луи-Клод. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / пер. с фр. Д. А. Ланина. М.: Акад. проект: Альма Матер, 2013. 333 с.
8. Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б. К вопросу о государственной идеологии современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2020. Т. 31. С. 6–20. DOI: 10.26516/2073-3380.2020.31.6
9. Мазурин С. Ф. Государственная идеология и общественное самосознание // Мир политики и социологии. 2019. № 6. С. 25–28.
10. Байков А. Ф. Правовая идеология: сущность и реализация в условиях правового государства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 176 с.
11. Енгибарян Р. В. О некоторых дискуссионных теоретико-методологических вопросах курса конституционного права // Государство и право. 2001. № 1. С. 14–25.
12. Романов А. А. К вопросу о государственной идеологии в контексте поправок к Конституции Российской Федерации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 32–39.
13. Бородин В. В. Роль правовой культуры в формировании социалистического правового государства // Советское государство и право 1990. № 2. С. 28–34.
14. Иванова М. В. Идеология как нормативно-регулятивный механизм в истории общества // КАНТ. 2021. № 1. С. 119–126. DOI: 10.24923/2222-243X.2021-38.25
15. Бредихин А. Л. Правовая основа осуществления идеологической функции государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 6. С. 22–25. DOI: 10.18572/1813-1247-2020-6-22-25

Контактные данные:

Бородин В. В.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;
e-mail: borodindis@mail.ru.

Фурман Ф. П., Фурман Т. Г.: 198035, Санкт-Петербург, Двинская ул., д. 5/7;
e-mail: furman-feliks@yandex.ru.

Contact Details:

Borodin V. V.: 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;
e-mail: borodindis@mail.ru.

Furman F. P., Furman T. G.: 5/7 Dvinskaya Str., St. Petersburg 198035,
Russia; e-mail: furman-feliks@yandex.ru.

Зернов А. О., Воскресенская Е. В., Индык К. П.

Теоретическая и практическая значимость сравнительного правоведения в развитии международного права

*Zernov A. O., Voskresenskaya E. V., Indyk K. P. Comparative Jurisprudence
in the Development of International Law*

В статье рассмотрен вопрос значимости сравнительного правоведения для юриспруденции в целом и для международного права в частности. Сравнительное правоведение устойчиво вошло в структуру юридических наук, заняв важное теоретическое и методологическое место. Методологическое значение сравнительного правоведения находит отражение в процессе развития юридических наук, особенно международного права. Теоретическое значение сравнительного правоведения как юридической науки заключается в терминологической базе, которую предоставляет сравнительное правоведение для других компаративных наук и исследований. Авторами обоснована актуальность сравнительного правоведения как научного направления, что обусловлено нарастающими интеграционными и трансграничными тенденциями в праве, вызванными глобализацией, в рамках которых сравнительное правоведение призвано обеспечить методологическую и теоретическую основу.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, международное право, юридическая наука, юриспруденция, глобализация, компаративистика.

The article considers the importance of comparative jurisprudence for jurisprudence in general and for international law in particular. Comparative law has steadily entered the structure of the legal sciences, taking an important theoretical and methodological place. The methodological significance of comparative law is reflected in the development of legal sciences, including and especially international law. The theoretical significance of comparative law as a legal science lies in the terminological basis that comparative law provides for other comparative sciences and studies. The authors substantiate the relevance of comparative law as a scientific direction, which is due to the growing integration and cross-border trends in law caused by globalization, within which comparative law is designed to provide a methodological and theoretical basis.

Keywords: comparative law, international law, legal science, jurisprudence, globalization, comparative studies.

Глобальные проблемы человечества требуют от мировой общественности единого плана и политики противодействия мировым кризисам, что возможно только путем внедрения системы правовых нормы, способных предотвратить наступ-

Зернов Антон Олегович — магистрант Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Воскресенская Елена Владимировна — директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент.

Индык Константин Петрович — доцент кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат юридических наук, доцент.

© Зернов А. О., Воскресенская Е. В., Индык К. П., 2021

ление неблагоприятных последствий. Нарастающий темп эволюции общественных отношений, обусловленный развитием технического прогресса после промышленной революции и, как следствие, глобализацией, все больше закрепляет за правом роль ведущего социального регулятора. Ввиду этого процесс выработки новых правовых идей по изменению и дополнению законодательства имеет все более комплексный и сложный характер, но одновременно характеризуется безотлагательным, срочным характером, поскольку в эпоху глобалистических и интеграционных тенденций пробелы в праве порождают особенно острые социальные проблемы.

Международное право и сравнительное правоведение как научные направления юридической мысли имеют свою базу, то есть изучение национального права. Данные направления возлагают на себя цель по выявлению особенностей, сходства и различия национальных правовых систем, в рамках которого основной задачей является определение наиболее эффективного правового регулирования общественных отношений, отличающегося бы универсальностью.

В своих трудах Р. Давид отмечал, что влияние сравнительного правоведения на международное право (и частное, и публичное) является очевидным. При этом, по его словам, международное право направлено на унификацию регулирования общественных отношений. Именно в унификации и есть основной вектор развития права [1, с. 196]. Однако, несмотря на авторитетность Р. Давида в вопросах сравнительного правоведения, необходимо рассмотреть методы влияния сравнительного правоведения на международное частное право и международное публичное право.

Если рассматривать международное частное право, то влияние на данную правовую отрасль сравнительного правоведения (как и его теоретическая, а также практическая значимость) не вызывает сомнений, поскольку международное частное право в своей основе имеет отраслевое национальное право. В таком случае теоретическая значимость сравнительного правоведения заключается в предоставлении в рамках правотворчества национального «базиса» правовых норм, регулирующих определенную отрасль права или правовой институт. Затем следует теоретический анализ этой совокупности правовых норм и анализ объективной действительности для выявления наиболее эффективного пути правового регулирования общественных отношений, которое могло бы найти отражение в международных частноправовых актах. Практическая значимость сравнительного правоведения в данном случае выражена в закреплении норм в международных нормативных правовых актах, которое влечет за собой непосредственное регулирование общественных отношений [2, с. 52].

В вопросах международного публичного права говорить о непосредственном влиянии сравнительного правоведения представляется затруднительным, так как сами по себе нормы международного публичного права имеют первичный и приоритетный характер. Это особенно становится очевидным, если речь идет о правовом регулировании общих объектов, например, общественных отношений, возникающих при использовании космического или воздушного пространства, мирового океана и др. Необходимо обратить внимание на то, что международное публичное право обладает богатым опытом регулирования правовых отношений на макроуровне. Соответственно, пересмотр существующих норм международного публичного права, попытки изменить устоявшийся порядок нормотворчества будет проигнорирован [3, с. 20].

Кроме того, нельзя исключать того, что повышение степени модальности норм международного права, корректный подход к осуществлению нормотворческой деятельности должны способствовать повышению качества юридических норм,

которые субъект в результате осознанного принятия признает для себя обязательными, а следовательно, будет пассионарно стремиться к их исполнению [4, с. 15]. При таком рассмотрении влияние сравнительного правоведения на международное публичное право исключено, сравнительное правоведение не имеет ни теоретического, ни практического значения в международном публичном нормотворчестве.

Однако не следует рассматривать сравнительное правоведение как науку, занимающуюся исключительно сравнением отдельных элементов системы права национальных правовых систем. Помимо этого, значимая функция сравнительного правоведения состоит и в том, чтобы формировать некую унифицированную правовую систему, создавать теоретические и практические предпосылки для ее формирования. Итак, сравнительное правоведение может разрабатывать как международные публичные, так и международные частные правовые идеи, имеющие практическую и теоретическую значимость, а иногда даже разрабатывать проекты элементов правовой системы смешанного характера. Унификация как цель международного права становится необходимым методом формирования транснациональных правовых регуляторов [5, с. 158].

Несмотря на то, что международное право в процессе нормотворчества не взаимодействует с национальными правовыми системами непосредственно, нормотворческая деятельность не может быть «оторвана» от социальной действительности, наблюдающейся в определенных государствах, а также обычаев, традиций, моральных и религиозных норм, иных социальных регуляторов общественных отношений. Основанием для эффективного исполнения диспозиции любой правовой нормы служит не жесткая (или жестокая) санкция, а осознание обществом, в котором данная правовая норма является регулятором общественных отношений, ценности такой диспозиции. Наиболее эффективным исполнением сопровождаются только те правовые нормы, ценность которых в обществе не вызывает сомнений [6, с. 485].

В этой связи международное право не должно и не может выступать в качестве «иностранного» элемента национальных правовых систем. Оно должно в первую очередь гармонично интегрироваться в существующую систему социальных норм. Нормы международного права не могут вступать в противоречия с моральными и религиозными нормами, а должны учитывать обычаи и традиции, сложившиеся в отдельных государствах. Иными словами, они должны соблюдать баланс между целью правового регулирования и объективно возможным влиянием на общественные отношения в конкретном обществе на конкретном этапе его исторического развития [7, с. 119].

Именно в данном вопросе сравнительное правоведение раскрывает теоретическую значимость в развитии международного права. Сравнительное правоведение учитывает не только формально-правовые институты, но и их социальную обоснованность в том или ином государстве, что позволяет международному праву использовать соответствующую теоретическую базу для применения метода научного прогнозирования (значимость которого в рамках международного нормотворчества невозможно переоценить). Более того, данный анализ позволяет международному праву сформировать свое отношение к обычному и религиозному праву, к степени принятия правовых или иных, социальных норм в национальных правовых системах.

Таким образом, теоретическая значимость сравнительного правоведения заключается в создании научной базы для международного права путем анализа отдельных элементов системы права, их синтеза в укрупненные общества (в качестве которых могут выступать англосаксонская, романо-германская и религи-

озно-традиционные правовые семьи). Каждой из этих правовых семей свойственны определенный уровень и особенности правового сознания. Последнее необходимо учитывать при международном нормотворчестве как публичного, так и частного характера.

Сравнительное правоведение предоставляет международному праву понятийный аппарат, применяющийся в международном частном и международном публичном праве. Так, в разных национальных правовых системах один и тот же термин может обладать разным правовым статусом, признаками, правовым регулированием и т. д. В. С. Нерсисянц отмечает, что при всех имеющихся отличиях сравниваемых в рамках сравнительного правоведения правовых институтов наблюдается одна и та же правовая сущность, что и позволяет сделать их предметом сравнительно-правового исследования [8, с. 12]. Международному праву нужно выработать наиболее полные и точные определения для макрорегулирования общественных отношений, которые успешно удастся предоставить со стороны сравнительного правоведения. Например, сравнительное правоведение, несмотря на разность понятия «иностраннный элемент», смогло выявить наиболее универсальное для большинства национальных правовых систем определение, которое может быть использовано и успешно используется в международных нормативных правовых актах [9, с. 177].

Глобалистические тенденции диктуют интеграцию национальных правовых систем, что выражено в международном праве. Однако его успешное функционирование возможно только при закреплённой, обоснованной и определенной системе правовых терминов. Тем самым очевидна практическая значимость сравнительного правоведения в развитии международного права [10, с. 86].

Любые правовые науки, объектом исследования которых служат компаративные элементы, не могут быть оторваны от сравнительного правоведения и иных компаративных наук, поскольку цель любой науки — установление истины, а следовательно, единой непротиворечащей внутренне системы научного знания. Ввиду значительного влияния сравнительного правоведения на международное право, как в теоретическом, так и в практическом аспекте, особую значимость приобретают методы и научные направления толкования правовых норм [11, с. 56]. Данный вопрос особенно актуален при сравнении правовых институтов разных национальных правовых систем. Толкование права — процесс, который может в значительной степени повлиять на правоприменительную практику. Следовательно, крайне важным в рамках сравнительного правоведения (с учетом его теоретического и практического влияния на международное право) представляется правильное толкование норм права.

Несмотря на нарастающую сложность в процессе толкования права и правопонимания в условиях нарастающей сложности общественных отношений, необходимо выработать однообразный подход к правопониманию, который позволил бы всем субъектам правоотношений добиться единообразия в рамках правоприменительной и судебной деятельности. Ответом на такой социальный заказ стала правовая герменевтика, которая стремительно развивается в рамках философии права. Правовая герменевтика направлена на понимание человеком законов и прав, правовых норм и интерпретацию правовых текстов, а также позволяет обращать внимание в процессе толкования права на все аспекты законодательной деятельности (волю законодателя, ее формирование, цели и задачи законодателя в его деятельности и др.) [12, с. 120; 13, с. 28]. Только руководствуясь достижениями герменевтической науки, ученый-правовед способен максимально эффективно провести анализ как юридического опыта, так и формирования юридических текстов, понять их истинный смысл.

Литература

1. Давид Р., Жоффре Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М.: Международные отношения, 1997. 400 с.
2. Наумов А. В. Сближение правовых систем как результат развития уголовного права XX века и его перспектива в XXI веке // Государство и право. 1998. № 6. С. 50–58.
3. Егоров А. В. Сравнительное правоведение и международно-правовые науки // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 1 (41). С. 19–25. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-2
4. Зернов А. О., Снетков В. Н. Признаки права как предпосылка классификации юридических норм // Актуальные проблемы науки и практики. 2020. № 1. С. 15–18.
5. Кулизаде Т. А. Правовая глобализация: понятие и содержание // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 1-2 (67). С. 158–160. DOI: 10.23670/IRJ.2018.67.149
6. Савельева А. П., Снетков В. Н. Становление ценностно-нормативного аспекта правовой культуры вследствие развития философского рационализма // Евразийский юридический журнал. 2018. № 3 (118). С. 485–486.
7. Шахназаров Б. А. Право и информационные технологии в современных условиях глобализации // Lex Russica. 2021. № 1 (170). С. 118–134. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.170.1.118-134
8. Нерсисянц В. С. Сравнительное правоведение в системе юриспруденции // Государство и право. 2001. № 6. С. 5–15.
9. Егорова А. Г. Национальное право и иностранный элемент // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д. Экономические и юридические науки. 2013. № 6. С. 176–178.
10. Шубенкова К. В. Проблема глобализации в праве: историографический обзор // Legal Concept. 2018. Т. 17. № 1. С. 84–90. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2018.1.14
11. Воскресенская Е. В. Корпоративное право России и Германии: сравнительно-правовое исследование. СПб.: Астерион, 124 с.
12. Сорокун П. В., Комаренко Е. В. Герменевтический подход в правопонимании // Эпоха науки. 2017. № 9. С. 119–123.
13. Ястребова Е. Ю. Вопросы герменевтики в формате юридической науки // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. XXV Междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 26–28.

Контактные данные:

Зернов А. О.: 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 57/43;
e-mail: anton.zernov@bk.ru.

Воскресенская Е. В.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;
e-mail: elenvoskr@mail.ru.

Индык К. П.: 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4;
e-mail: Indyk.k.p@lan.spbgasu.ru.

Contact Details:

Zernov A. O.: 57/43 Sredniy Prospect V.O., St. Petersburg 199178, Russia;
e-mail: anton.zernov@bk.ru.

Voskresenskaya E. V.: 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia; e-mail: elenvoskr@mail.ru.

Indyk K. P.: 4, 2nd Krasnoarmeyskaya Str., St. Petersburg 190005, Russia;
e-mail: Indyk.k.p@lan.spbgasu.ru.

Рыбкина М. В., Фомин Р. А.

Действие принципов гражданского права в семейных правоотношениях

Rybkina M. V., Fomin R. A. The Operation of the Principles of Civil Law in Family Legal Relations

В статье исследуется понятие принципов гражданского права. Определена его сущность с различных правовых позиций. Показано влияние принципов на формирование норм гражданского законодательства. Выявлены особенности доктринальных подходов к понятию правового принципа. Рассмотрено содержание кодифицированных актов, регламентирующих нормы гражданского права, дана оценка их содержания. Проанализированы семейные правоотношения, а также выявлено действие в них принципов гражданского права.

Ключевые слова: правовой принцип, принципы гражданского права, норма права, семейные правоотношения, действие принципов гражданского права.

The article explores the concept of the principle of civil law. It is determined by its essence from different legal positions. The influence of the principles on the formation of the norms of civil legislation is investigated. The features of doctrinal approaches to the concept of a legal principle are revealed. The content of codified acts regulating the norms of civil law is considered and an assessment of their content is given. Family legal relations are analyzed and the operation of the principles of civil law in them is revealed.

Keywords: legal principle, principles of civil law, rule of law, family legal relations, operation of the principles of civil law.

Принципы гражданского права необходимо рассматривать не только с точки зрения их правового закрепления и реализации. В контексте темы настоящей статьи важно определить, каким образом и почему законодатель в 1993 г. решил построить логику кодифицированного нормативного акта, регламентирующего имущественные и связанные с ними неимущественные правоотношения именно с учетом формулировки основных начал, идей гражданского законодательства.

Этот вопрос возникает ввиду того, что стиль, слог и логика изложения норм гражданского законодательства, как и в целом законодательства российского государства, строится таким образом, что формулировка принципов построения тех или иных отношений существенно упрощает определение основных направлений закона, структуру его разделов и последовательность норм, а также формулировку нормы. Остается определить, какие процессы, явления и направления деятельности социума, политической воли и сложившейся правовой традиции, а также правовой доктрины могли повлиять и влияют в настоящее время на действие принципов гражданского права.

Рыбкина Марина Владимировна — профессор кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор.

Фомин Руслан Алексеевич — аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

© Рыбкина М. В., Фомин Р. А., 2021

Обратимся к истории становления гражданского законодательства в России, в частности к формулировкам ведущих принципов гражданского права. Так, в тексте Псковской судной грамоты можно обнаружить наличие принципа добросовестности, выраженного в праве добросовестного приобретателя и ответственности за недобросовестную сделку; принципа справедливости и разумности; принципа публичной достоверности и приоритета установленной правопорядком формы сделки [1, с. 63]. Это указывает на наличие свободы договорных отношений, защиту права частной собственности государством и развитые экономические отношения. Дальнейшая история формирования норм, регламентирующих имущественные отношения, вплоть до начала XX в., говорит об отсутствии или зарождении так называемых капиталистических отношений (то есть государственного режима, ориентирующегося на частную собственность, политический плюрализм и рост слоев населения, участвующих в капитализации экономики).

В частности, исследуя Свод законов Российской империи в контексте регламентации имущественных отношений, находим лишь одну норму, в тексте которой закреплён принцип свободы договора. Однако и в правовых обычаях, традициях торгового оборота времен Российской империи такие принципы, как добросовестность, разумность, справедливость и ответственность, присутствовали. Правовая доктрина, содержащаяся в работах известных ученых-цивилистов и, несомненно, повлиявшая на текст проекта Гражданского уложения Российской империи, который так и не был принят, формулировала и иные принципы: принципы свободы перемещения и оборота объектов гражданских прав, неприкосновенности права собственности, защиты нарушенных прав собственника, защиты владения, добросовестности, разумности, свободного волеизъявления. Упоминая об исследованиях ученых-цивилистов, нельзя не отметить то, что в своих трудах они пытались определить место и значение принципов в системе правовых норм.

Так, в своей работе «Курс гражданского права» Г. М. Шершеневич предлагает причислить принципы к методологии и понимать их как «общее направление, раскрываемое в ряде юридических норм», основываясь на познавательной, психологической составляющей права [2, с. 14]. Его современник, Ю. С. Гамбаров, писал, что значение принципов гражданского права состоит в толковании законов и применении права по аналогии. При этом последнее, по его мнению, следует называть «юриспруденцией принципов», подчеркивая, что все-таки отдельные принципы носят настолько фундаментальный и универсальный характер, что с учетом психической природы человеческой природы не могут не существовать. В частности, он указывал на принцип равенства сторон при заключении договора [3, с. 361].

Об этом же принципе, но вкладывая в основу своего научного обоснования социально-экономический аспект, рассуждает И. А. Покровский в работе «Основные проблемы гражданского права»: «Всякий договор является осуществлением частной автономии, которая составляет необходимое предположение самого гражданского права. Вследствие этого верховным началом во всей этой области является принцип договорной свободы», который должен быть основан на добросовестном поведении участников гражданского оборота [4, с. 241]. Таким образом, принцип выступает как некая правовая абстракция, рассматриваемая в историко-правовом ракурсе и получившая развитие из правовой традиции и обычая.

Следующим этапом развития гражданского законодательства, а вместе с ним и закрепления норм-принципов стало принятие в 1922 г. Гражданского кодекса РСФСР, автором которого был А. Г. Гойбарг, заведующий отделом кодификации и законодательных предложений Народного комиссариата юстиции РСФСР.

В своей работе «Основы частного имущественного права» он сравнивает право с религией и призывает вести с ней борьбу [5, с. 23]. Несмотря на это, Кодексом установлен принцип свободы передвижения, взаимности удовлетворения встречных обязательств, а приоритет государственной собственности императивно определен. Но в данном Кодексе не сформулированы основополагающие идеи-принципы, на которых строится идеология гражданского права. Однако его ключевая роль заключается в том, что это был первый кодифицированный нормативный правовой акт, регламентирующий гражданские правоотношения.

Характеризуя Гражданский кодекс РСФСР 1964 г., следует отметить, что уже с первой статьи понятен курс, по которому движется экономика, идеология и право. В ней, в частности, указано: «Основой имущественных отношений в советском обществе являются социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на средства производства» [6]. Концептуально продолжая изложенную идею в последующих статьях данного нормативного правового акта, нельзя не обратить внимание на ст. 105, в которой дано определение личной собственности граждан. Предметы личной собственности перечислены и в ст. 106. Определено количество личной собственности, которое может быть у граждан и далее, в ст. 111. Предусмотрена и ответственность в случае выявления извлечения гражданином прибыли из нетрудовых доходов. Но самым интересным, на наш взгляд, является п. 2 ст. 6, где раскрыты способы защиты гражданских прав. Речь идет о том, что защита гражданских прав в некоторых, установленных законодательством случаях может осуществляться товарищескими судами, профсоюзами, иными общественными организациями [6].

Итак, традиционный опыт, все обычаи и доктрины «рассыпаются» под гнетом идеологии. Доктрина превращается в рассуждение, а гражданско-правовая норма — в императив; принципы становятся мощным идеологическим фундаментом, цементирующим гражданские правоотношения. Хотя, по сути, они должны представлять собой как правовое явление, обладающее универсальной и только ввиду этого высшей формой.

Значение принципов гражданского права состоит прежде всего в том, что они выступают в качестве критерия гражданско-правового регулирования в целом. Но при этом могут выступать и в качестве самостоятельной нормы, с помощью которой правоприменитель способен отстаивать свои позиции. В теории сложились понятия принципов-идей, смысл которых заключается в определении наиболее существенных черт и качественных свойств гражданских правоотношений.

Перечислим принципы гражданского права, получившие свое нормативное определение в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ): равенство участников гражданского оборота, недопустимость злоупотребления правом, неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость вмешательства в частные дела, беспрепятственное осуществление гражданских прав, восстановление гражданских прав, судебная защита. Утверждается, что принципы права в целом призваны непосредственно воздействовать на общественные отношения. Принципы позволяют определить как предмет, так и метод правового регулирования, то есть сформулировать особенности отрасли или подотрасли права, к которой они относятся. Принципы права направлены на формирование предпосылок, позволяющих создать эффективную правовую систему и влиять тем самым на правосознание. Они призваны обеспечивать стабильность и последовательность практики правоприменения.

Определим, каким образом распространяется действие принципов гражданского права на семейные правоотношения. В первую очередь установим, является ли семейное право самостоятельной отраслью или подотраслью гражданского

права. Исходя из особенностей системы нормативного правового регулирования семейного права, а также значительных особенностей метода правового регулирования и субъектного состава семейного права, наличия особенных доверительных отношений субъектов семейных правоотношений, если кратко описывать все основания, можно сделать вывод о самостоятельности отрасли семейного права. Однако наличие в семейных правоотношениях широкого спектра имущественных отношений между субъектами, а также того обстоятельства, что юридическим фактом для начала брачных отношений служит добровольный союз, то есть соглашение мужчины и женщины, можно с полной уверенностью констатировать влияние гражданского права на содержание семейных правоотношений.

В настоящей статье нами не ставится задача глубокого исследования законного и договорного режима имущественных отношений супругов. Главная цель — выявить влияние принципов гражданского права на семейное правоотношение. Закрепленные в норме права и обязанности выражают содержание принципа. Но объем действия правовых принципов значительно шире, чем нормы права, а правовая сила принципов выше, чем действие нормы права [7, с. 283]. На основании ст. 5 Семейного кодекса (СК) РФ аналогия закона в семейном праве подразделяется на два вида:

- 1) аналогия норм семейного права;
- 2) аналогия норм гражданского права.

Такое решение способствует более эффективному применению и реализации правовых норм. Некоторые авторы указывают, что применение по аналогии норм гражданского права в семейных правоотношениях недопустимо, поскольку существует достаточный перечень принципов семейного права, к которым при необходимости можно прибегнуть, ссылаясь на тот факт, что семейное право сложилось как самостоятельная правовая отрасль. Нельзя не согласиться с этим мнением. Однако при кропотливом изучении главных принципов семейного права очевидным становится, что по своей природе и сущности они выходят из принципов гражданского права. Принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины основан на свободе воли и волеизъявления, который рассматривается с позиций как цивилистической, так и семейной доктрины. Принцип равенства прав супругов в семье, безусловно, охватывает имущественные и личные неимущественные права, нравственные начала, но в большей степени воспринимается с точки зрения универсальных принципов-идей, изложенных в Конституции РФ.

Нельзя согласиться с мнением Н. С. Шерстневой, которая указывает, что ряд отраслей, за исключением семейного права, имеет свою цель и направлены на достижение иных правовых результатов [7, с. 284]. Полагаем, что благосостояние семьи строится прежде всего на практически постоянном участии членов семьи в гражданско-правовом обороте, что особенно актуально в настоящее время, когда благосостояние строится на основании взятых кредитов и займов. Этот аспект оказывает значительное влияние на семейные правоотношения, но недостаточно урегулирован гражданским законодательством. Договорная конструкция брачного договора, в которой иногда нарушаются права слабой стороны договора, также подтверждает идею действия принципов гражданского права в семейных правоотношениях. Обратим внимание и на дела о наследовании, которые в основе своей вытекают из семейных правоотношений, но решаются при помощи обращения как непосредственно к нормам ГК РФ, регламентирующим наследование, так и в целом к принципам гражданского права.

Итак, можно сделать следующие выводы. Исследование историко-правового развития принципов гражданского законодательства свидетельствует о том, что в действующем ГК РФ принципы гражданского права, являясь основополагаю-

щими началами, оказывают влияние в целом на массив норм гражданского права и в некоторой степени на иные отрасли права, в частности на семейное право. Представляется, что благосостояние семьи неразрывно связано с имущественными отношениями и иными гражданско-правовыми институтами, такими, например, как кредитные отношения, опека и попечительство. С учетом этого применение принципов гражданского права в семейных правоотношениях дает возможность яснее и более четко толковать, применять нормы семейного права, позволяет разобраться в сложных правовых ситуациях. Сложность заключается в том, что, применяя их по аналогии закона, в соответствии со ст. 5 СК РФ, субъекты семейного права не в полной мере могут ориентироваться на них при субъективном восприятии права, поскольку они должны воздействовать на общественные отношения и формировать обобщенные правила социальной коммуникации.

Литература

1. *Алексеев Ю. Г.* Псковская судебная грамота. Текст, комментарий, исследование. Псков: Изд-во центра «Возрождение», 1997. 147 с.
2. *Шершеневич Г. Ф.* Задачи и методы гражданского правоведения. Казань: типолитография Императорского университета, 1898. 46 с.
3. *Гамбаров Ю. С.* Гражданское право. Общая часть. М.: Зерцало, 2003. 766 с.
4. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. 328 с.
5. *Пашенцев Д. А.* Особенности развития советского гражданского права на начальном этапе (1917–1922) // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 4. С. 22–27. DOI: 10.18384/2310-6794-2017-4-22-27
6. Гражданский кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: утв. Верховным Советом РСФСР 11 июня 1964 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1838/ (дата обращения: 18.08.2021).
7. *Шерстнева Н. С.* Принципы российского семейного права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 452 с.

Контактные данные:

Рыбкина М. В., Фомин Р. А.: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21;
e-mail: marina-rybkina@mail.ru, fominr@yandex.ru.

Contact Details:

Rybkina M. V., Fomin R. A.: 21 Sadovaya Str., St. Petersburg 191023, Russia; e-mail: marina-rybkina@mail.ru, fominr@yandex.ru.

Рожкова А. К., Черных А. Б.

К вопросу о сущности государственной безопасности: опыт Российской Федерации и Китайской Народной Республики

*Rozhkova A. K., Chernykh A. B. On the Essence of State Security:
The Experience of the Russian Federation and the People's Republic of China*

В статье рассмотрена проблема соотношения национальной безопасности и государственной безопасности, проведен анализ Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г. и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. Акцентируется внимание на отсутствии отдельного документа стратегического планирования по вопросам обеспечения государственной безопасности в Российской Федерации, а также легальной дефиниции термина «государственная безопасность». Авторами изучен опыт правового регулирования отношений, связанных с обеспечением государственной безопасности в Китайской Народной Республике: проанализирован Закон «О государственной безопасности» с точки зрения его структуры и содержания, выделены достоинства и недостатки этого нормативного акта. Сделан вывод о том, что в данном нормативно-правовом акте прослеживается последовательность и ясность формулировок, указано на обязанность граждан Китайской Народной Республики обеспечивать государственную безопасность.

Ключевые слова: национальная безопасность, государственная безопасность Российской Федерации и Китайской Народной Республики, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021 г., Закон Китайской Народной Республики «О государственной безопасности».

The article reveals the problem of the correlation of national security, state and security, analyzes the National security Strategies of the Russian Federation in 2015 and 2021. Attention is focused on the absence of a separate strategic planning document on ensuring state security in the Russian Federation, as well as a legal definition of the term «state security». The authors have studied the experience of legal regulation of relations related to ensuring state security in the People's Republic of China: the Law «On State Security» is analyzed from the point of view of its structure and content, the main advantages and disadvantages of this normative act are highlighted. This regulatory legal act traces the consistency and clarity of the wording, indicates the obligation of citizens of the People's Republic of China to ensure state security.

Keywords: national security, state security of the Russian Federation and the People's Republic of China, the National Security Strategy of the Russian Federation 2021, the Law of the People's Republic of China «On State Security».

Рожкова Анна Константиновна — помощник депутата Законодательного Собрания Иркутской области, магистрант Байкальского государственного университета.

Черных Антонина Борисовна — доцент кафедры трудового права и социального обеспечения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат социологических наук.

© Рожкова А. К., Черных А. Б., 2021

Сегодня термины «национальная безопасность» и «государственная безопасность» все чаще встречаются и в текстах нормативно-правовых актов, и в научной литературе. Написано большое количество научных статей, читают курс в вузах по дисциплине «Основы теории национальной безопасности», защищают диссертации. Все это создает некую иллюзию, что данная сфера глубоко изучена. Законодатель не решает вопрос четкой проработки понятийно-категориального аппарата этой сферы регулирования общественных отношений. Иногда данные термины используют в качестве синонимов.

Очевидно, что обеспечение национальной безопасности в целом и государственной в частности является для государства приоритетной задачей. Но как приступить к ее решению, если понятийно-категориальный аппарат не позволяет зачастую провести различия в этих терминах, когда отсутствует отдельный нормативно-правовой акт, регулирующий область государственной безопасности? В Китайской Народной Республике (КНР) Закон «О государственной безопасности» (далее — Закон КНР) действует с 2015 г. В Российской Федерации (РФ) с 2010 г. действует Федеральный закон «О безопасности», но предмет правового регулирования данного нормативно-правового акта гораздо шире, и безопасность государства — это небольшая его часть.

Итак, в п. 6 Стратегии национальной безопасности РФ, принятой в декабре 2015 г. (далее — Стратегия 2015 г.), четко обозначено соотношение интересующих нас терминов: «Национальная безопасность включает в себя оборону и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность и безопасность личности» [1]. Однако в Стратегии национальной безопасности РФ, принятой в июле 2021 г., отсутствует даже такое перечисление составляющих (видов) национальной безопасности. Соответственно, вопрос остается методологически до конца не решенным.

Безусловно, отождествлять национальную безопасность с государственной неверно. Тем не менее в литературе представлены разнообразные точки зрения по этому вопросу: от их полного отождествления (если рассматривать термин «нация» как государство, в этом случае однозначно получится, что «национальная безопасность» тождественна «государственной безопасности» [2, с. 351]) до отрицания необходимости в термине «государственная безопасность» (В. В. Мамонов, Ф. Г. Руденко, А. С. Рогов, Ю. Г. Федотова). Обусловлена данная дискуссия «историческими особенностями развития российской государственности, а также определенным конъюнктурным подходом к теоретико-идеологическим конструкциям прошлого» [3, с. 40]. Полагаем, что национальная безопасность и государственная безопасность соотносятся друг с другом как родовое и видовое понятие соответственно.

Д. В. Ирошников утверждает, что «вопросы, связанные с государственной безопасностью, либо вообще остаются в стороне, либо исследуются достаточно поверхностно: налицо вытеснение национальной безопасностью государственной безопасности» [4, с. 65]. С мнением Д. В. Ирошникова нельзя не согласиться. Кроме того, считаем такую тенденцию крайне негативной, требующей особого внимания со стороны законодателя.

Вопрос о соотношении терминов «национальная безопасность» и «государственная безопасность» предыдущей Стратегии 2015 г. закрыт, поскольку государственная безопасность рассматривалась как вид национальной безопасности (п. 6), а также как стратегический национальный приоритет (п. 31). Возможно, сегодня законодатель считает, что данное разъяснение уже излишне, поэтому

формулировка о соотношении указанных терминов не используется в п. 5 Стратегии 2021 г., раскрывающем содержание основных понятий.

Открытым остается вопрос о содержании и сущности термина «государственная безопасность». А. К. Рожкова пишет: «Легальная дефиниция конкретного вида национальной безопасности, как правило, раскрывается в отдельном документе стратегического планирования» [5, с. 158]. Например, в Доктрине информационной безопасности 2016 г. содержится определение информационной безопасности, равно как и в Военной доктрине 2014 г. раскрывается содержание военной безопасности и т. д. Однако стратегии, доктрины или концепции государственной безопасности сегодня нет в российском законодательстве.

Примечательно еще и то, что положения об обеспечении государственной и общественной безопасности содержатся в одном подразделе раздела IV Стратегии 2021 г. Однако иные стратегические национальные приоритеты обособлены. Например, оборона, экономическая безопасность и научно-технологическое развитие, ряд других категорий представлены отдельно друг от друга, а такие разные виды национальной безопасности, как общественная и государственная, даны в совокупности. Согласно положениям Стратегии 2021 г., у них единые цели (п. 46), задачи (п. 47), угрозы (п. 42–44). Между тем не вызывает сомнений, что у них разная сущность, правовая основа, система обеспечения, включающая в себя несопоставимые силы и средства. Провести различие между ними позволяет анализ такого документа стратегического планирования, как Концепция общественной безопасности, принятая в 2013 г.

Именно в данном нормативно-правовом акте обнаружены присущие общественной безопасности цели и задачи, принципы, основные термины, а главное — угрозы и источники угроз. Отождествление государственной и общественной безопасности обусловлено и особенностями развития российской государственности, отсутствием сегодня развитого гражданского общества, транспарентных механизмов взаимодействия и контроля между обществом и государством.

Относительно сущности государственной безопасности отметим, что существует ряд проблем, затрудняющих ее определение. Нами выделены основные среди них:

1. Проблемы государственной безопасности затрагивают большинство областей общественных отношений, соответственно, они «объективно являются предметом регулирования любой из отраслей права» [3, с. 54].

2. Правовое регулирование осуществляется исключительно на уровне федерации и не только в федеральных законах, но и в указах и постановлениях, где речь идет об организации и механизме обеспечения государственной безопасности.

3. В тексте Конституции РФ встречаются термины «государственная безопасность» и «безопасность государства». В научной литературе развернулась дискуссия по этому вопросу. Ряд авторов используют эти термины как синонимы, другие утверждают, что такое отождествление недопустимо, потому что:

- а) в тексте Стратегии 2021 г. отсутствует перечисление видов национальной безопасности, однако государственная безопасность — один из основных приоритетов государства, «поэтому она уже, чем понятие безопасность государства, которое включает в себя и военную, и общественную, и информационную составляющую;
- б) безопасность государства как термин употребляется в одном ряду с безопасностью общества и личности» [3, с. 55].

Вносит определенную путаницу и положение Федерального закона «О безопасности» 2010 г.: «Настоящий Федеральный закон определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической, безопасности личности и иных видов безопас-

ности, предусмотренных законодательством Российской Федерации» [6]. Соответственно, законодатель, наряду с общественной безопасностью, использует термин «безопасность государства», хотя логичнее было бы применять термин «государственная безопасность».

С. В. Хмелевский обоснованно полагает, что «государственная безопасность выступает средством, а должный уровень общественной безопасности — целью данного вида национальной безопасности» [7, с. 153]. Считаем, что термин «безопасность государства» шире, чем «государственная безопасность», поскольку он включает в себя, исходя из контекста, и безопасность общества, и безопасность личности. Например, ст. 82 Конституции РФ содержит слова присяги Президента: «Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить народу» [8]. В понятие «безопасность государства» в данном контексте мы включаем и безопасность личности, и безопасность общества.

Так или иначе, но легальной дефиниции нет ни у того, ни у другого термина. Хотя исследователи данного вида безопасности предлагают разнообразные варианты. Обоснованной считаем позицию Д. В. Ирошникова. Он предлагает государственную безопасность рассматривать как «сложную систему, включающую в себя следующие элементы:

1. Субъекты государственной безопасности.
2. Объекты государственной безопасности.
3. Угрозы государственной безопасности.
4. Совокупность сил и средств, необходимых для обеспечения государственной безопасности» [4, с. 65].

В качестве рабочего определения предложен следующий вариант определения, вытекающего из легальной дефиниции национальной безопасности: государственная безопасность — это состояние защищенности национальных интересов России от внешних и внутренних угроз, подрывающих суверенитет государства, его независимость и целостность, а также гражданский мир и социально-экономическое развитие.

Подобный подход мы видим и в Законе КНР «О государственной безопасности». Согласно ст. 2 этого Закона, «государственная безопасность — это состояние относительного отсутствия внешних и внутренних угроз государственной власти, суверенитету, единству и территориальной целостности, благосостоянию народа, устойчивому социально-экономическому развитию и другим важнейшим государственным интересам» [9]. Но необходимо уточнение. Переводят название этого Закона как «О государственной безопасности», но встречается и трактовка «О национальной безопасности». Для нас разница принципиальна. Закон дословно назван 国家安全. 国家, то есть «государство». Значит, корректнее перевод: «О государственной безопасности». «Нация» по-китайски — 民族.

Схожую дефиницию видим и в п. 5 Стратегии 2021 г.: «Национальная безопасность как состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [10].

Из приведенного выше определения государственной безопасности можно вычлени́ть национальные интересы Китая: «суверенитет, единство и территори-

альная целостность, благосостояние народа, устойчивое социально-экономическое развитие» [9]. Китай сегодня — это крупнейшая страна по численности населения, первая экономика мира, уже не региональная, а мировая держава, сочетающая традиции государственности времен Конфуция и современный социализм. Профессор Н. Н. Пузыня считает, что «развитие региональной системы безопасности следует продвигать параллельно с разработкой региональной экономической системы» [11, с. 144]. Это и демонстрирует КНР сегодня. В этом — залог устойчивого экономического развития, а следовательно, «влияние Китая со временем будет только возрастать» [12, с. 97].

Политику КНР в области обеспечения безопасности можно признать успешной. Она ориентирована как на укрепление коллективной безопасности в регионе и мире, так и на поддержание мира и устойчивого развития внутри государства. Национальная безопасность, по мнению Т. А. Голуненко, «рассматривается в первую очередь как формулирование и решение проблем внутри страны, нежели проблем внешнеполитических» [13].

Закон КНР «О государственной безопасности» состоит из семи глав: «общие положения, задачи государственной безопасности, полномочия по защите государственной безопасности, система государственной безопасности, обеспечение государственной безопасности, права и обязанности граждан и организаций, дополнительные положения» [9].

По объему Закон небольшой. Структура традиционна. Подобная структура характерна для российского законодательства в отношении документов стратегического планирования, таких как Военная доктрина, Концепция общественной безопасности и др. В тексте данного Закона прослеживается мысль о китайской специфике во всем, особенно «в обеспечении государственной безопасности» [9]. Кроме того, текст содержит идеологические моменты, что неудивительно для КНР. В частности, речь идет о том, что «необходимо твердо придерживаться руководства Коммунистической партии Китая и создавать централизованную эффективную и авторитарную систему руководства работой в области государственной безопасности» [9]. Именно курс Коммунистической партии, представленной на всех уровнях управления государством, является определяющим вектором обеспечения национальной безопасности: заданы приоритеты, а также «формируются главные органы управления системой обеспечения национальной безопасности» [11, с. 144].

Глава 1 «Общие положения» Закона КНР содержит следующие элементы: предмет правового регулирования (ст. 1), легальную дефиницию государственной безопасности (ст. 2), правовую основу обеспечения государственной безопасности (ст. 7), принципы (ст. 10), субъекты и объекты обеспечения безопасности (ст. 11), ответственность должностных лиц (ст. 13). Такая последовательность изложения норм отчасти характерна и для Стратегии национальной безопасности России.

Интерес представляет то, что Закон КНР содержит постулат о связи государственной безопасности и социально-экономического развития: «Защита государственной безопасности должна быть согласована с социально-экономическим развитием» [9]. Аналогичная связь прослеживается и в тексте Стратегии 2021 г. Безусловно, безопасность и развитие — диалектически связанные категории. Еще одно сходство состоит в том, что и российский, и китайский законодатель в качестве угрозы рассматривает прежде всего разведывательную деятельность, а также разграничивает государственную и общественную безопасность.

Несомненное достоинство китайского Закона заключается в том, что государственная безопасность понимается как интегральная система, включающая в себя военную, экономическую, финансовую, продовольственную, культурно-

духовную, инновационную, информационно-сетевую, общественную, экологическую, ядерную, космическую безопасность Китая. Интересы государства неразрывно переплетаются с интересами китайского общества, организаций, личности, гражданином КНР, в том числе находящимся за рубежом. Кроме того, в Законе подчеркивается важность превентивных мер (ст. 9), постоянного совершенствования мер по защите государственной безопасности (ст. 33), международного сотрудничества в области обеспечения безопасности, поскольку «создание будущих рамок безопасности должно быть принято как общее дело всеми странами региона в условиях консенсуса» [11, с. 144].

Позиция китайских властей в отношении курса своей внешней политики такова: «Еще более активное участие в преобразовании и формировании системы глобального управления» [14]. Иными словами, подразумевается продуктивное разрешение актуальных региональных и международных конфликтов совместными усилиями КНР и мирового сообщества.

В отличие от программных документов в области безопасности США, Закон КНР «О государственной безопасности» носит мирный характер, не предполагающий вмешательства во внутренние дела других суверенных государств. Напротив, первым принципом международного взаимодействия выступают, согласно ст. 10 Закона КНР, взаимное доверие, выгода, а также равенство, согласованность мер, исполнение международных обязательств, содействие коллективной безопасности и защита мира во всем мире.

Немаловажным является и включение в Закон КНР главы «Система государственной безопасности», что делает механизм его реализации и обеспечения государственной безопасности транспарентным. В целом исследуемый нами Закон Китая характеризуется как адресный и более понятный с точки зрения рядового китайского гражданина. Стратегии РФ в этой связи не хватает ясности и указания на обязанности по обеспечению безопасности конкретных государственных органов.

Общим для Китая и России является то, что субъектом обеспечения и реализации выступает государство в лице своих органов, а граждане и организации лишь «участвуют в реализации государственной политики» [6] (в России), а также «обязаны оказывать содействие соответствующим органам в реализации мер в области безопасности» [9] (в Китае). Кроме того, должны «информировать их о возможных противоправных действиях, хранить сведения, относящиеся к государственной тайне и ставшие им известными в связи с работой по борьбе со шпионажем» [9].

По нашему мнению, изложенный подход китайского законодателя в аспекте расширения состава субъектов обеспечения государственной безопасности за счет включения граждан и организаций не является оправданным. Действительно, оказывать содействие граждане должны. Но каким образом их обязать при отсутствии должного уровня профессиональной подготовки и компетенции в сфере обеспечения суверенитета, целостности, благосостояния народа и т. д.?

Всеобъемлющий характер данного Закона не привычен, с нашей точки зрения, так как он регулирует и отношения, «касающиеся энергетики (ст. 21), продовольственной безопасности (ст. 22), информационной безопасности (ст. 25), противодействия терроризму и экстремизму (ст. 28), экологии (ст. 30), ядерного оружия и ядерной энергетики (ст. 31)» [15, с. 151]. Однако в КНР «на настоящий момент сформирована прочная правовая основа национальной безопасности» [16]: от обеспечения суверенитета страны до создания действующего механизма применения «мягкой силы» в культурном поле других государств.

Таким образом, Закон «О государственной безопасности» КНР нацелен не только на организованное обеспечение безопасности государства, но и на страте-

гическое планирование этой сферы. Проблема обеспечения государственной безопасности в России, как и в Китае, особенно остра в условиях «кризиса современных моделей и инструментов экономического развития, диспропорции в развитии государств, снижения уровня глобальной безопасности» [10]. Следовательно, законодатель, скорее всего, примет отдельный документ стратегического развития в области обеспечения государственной безопасности, в котором будет раскрыта как сущность данного вида национальной безопасности, так и основные угрозы, вызовы и механизм обеспечения государственной безопасности.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212 (утратил силу).
2. Шободоева А. В. О соотношении понятий «национальная безопасность», «государственная безопасность», «общественная безопасность» // Обеспечение национальной безопасности России в современном мире: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета, 2016. С. 347–355.
3. Шободоева А. В. Теория национальной безопасности Российской Федерации: учебник. В 2 ч. Ч. 2. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета, 2017. 307 с.
4. Ирошников Д. В. Государственная безопасность Российской Федерации: понятие и содержание // Юридическая наука. 2011. № 2. С. 65–70.
5. Рожкова А. К. К вопросу выделения новых видов национальной безопасности: идеологическая безопасность (потенциал Церкви) // Теория государства и права. 2020. № 3. С. 157–169. DOI: 10.25839/MATGIP.2020.19.3.013
6. О безопасности: федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (в ред. от 9 ноября 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.
7. Хмелевский С. В. Современная система национальной безопасности России: структурно-функциональный анализ // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 152–161.
8. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
9. О государственной безопасности: закон Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // Chinalaw.center. URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_state_security_law_2015_russian/ (дата обращения: 21.06.2021).
10. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 [Электронный ресурс] // Pravo.gov.ru. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007030012> (дата обращения: 05.07.2021).
11. Пузыня Н. Н. Особенности обеспечения национальной безопасности в КНР // Проблемы обеспечения национальной безопасности в контексте изменения геополитической ситуации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета, 2017. С. 133–138.
12. Рожкова А. К. Подходы к пониманию нематериального культурного наследия в России и Китае: вопросы правового регулирования культурной безопасности // Правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета, 2020. С. 93–98.
13. Голуенко Т. А., Степанова О. В. Основные направления концепции национальной безопасности Китая // Grand Altai Research & Education. 2018. № 1 (8). С. 38–41. DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2018.01.07
14. Отчет о состоянии региональной безопасности КНР [Электронный ресурс] // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяюбу [Министерство иностранных дел КНР]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/web> (дата обращения: 21.06.2021).

15. Кондрат Е. Н., Петров П. А., Сальников М. В. Концепция национальной безопасности Поднебесной: традиционная и всеобъемлющая // Юридическая наука и современность. 2017. № 12. С. 143–163.
16. Беляева Г. С., Беляев В. П. Современные зарубежные концепции национальной безопасности: правовое измерение // Вопросы безопасности. 2016. № 5. С. 11–23. DOI: 10.7256/2409-7543.2016.5.20794

Контактные данные:

Рожкова А. К.: 664003, Иркутск, Ленина ул., д. 11;
e-mail: rannette@mail.ru.

Черных А. Б.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;
e-mail: antonina_komar@mail.ru.

Contact Details:

Rozhkova A. K.: 11 Lenina Str., Irkutsk 664003, Russia;
e-mail: rannette@mail.ru.

Chernykh A. B.: 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;
e-mail: antonina_komar@mail.ru.

Ратникова О. Д., Харин В. В., Маторина О. С.

Особенности применения компьютерно-технической экспертизы в целях обеспечения доказательной базы в уголовном судопроизводстве

Ratnikova O. D., Kharin V. V., Matorina O. S. Features of the Use of Computer-Technical Expertise in Order to Provide an Evidence Base in Criminal Proceedings

В статье утверждается, что процесс расследования преступлений, совершаемых с применением современных информационных технологий, неотъемлемо связан с необходимостью привлечения специалистов экспертных организаций, обладающих специальными знаниями и квалификацией. В целях формирования доказательной базы в уголовном судопроизводстве исследуемой области и всестороннего рассмотрения дел значимым является заключение специалиста, проводящего компьютерно-технические экспертизы. Научно обоснованные выводы экспертного заключения позволяют в полной мере восстановить логическую цепочку обстоятельств и установить механизм совершения преступления, а также доказать факт совершения преступного деяния либо оправдать невиновное в совершении преступления лицо. Актуальность темы статьи обусловлена ростом преступлений с применением современных информационных технологий. По результатам проведенного теоретического анализа и изучения судебной практики по уголовным делам, связанным с применением информационных технологий, авторами рассмотрены особенности расследования дел и значимость результатов экспертных заключений при вынесении приговора. Определены особен-

The process of investigating crimes committed with the use of modern information technologies is inherently connected with the need to attract specialists from expert organizations with special knowledge and qualifications. In order to form an evidence base in the criminal proceedings of the area under consideration and a comprehensive review of cases, the conclusion of a specialist conducting computer-technical expertise is significant. The scientifically based conclusions of the expert opinion allow us to fully restore the logical chain of circumstances and establish the mechanism of committing a crime, as well as to prove the fact of committing a criminal act, or to justify an innocent person in committing a crime. The relevance of the topic of the article is due to the growth of crimes with the use of modern information technologies. Based on the results of the theoretical analysis and study of judicial practice in criminal cases related to the use of information technologies, the authors consider the features of the investigation of cases and the significance of the results of expert opinions in sentencing. The features of the use of computer-technical expertise in order to provide an evidence base in criminal proceedings are determined.

Ратникова Ольга Дмитриевна — старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра организационно-управленческих проблем пожарной безопасности Всероссийского института противопожарной обороны (ВНИИПО) МЧС России.

Харин Владимир Владимирович — начальник отдела Научно-исследовательского центра организационно-управленческих проблем пожарной безопасности ВНИИПО МЧС России, полковник внутренней службы.

Маторина Ольга Сергеевна — старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра организационно-управленческих проблем пожарной безопасности ВНИИПО МЧС России, подполковник внутренней службы.

© Ратникова О. Д., Харин В. В., Маторина О. С., 2021

ности применения компьютерно-технической экспертизы в целях обеспечения доказательной базы в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: судебная экспертиза, компьютерно-техническая экспертиза, расследование уголовных дел, уголовное судопроизводство, судебная практика.

Keywords: forensic examination, computer-technical expertise, investigation of criminal cases, criminal proceedings, judicial practice.

Информационные технологии стали неотъемлемой частью жизни большинства граждан. Их применение позволяет человеку оперативно решать многие задачи в любое удобное для него время суток, будь то покупка товаров и услуг, общение с другими людьми или обмен информацией. Зависимость от применения информационных технологий стремительно растет и развивается одновременно с развитием общественных отношений.

Обратная сторона этого процесса — многочисленные факты использования мошенниками мобильных и компьютерных средств в преступных целях. Ими разрабатываются и совершенствуются новые методики применения социальной инженерии для обеспечения результативности противоправных деяний. В целях формирования доказательной базы при расследовании преступлений, связанных с применением информационных технологий, следственные органы привлекают специалистов в области компьютерно-технических экспертиз, поскольку чаще всего лишь с их помощью можно привести неоспоримые доказательства по делам уголовного судопроизводства. При соблюдении всех норм, установленных законодательством Российской Федерации (РФ), данные доказательства будут признаны относимыми, допустимыми, достоверными и достаточными.

Для осуществления проведения компьютерно-технической экспертизы в целях определения механизма совершения преступления с использованием электронных средств и информационных технологий первостепенной задачей на начальном этапе расследования является обеспечение сохранности технических средств, носителей, иных электронных устройств. Процесс обыска и изъятия технических средств подразумевает привлечение эксперта в области компьютерной техники и цифровой информации. Вместе с тем ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в редакции от 11 июня 2021 г., с изменениями от 17 июня 2021 г.), которые прямо устанавливают обязательное участие специалиста (эксперта) при производстве обыска и изъятии электронных носителей информации, в настоящее время утратили силу. Нормы этих статей частично нашли закрепление в ст. 164.1 «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий», в соответствии с которой осмотр и изъятие электронных носителей информации производится как с участием специалиста с целью недопущения причинения повреждений или потери информации, так и следователем единолично.

Пример из судебной практики позволяет сделать вывод об эффективном применении и значимости компьютерно-технической экспертизы для всестороннего рассмотрения дел и принятия решения судебными органами. В частности, Калтанским районным судом Кемеровской области рассмотрена апелляционная жалоба по уголовному делу № 1/1-2/2020. В обвинительном заключении указано, что подсудимый разместил на площадке популярного ресурса сети Интернет запись, смысловое содержание которой унижает честь и достоинство представи-

теля власти. Подсудимый признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 319 Уголовного кодекса (УК) РФ (публичное оскорбление представителя власти), приговором суда ему избрана мера пресечения в виде обязательных работ в размере 250 часов с отбыванием в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией.

Суд апелляционной инстанции изучил все имеющиеся материалы уголовного дела и доводы, указанные в апелляционной жалобе. Совокупностью доказательств, приведенных в приговоре суда первой инстанции, подтверждается виновность подсудимого в совершении преступления (ч. 1 ст. 319 УК РФ).

В материалах дела представлен протокол осмотра предметов (документов), в тексте которого содержится информация о просмотре социальных сетей, интернет-ресурса и о наличии размещенного видеофайла на сайте видеохостинга *YouTube*. Присутствует протокол об изъятии у подсудимого системного блока, мобильного телефона и диска *DVD-R* с указанием их наименований и серийных номеров, а также с описанием информации, извлеченной экспертом из памяти этих устройств при производстве компьютерной экспертизы. К материалам дела приобщено заключение эксперта, из которого следует, что на ресурсе популярной социальной сети (на странице личного профиля подсудимого) размещена видеозапись, смысловое содержание которой унижает честь и достоинство представителя власти. В заключении эксперта отмечено, что, согласно обнаруженным сведениям в системном блоке компьютера, для доступа к сети использовался *IP*-адрес (№), который относится к локальному диапазону и не применяется в сети Интернет. Следовательно, доступ к сети Интернет мог осуществляться через промежуточное сетевое оборудование, например, роутер *Wi-Fi*. Помимо этого, на предоставленном на экспертизу мобильном (сотовом) телефоне обнаружено установленное приложение популярной социальной сети, в которой имеется профиль пользователя подсудимого. На изъятых у подсудимого устройствах обнаружены видеофайлы, содержание которых аналогично видеофайлу, представленному на экспертизу в качестве образца. В материалах дела содержится информация от интернет-провайдера, согласно которой по адресу проживания подсудимого был заключен договор об оказании услуг связи, где в качестве абонента указаны личные данные подсудимого и его личная подпись. Учтена информация из популярной социальной сети, согласно которой страница профиля подсудимого зарегистрирована с личной электронной почты и номера сотового телефона (сим-карта зарегистрирована на паспортные данные подсудимого), дата и время публикации видеофайла на интернет-ресурсе. На основании вышеизложенного суд постановил: приговор суда первой инстанции оставить без изменения, апелляционную жалобу без удовлетворения [1].

Согласно ст. 19 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» основаниями производства судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении является и определение производящего дознание следователя [2]. Основная задача компьютерно-технической экспертизы — получить ответы на вопросы, требующие специальных познаний в области компьютерной криминалистики: знаний о методах поиска, закрепления и исследования цифровых доказательств по преступлениям, связанным с компьютерной информацией [3]. Использование специальных знаний в судебном и досудебном производстве служит одним из основных путей объективизации предварительного расследования, получения и расширения его доказательной базы.

При этом значительное большинство судебных экспертиз по уголовным делам производится в досудебном производстве.

Предметом судебных исследований в данной области являются не только электронные носители и устройства, но и факты, обстоятельства, устанавливаемые на основе исследования, закономерности разработки и эксплуатации компьютерных средств, обеспечивающих реализацию информационных процессов, зафиксированных в материалах дела [4]. В число задач компьютерно-технической экспертизы входит идентификация технического средства, диагностика устройства и кодов доступа к цифровой информации, а также определение обстоятельств единой коллективной принадлежности объектов исследования [5]. Спектр решения диагностических задач включает в себя изучение функций, состояния объектов экспертизы, функционирование системы действий, вероятные механизмы воздействия, позволяющие сделать вывод об использовании технических средств при совершении преступления. Идентификационные экспертные задачи подразумевают сравнительное исследование образцов.

Современные информационные платформы, компьютерные (радиоэлектронные) устройства могут выступать в процессе расследования уголовных и административных дел в таких различных формах, как:

- непосредственный объект преступного деяния;
- орудие (средство) совершения преступного деяния;
- хранилище информации и т. д.

Исследованию могут подлежать:

1. Электронные документы и электронные носители, которые классифицируются по форме существования (разделяются на материальные и виртуальные электронные документы), по источнику происхождения электронных документов (создаваемые пользователем или компьютерной системой), по содержанию (текстовый, машинные коды, графический, фото, видео, анимация и т. д.), по степени защищенности (открытые, закрытые, удаленные).

2. Информационно-телекоммуникационные системы, в которых, наряду с персональными компьютерами пользователей, подключенных к информационным ресурсам, объектами исследования являются ресурсы юридического лица (поставщика сетевых услуг).

3. Мобильные платформы сотовой связи, включающие в себя мобильные устройства и их технические элементы, системы беспроводной связи (персонального радиовызова), ведомственные и транкинговые системы подвижной радиосвязи.

4. Контрафактная продукция на оптических носителях информации (дисках *CD, DVD*) [6].

Таким образом, для проведения компьютерно-технической экспертизы с целью установления всех обстоятельств дела и формирования доказательной базы изымаются не только электронные носители, но и сотовые телефоны, запрашиваются сведения интернет-провайдеров, сотовых операторов и организаций банковской сферы.

В качестве примера можно привести факт рассмотрения Борисоглебским городским судом Воронежской области уголовного дела № 1-126/2020. Подсудимый обвинялся в незаконном сбыте психотропного вещества в крупном размере, в ходе судебного разбирательства вину свою он не признал, факт получения денежных средств на свою банковскую карту пояснял возвратом долга. Согласно заключению эксперта в памяти представленных на экспертизу мобильных телефонов участников процесса содержатся видео- и фотофай-

лы, сведения о контактах, звонках, SMS-сообщениях, смысловое содержание которых позволяет восстановить все обстоятельства дела и указывает на причастность участников процесса к преступному деянию. Сведения, представленные банком, содержат информацию о подключенных услугах «мобильный банк онлайн» к банковским картам участников процесса, а также сведения о движении денежных средств по счетам (банковским картам) в указанный период. С учетом характера и степени общественной опасности преступления, совершенного подсудимым судом вынесен обвинительный приговор по п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (незаконный сбыт психотропного вещества в крупном размере) [1] и избрана мера пресечения виде десяти лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Исходя из проведенного анализа нормативных правовых документов и судебной практики выявлены следующие особенности применения компьютерно-технической экспертизы в целях обеспечения доказательной базы в уголовном судопроизводстве:

- обеспечение на начальном этапе расследования изъятия компьютерных и электронных средств, которые могли быть использованы при совершении уголовно наказуемого деяния;
- привлечение эксперта в области компьютерной техники и цифровой информации при проведении следственных действий в случаях необходимости применения специализированных знаний и навыков либо вероятности потери информации, расположенной на электронных носителях;
- наличие необходимых специализированных знаний и подготовки следователей в области компьютерных технологий в целях обеспечения качественной проработки задач, решаемых при проведении компьютерно-технической экспертизы;
- сложность определения механизма совершения преступления с применением электронных средств и информационных технологий ввиду их многообразия и многокомпонентности.

Таким образом, в условиях стремительного развития цифровых технологий и широкого использования их в преступных целях актуальной задачей является совершенствование методов применения компьютерно-технической экспертизы для обеспечения доказательной базы в уголовном судопроизводстве.

Литература

1. Апелляционное постановление № 1/1-2/2020 10-5/2020 от 26 мая 2020 г. по делу № 1/1-2/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4ZcozTwJJ0QD/> (дата обращения: 06.07.2021).
2. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (с изм. на 1 июля 2021 г.) [Электронный ресурс] // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 06.07.2021).
3. Федотов Н. Н. Форензика — компьютерная криминалистика. М.: Юридический мир, 2007. 432 с.
4. Мишин А. В. Судебная экспертиза в досудебном производстве по уголовному делу. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017. 96 с.
5. Россинская Е. Р., Усов А. И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М.: Право и закон, 2001. 416 с.
6. Криминалистическая техника: учебник / под ред. К. Е. Демина. М.: Юридический институт МИИТ, 2017. 426 с.

Контактные данные:

Ратникова О. Д.: 143903, Московская область, Балашиха, мкр. ВНИИПО, д. 12; e-mail: pcentre-01@vniipo.ru.

Харин В. В.: 143903, Московская область, Балашиха, мкр. ВНИИПО, д. 12; e-mail: vvkharin@yandex.ru.

Маторина О. С.: 143903, Московская область, Балашиха, мкр. ВНИИПО, д. 12; e-mail: odp1313@yandex.ru.

Contact Details:

Ratnikova O. D.: 12 mkr. VNIPO, Balashikha, Moscow Region 143903, Russia; e-mail: pcentre-01@vniipo.ru.

Kharin V. V.: 12 mkr. VNIPO, Balashikha, Moscow Region 143903, Russia; e-mail: vvkharin@yandex.ru.

Matorina O. S.: 12 mkr. VNIPO, Balashikha, Moscow Region 143903, Russia; e-mail: odp1313@yandex.ru.

Карпеева Е. В.

Некоторые аспекты процессуального положения несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, в гражданском процессе

Karpееva E. V. Some Aspects of the Procedural Situation of Minors Left Without Parental Care in Civil Proceedings

В статье рассмотрены проблемы защиты прав и интересов несовершеннолетних, в том числе детей, оставшихся без попечения родителей. Автором проанализированы положения действующего семейного, гражданского процессуального законодательства и выделен ряд проблем правового регулирования участия несовершеннолетних при рассмотрении дел, затрагивающих их интересы. Отмечается недопустимость формального подхода к реализации права несовершеннолетних граждан быть заслушанными в суде. Обоснована необходимость дальнейшей разработки понятия «конфликт интересов» между опекунами (попечителями), органами опеки и попечительства с одной стороны и подопечными — с другой; необходимость непрерывного профессионального юридического сопровождения несовершеннолетнего (представительства от имени несовершеннолетнего) в процессе производства по делу.

Ключевые слова: несовершеннолетние, дети, оставшиеся без попечения родителей, процессуальный статус несовершеннолетних, представительство, защита прав несовершеннолетних, опека и попечительство, законные представители.

The presented study addresses the problems of protecting the rights and interests of minors, including children left without parental care. The author analyzes the provisions of the current family and civil procedural legislation and identifies several problems in the legal regulation of the participation of minors in the consideration of cases affecting their interests. The author notes that a formal approach to the enforcement of the right of minors to be heard in court is unacceptable, justifies the need for further development of the concept of “conflict of interests” between custodians (guardians), custody and guardianship authorities on the one hand and minors on the other. The necessity of continuous professional legal support for a minor (representation on behalf of a minor) throughout the entire proceedings on the case is justified.

Keywords: minors, children left without parental care, procedural status of minors, representation, protection of the rights of minors, custody and guardianship, legal representatives.

На протяжении долгих лет анонсируется проблематика иллюзорности процессуально-правового статуса несовершеннолетних. Говорят о необходимости радикального изменения подхода к положению детей, о том, что нужно прекратить рассматривать ребенка как «человека в будущем» и что следует обратить внимание на «ребенка — человека сегодня». Но действующие правовые нормы не способствуют, а скорее, препятствуют участию несовершеннолетних в гражданском процессе при принятии решений по вопросам, затрагивающим их интересы.

Карпеева Екатерина Вячеславовна — преподаватель кафедры административного и финансового права Юридического института Иркутского государственного университета.
© Карпеева Е. В., 2021

Для защиты прав и интересов несовершеннолетних, обладающих «урезанной» дееспособностью, законодателем предусмотрены соответствующие обязанности их законных представителей. Чем меньше самостоятельности у несовершеннолетних, тем более существенны обязанности их законных представителей [1, с. 10]. Дети, оставшиеся без попечения родителей, а равно без родительской заботы, требуют еще более тщательной заботы со стороны государства и общества, поскольку такие дети часто имеют неблагополучных родителей, страдающих алкоголизмом, не имеющих работы, ведущих аморальный образ жизни и выступающих в роли нарушителей прав и интересов своих детей.

В отношении таких детей в соответствии с нормами VI раздела Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) [2], Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ (в ред. от 30 апреля 2021 г.) «Об опеке и попечительстве» [3] устанавливается опека или попечительство, а бремя родительских обязанностей, в том числе по защите прав и интересов таких детей, переходит сначала к органу опеки и попечительства, выявившему ребенка, а затем в лучшем случае — к усыновителям, в иных случаях — к опекунам, попечителям. С учетом ч. 2 ст. 15 указанного закона опекуны являются законными представителями подопечных и вправе выступать в защиту их прав, законных интересов в любых отношениях без специального полномочия. Попечители же с учетом ч. 3 ст. 15 данного закона могут выступать в качестве законных представителей подопечных в случаях, предусмотренных федеральным законодательством, а несовершеннолетние имеют право на защиту от злоупотреблений со стороны опекуна (попечителя), что предусмотрено абз. 5 п. 1 ст. 148 СК РФ с отсылкой к ст. 56 СК РФ.

При этом, следуя за ст. 19 Всеобщей декларации прав человека [4], ст. 19 Пакта о гражданских и политических правах [5], ст. 12 Конвенции ООН о правах ребенка [6], ст. 57 СК РФ наделяет несовершеннолетних правом быть заслушанными в ходе любого судебного или административного разбирательства. Статьей 57 СК РФ также установлено, что при разрешении вопросов об изменении имени и фамилии ребенка (ст. 59 СК РФ); о восстановлении родителей (или одного из них) в родительских правах (ст. 72 СК РФ); о передаче несовершеннолетнего на усыновление (ст. 132 СК РФ); об изменении фамилии, имени, отчества усыновленного несовершеннолетнего (ст. 134 СК РФ); о внесении усыновителей в книгу записей рождений в качестве родителей усыновленного несовершеннолетнего (ст. 136 СК РФ); об изменении при отмене усыновления присвоенных несовершеннолетнему в результате усыновления фамилии, имени и отчества (ст. 143 СК РФ); о назначении ребенку опекуна (ст. 145 СК РФ) в отношении детей, достигших возраста десяти лет, органы опеки и попечительства и суды могут принимать решения только с согласия несовершеннолетних.

Казалось бы, положения законодательства лаконичны, проблем при защите прав и интересов несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, не должно быть. Однако, несмотря на обилие нормативных актов, как на международном уровне, так и в национальном законодательстве, направленных на охрану детства, тезис В. П. Лукина о том, что «в современной России именно дети составляют самую массовую группу наименее защищенного населения» [7, с. 7], остается актуальным. Среди них в особой поддержке государства нуждается такая категория, как «дети, оставшиеся без попечения родителей»¹, о чем говорится

¹ Комитет по правам ребенка ООН по результатам первого представленного ему доклада о ситуации относительно прав детей в России еще в 1993 г. выразил озабоченность положением детей, лишенных родительского попечения, и «рекомендовал активно развивать альтернативные формы ухода, заменяющие уход в интернатных учреждениях, например, передачу детей на воспитание (в семью)» [8].

и в ст. 20 Конвенции о правах ребенка: «Ребенок, который временно или постоянно лишен своего семейного окружения или который в его собственных наилучших интересах не может оставаться в таком окружении, имеет право на особую защиту и помощь со стороны государства» [6].

Реальность такова, что при возникновении споров между законными представителями зачастую ребенок делится как вещь или становится жертвой откровенных манипуляций со стороны взрослых, что не способствует ни защите его прав, ни наилучшему обеспечению интересов ребенка. СК РФ к наиболее важным вопросам, по которым не может быть принято решение без согласия ребенка, в ст. 57 относит в основном смену имени, отчества и фамилии несовершеннолетнего. Только разве за именем и фамилией кроется судьба ребенка, фактически предоставленного самому себе? Как же направленность социальной политики на сохранение семьи, усиление профилактических и коррекционных мероприятий по отношению к сложным семьям?

Сегодня речь идет о том, что ребенок должен занять центральное место в судебном процессе, а главной задачей суда является сохранение внутрисемейных связей, семьи, защита ребенка, а не разрушение семьи под предлогом наилучшего обеспечения интересов несовершеннолетнего. В ситуациях, когда органы опеки и попечительства, например, руководствуясь ст. 77 СК РФ, отбирают ребенка из семьи, согласие ребенка разве не обязательно? А при лишении родителей родительских прав? Ситуация, связанная с установлением отцовства в отношении несовершеннолетних, также не выдерживает критики, поскольку несовершеннолетний (в том числе находящийся под опекой или попечительством) не может инициировать данную процедуру до достижения совершеннолетия (ст. 49, 56 СК РФ), хотя, по нашему мнению, в интересах ребенка это право следует предусмотреть, потому что интересы опекунов (попечителей) могут не совпадать с появлением у ребенка отца. Нельзя отрицать наличие ст. 39 Гражданского кодекса (ГК) РФ, с учетом положений которой ребенок может быть передан на воспитание кровным родителям. Нельзя отрицать и возможное нежелание опекунов (попечителей) поддерживать контакт между ребенком и родителями по этой же причине.

Не следует забывать и о возможности прямо противоположной ситуации, когда ребенку было «по-настоящему хорошо» под опекой, а передача его на воспитание в кровную семью причинит немало страданий и опекуну (попечителю), и несовершеннолетнему. Поэтому, конечно, возникает вопрос о том, только ли с десяти лет ребенок может выражать согласие или несогласие на восстановление родителей в родительских правах. Привязанность маленького человечка к опекуну, думается, должна учитываться в любом возрасте. В качестве аргумента обратимся к мнению Л. В. Петрановской о том, что «привязанность — витальная потребность, уровень значимости — максимальный, и без нее не живут» [9, с. 12]. Нарушение привязанности, по нашему убеждению, способно глубоко травмировать ребенка, повлечь регресс развития. Поэтому установление в ст. 57 СК РФ возрастного ценза для учета мнения ребенка представляется ошибочным и даже жестоким по отношению к детям, которые не могут ввиду этого ценза выразить свое мнение, но помнят, как было «плохо».

Согласие ребенка на установление в отношении него отцовства с учетом ст. 48 СК РФ также обязательно лишь по достижении им совершеннолетия. В этом аспекте, полагаем, нельзя не выразить солидарность с мнением Б. З. Гомбоева и Е. Л. Минеевой о том, что для установления отцовства необходимо получение согласия от несовершеннолетнего, достигшего возраста десяти лет [10, с. 96]. В остальных случаях, например, при определении места жительства несовершеннолетнего ввиду раздельного проживания родителей, суд должен учесть мнение

ребенка, достигшего возраста десяти лет, если мнение ребенка заслушано и не противоречит его интересам. Изложенная позиция отражена и в ст. 57 СК РФ, и в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 27 мая 1998 г. «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей». Следует отметить, что Комитет ООН по правам ребенка не поддерживает государства, предусматривающие подобные возрастные правоограничения [11, р. 153] и призывает даже самых маленьких людей (детей) рассматривать как активных членов семей, общин и общества в целом со своими проблемами, интересами и взглядами [12, р. 10–16].

Тезис А. Эрделевского о том, что «российские суды традиционно отрицательно относились к участию ребенка в судебном процессе» [13, с. 75], остается по-прежнему актуальным. На наш взгляд, необходимость заслушивать несовершеннолетнего при производстве по делу перечеркивается вольно трактуемым понятием «наилучшего обеспечения интересов несовершеннолетних». Один довод органов опеки и попечительства о том, что «участие несовершеннолетнего в судебном заседании способно отрицательно повлиять на неокрепшую психику» позволяет списать неучастие ребенка в процессе на отсутствие крайней на то необходимости. В связи с чем возникает еще один вопрос. Право несовершеннолетнего быть заслушанным (ст. 57 СК РФ) разве условно? Как в таком случае определять необходимость участия несовершеннолетнего в гражданском процессе — как «крайнюю» и «не крайнюю»? Как быть с мнением несовершеннолетнего относительно этого? По нашему мнению, наиболее справедливый ответ дан Комитетом по правам ребенка о том, что государства не имеют права ссылаться на принцип наилучших интересов ребенка в целях ограничения права детей выражать свое мнение [11, р. 157].

Изложенное нами позволяет выделить ряд проблем, связанных с участием в гражданском судопроизводстве несовершеннолетних.

Проблема № 1. Продолжая анализ положений ст. 57 СК РФ, отметим, что сложности в реализации несовершеннолетними права быть заслушанными в суде связаны с тремя аспектами: во-первых, с установлением возрастного порога — 10 лет, во-вторых, с возрастными психологическими, умственными особенностями, которые, исходя из положения п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 27 мая 1998 г., являются самостоятельным объектом защиты, то есть «эмоциональное/психологическое благополучие», по мнению законодателя, является более важным, нежели рассматриваемые в ходе производства по делу семейные права. В-третьих, сложности в реализации несовершеннолетними права быть заслушанными в суде заключаются в праве суда не учитывать услышанное мнение ребенка, если, по мнению суда, оно противоречит интересам несовершеннолетнего. Еще один аспект исследуемой проблемы кроется и в последствиях формального подхода к выяснению мнения ребенка, поскольку недостаточная оценка рисков, субъективное толкование доказательств, связанных с пребыванием детей в неблагополучных семьях, могут спровоцировать возникновение необратимых последствий для несовершеннолетних.

Рассматривая данную проблему, следует обратить внимание на раздел VII Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы («Дети — участники реализации национальной стратегии») [14], посвященный проблематике реализации права ребенка на участие в принятии решений, затрагивающих его интересы. Отмечается, что Совет Европы 25 января 1996 г. принял Европейскую конвенцию об осуществлении прав детей [15], предусматривающую расширение возможностей участия детей в судебном или административном разбирательстве. Однако Россия данную Конвенцию не ра-

тифицировала, несмотря на то, что такая ратификация заявлена в качестве первоочередной меры в рамках мероприятий по формированию дружественного к детям правосудия. В указанном выше разделе говорится о том, что право детей на такое участие реализуется слабо в связи с недостаточным развитием в России необходимой законодательной и нормативно-правовой базы. Сделана попытка спрогнозировать риски, связанные с расширением участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы (усиление формализма, недооценка возможностей участия детей в принятии решений; дискриминация определенных групп детей, в частности детей младшего и среднего возраста, детей, воспитывающихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; нарушение принципа добровольности участия ребенка в принятии решений; нарушение конфиденциальности в отношении ребенка и стремление взрослых манипулировать его мнением и др.).

Безусловно, каждый из перечисленных рисков должен быть изучен, но в рамках настоящей статьи затрагивается проблема формального подхода к праву ребенка быть заслушанным. В связи с этим, полагаем, подлежит закреплению не право ребенка быть выслушанным по достижении десяти лет, а право ребенка быть услышанным в любом возрасте; обязанность суда, как предписано Конвенцией ООН о правах ребенка (ч. 1. ст. 3) [6], — уделять должное внимание взглядам ребенка в соответствии с его возрастом и зрелостью. Считаем, что целесообразно заменить конструкцию возможности суда, прийти (или не прийти) к выводу о необходимости опроса в судебном заседании ребенка, опираясь на мнение органа опеки и попечительства о гипотетически возможном неблагоприятном воздействии на ребенка от его участия в судебном заседании, на обязанность суда создать такие условия участия в судебном заседании для несовершеннолетних, которые отвечали бы критериям дружественного к ребенку правосудия (например, соответствие части процедуры возрасту и развитию ребенка; направленность на обеспечение потребностей, прав и интересов ребенка; уважение личности и достоинства ребенка, его частной и семейной жизни; активное использование в судебном процессе данных о детях, условиях их жизни и воспитания, полученных судом в установленном законом порядке; усиление охранительной функции суда по отношению к ребенку; специальная подготовка судей по делам несовершеннолетних). Относительно третьего аспекта — права суда не принимать во внимание мнение ребенка, если оно противоречит его интересам, — полагаем, что в данном аспекте следует придерживаться иной позиции и исключить такое право из ст. 57 СК РФ.

В качестве аргумента о способности детей формулировать свое мнение до достижения десятилетнего возраста уместно, на наш взгляд, обратиться к национальному законодательству. В частности, законодатель признает способность к формированию и выражению своего мнения за детьми, не достигшими возраста десяти лет. Соответствующий вывод сделан автором на основе абз. 6 ст. 19 Федерального закона «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2020 г.) [16], согласно которому дети наделены правом на добровольных началах становиться членами и участниками детских общественных объединений по достижении возраста восьми лет.

Нельзя не отметить, что вместо возрастного ограничения для учета мнения ребенка в Конвенции ООН о правах ребенка предлагается учитывать соотношение возраста и зрелости (как способности понимать и оценивать значимость и последствия обсуждаемых решений). Чтобы ребенок был правильно понят судом, с учетом необходимости выяснять обстоятельства, способные оказать воздействие

на физическое и психическое здоровье ребенка, определить способность ребенка к формированию самостоятельных убеждений, выяснять, не является ли мнение несовершеннолетнего следствием воздействия на него одного из родителей или иных заинтересованных лиц, осознает ли он собственные интересы при выражении данного мнения и как он его обосновывает, суд или должен обладать узкими психолого-педагогическими познаниями, или обеспечивать участие специалиста-психолога в качестве лица, дающего заключение по делу о вышеуказанных обстоятельствах. Полагаем, что с учетом возрастных психологических, умственных способностей, в ситуации, в которой оказались дети-сироты или дети, оставшиеся без попечения родителей, по делам о защите их прав и законных интересов, целесообразно проведение психолого-педагогических экспертиз в соответствии с ч. 2 ст. 96 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РФ, по инициативе суда и за счет средств федерального бюджета. Сторона, уклоняющаяся от проведения такой экспертизы, должна быть привлечена к ответственности в виде лишения права на оспаривание заключения эксперта. Суд, в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также с учетом того, какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза назначена, установленным или опровергнутым (ч. 3 ст. 79 ГПК РФ).

Проблема № 2. Как справедливо отмечает О. Ю. Ильина, «обеспечение защиты прав и интересов детей на стадии обращения в суд возможно лишь при совпадении интересов заявителей и ребенка» [17, с. 162]. В иных случаях предусмотренные способы представляются иллюзорными. СК РФ в п. 2 ст. 56, абз. 5 ч. 1 ст. 148 закрепляет право несовершеннолетнего в случае нарушения его прав, в том числе опекуном (попечителем), до достижения возраста четырнадцати лет «самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд». При этом законодателем не учтено, что ввиду ч. 1 ст. 121 СК РФ, ч. 3 ст. 11 ФЗ «Об опеке и попечительстве» до разрешения вопроса об устройстве ребенка, оставшегося без попечения родителей, функции по защите прав и интересов детей возложены на органы опеки и попечительства, а также, если несовершеннолетнему не будет назначен опекун или попечитель в течение месяца, исполнение обязанностей опекуна или попечителя временно возлагается на этот же орган опеки и попечительства. Таким образом, право на самостоятельное обращение несовершеннолетнего в органы опеки в случае возложения функции защиты прав и интересов несовершеннолетнего на этот же орган опеки и попечительства или наделение данного органа, даже временно, статусом законного представителя порождает нарушение п. 6 ст. 8 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», где указано следующее: «Запрещается направлять жалобу на рассмотрение в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу, решение или действие (бездействие) которых обжалуется».

Если несовершеннолетний обратится в орган опеки и попечительства с жалобой на опекуна, конечно, такой коллизии норм права не возникает. Но возникает проблема, аналогичная сформулированной проблеме № 1. Орган опеки и попечительства назначает опекуна и несет обязанности по надзору за соблюдением опекуном законодательства в отношении подопечного. Если подопечный подает жалобу, напрашивается вывод о том, что орган опеки со своей обязанностью не справился. Содержится ли в данной ситуации конфликт интересов между несовершеннолетним и органом опеки и попечительства? В качестве контраргумента в литературе приводится довод о возможности последующего обжалования в судебном порядке актов органов опеки и попечительства. Однако, по нашему мнению, не представляется возможным, чтобы ребенок, не достигший 14 лет,

смог реализовать данное право на обжалование решений, действий (бездействия) органов опеки в судебном порядке, поскольку административная процессуальная дееспособность по общему правилу возникает с 18 лет, а по административным делам, возникающим из спорных административных и иных публичных правоотношений, в которых указанные граждане в соответствии с законом могут участвовать самостоятельно, то есть по делам, вытекающим из семейных правоотношений, — с 14 лет. Но речь идет о детях, не достигших возраста 14 лет. Данное положение усугубляется отсутствием представителя интересов несовершеннолетнего перед органами опеки и попечительства.

Представим, например, ситуацию. Несовершеннолетний А., достигший возраста 10 лет, передан под возмездную опеку гражданки Б., и он полагает, что опекун злоупотребляет своими правами, жестоко обращается с А. Руководствуясь ст. 56 СК РФ, десятилетний А. обратился в органы опеки. По нашему мнению, между несовершеннолетним А. и гражданкой Б. усматривается конфликт интересов, ввиду которого осуществление гражданкой Б. функции по защите прав и интересов А. не представляется возможным. Органы опеки и попечительства, рассмотрев обращение А., придут к выводу о том, что в действиях гражданки Б. не усматривается злоупотреблений правами опекуна, сведения о жестоком обращении не найдут подтверждения. Как должен действовать ребенок, если он не согласен с решением органов опеки, желает его обжаловать, но даже не представляет, что обжалование возможно? С учетом того, что ребенку, вероятно, только один раз представится возможность куда-то обратиться, его обращение должно быть максимально эффективным. Все понимают, что несовершеннолетнему не доступны документы, их хранят взрослые; несовершеннолетний не может обратиться самостоятельно и официально в соответствующие органы, выехав с этой целью из дома, а опекун его точно не станет сопровождать в целях подачи жалобы; ребенок не может проверить, своевременно ли орган опеки отреагирует на его жалобу, все ли действия будут предприняты и т. д.

Даже при рассмотрении заявления об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным, поданного при отсутствии согласия попечителя объявить несовершеннолетнего полностью дееспособным, попечитель в обоснование своего отказа может ссылаться на желание оградить подопечного от последствий объявления полностью дееспособным, которые могут быть и неблагоприятными. При производстве по делу процессуальный статус попечителя изменяется (не «законный представитель», а «заинтересованное лицо»). Однако попечители и в этом статусе фактически продолжают реализовывать правоохранительные функции законных представителей, но как такового представителя у несовершеннолетнего, пока еще не объявленного эмансипированным, в ходе рассмотрения дела судом нет.

В целях преодоления поставленной проблемы полагаем возможным внести в законодательные акты ряд изменений, а именно: 1) дополнить приведенный в ст. 56 СК РФ перечень лиц, осуществляющих защиту прав несовершеннолетних, назначаемым профессиональным представителем; 2) предусмотреть обязательное участие такого представителя и при рассмотрении дел органами опеки и попечительства, и в судах; 3) позволить детям, не достигшим возраста 14 лет, обращаться с жалобами на нарушение их прав не в органы опеки и попечительства, а к субъектам, оказывающим бесплатную юридическую помощь, адвокатам, которые, в свою очередь, передадут уже письменную, юридически грамотно оформленную жалобу в органы опеки и попечительства; 4) предоставить детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, независимо от возраста, право на судебную защиту.

Проблема № 3. Данная проблема связана с представительством интересов несовершеннолетних заинтересованными лицами. В гражданском процессе статус несовершеннолетнего участника производства по делу нельзя охарактеризовать как самостоятельный, поскольку при реализации права на обращение в суд по достижении 14 лет с учетом статей 56, 57, 142 СК РФ [17, с. 162] суду предоставлено право привлечь к участию в деле законных представителей ребенка, а также органы опеки и попечительства, прокурора по ряду дел.

Обратимся к тексту ст. 56 СК РФ, а именно п. 1, где закреплено, что защиту прав и законных интересов детей осуществляют их родители, а при их отсутствии — лица, заменяющие родителей, в случаях, предусмотренных СК РФ, — органы опеки и попечительства, прокурор и суд. В данной норме не сказано о возможности участия независимого представителя несовершеннолетнего.

В соответствии с п. 2 ст. 64 СК РФ «родители не вправе представлять интересы своих детей, если органом опеки и попечительства установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия. В случае разногласий между родителями и детьми орган опеки и попечительства обязан назначить представителя для защиты прав и интересов детей». Однако порядок, сроки, требования к такому представителю законодательно не регламентированы. В отношении опекунов (попечителей) п. 3 ст. 37 ГК РФ предусмотрено иное правило, согласно которому опекуны и попечители не вправе представлять подопечных при ведении судебных дел между подопечным и супругом опекуна или попечителя и их близкими родственниками [18]. Возникает закономерный вопрос о том, не может ли в других случаях возникнуть конфликт интересов между опекуном (попечителем) и подопечным? Конечно, может. Могут возникнуть ситуации, которые схожи с ситуациями между родителями и ребенком. На основании изложенного можно утверждать, что необходима научная и законодательная разработка понятия «конфликт интересов» применительно к отношениям, складывающимся между подопечным и его опекуном (попечителем).

Нельзя не отметить и тот факт, что в случаях, если законом предусмотрено право несовершеннолетнего самостоятельно защищать свои права и интересы (ст. 21, 26, 27, 1074 ГК РФ, ст. 56, 62 ГПК РФ), родители или лица, их замещающие, не вправе реализовывать свой статус законного представителя [18; 19]. Таким образом, если ребенку предоставлено право самостоятельно защищать свои права и интересы, ребенку должно быть предоставлено и право привлекать в этих целях компетентных представителей.

Проблема № 4. В соответствии с ч. 1, 2 ст. 49 ГПК РФ представителями при производстве у мировых судей и в районных судах, где рассматривается львиная доля семейных споров, в том числе связанных с защитой прав и интересов детей, могут быть любые дееспособные лица. Полагаем, такое положение противоречит ст. 46 Конституции РФ. Целесообразно предусмотреть в ст. 49 ГПК РФ образовательный ценз для представителей по делам о защите прав и законных интересов несовершеннолетних (в том числе детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей), закрепив такое право за адвокатами и иными лицами, оказывающими юридическую помощь, имеющими высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Участие профессионального представителя несовершеннолетнего позволит восполнить его «усеченную» дееспособность путем присоединения к дееспособности представляемого дееспособности представителя.

Следует распространить это правило, по нашему мнению, и на сотрудников органов опеки и попечительства, исключив из судебного представительства детей-

сирот и детей, оставшихся без попечения, сотрудников, не имеющих высшего юридического образования и практики ведения таких дел в судах.

Проблема № 5. Как справедливо отмечает Е. В. Буянова, отсутствие в национальном законодательстве норм, «раскрывающих механизм и порядок самостоятельного обращения за защитой нарушенного права в суд несовершеннолетними по достижении ими возраста четырнадцати лет» [20, с. 66], а также не достигшими 14 лет — в органы опеки и попечительства, существенно осложняет реализацию данного права, создает иллюзию защищенности несовершеннолетних. Однако практическое применение вышеупомянутых норм права по самостоятельному обращению ребенка в орган опеки и попечительства превращается в «квест». Ребенку надлежит выяснить, каков перечень документов требуется, отыскать эти необходимые документы, затем найти финансовую возможность доехать к месту нахождения государственного органа и не столкнуться при этом с законным представителем, на чьи действия (бездействие) ребенок решил пожаловаться. Объясняя научным языком, можно утверждать, что перед несовершеннолетним встает ряд проблем: 1) отсутствие знаний и навыков, связанных с поиском информации, собиранием доказательств; 2) экономическая и физическая зависимость от опекуна или попечителя; 3) отсутствие необходимых документов. Как отмечается в пунктах 37, 38 Рекомендаций Комитета министров Совета Европы по правосудию, дружественному к ребенку [21], для решения указанных сложностей ребенку необходимы правовая помощь и профессиональное представительство (сопровождение), начиная с подготовки обращения и до принятия решения по нему.

Целям обеспечения профессионального представительства, по нашему мнению, отвечают существующие институты бесплатной юридической помощи, поскольку указанная юридическая помощь оказывается в соответствии с нормативными правовыми актами¹, а деятельность субъектов государственной системы бесплатной юридической помощи является контролируемой. По этой причине, полагаем, необходимо внести изменения в процессуальное законодательство с целью придания субъектам, оказывающим безвозмездную юридическую помощь несовершеннолетним, процессуального статуса представителей или общественных представителей. На наш взгляд, в случае осуществления судебной формы защиты прав несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, механизм назначения представителя может быть позаимствован в уголовном процессуальном праве (ст. 50 УПК РФ) с некоторыми особенностями: суд обязан в течение 24 часов с момента обращения несовершеннолетнего назначить ему представителя из числа субъектов оказания безвозмездной юридической помощи. Для реализации данного предложения потребуется обеспечить взаимодействие между представителями системы бесплатной юридической помощи и судами.

Таким образом, внедрение института профессионального представительства несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, с нашей точки зрения, будет способствовать своевременному, всестороннему, правильному рассмотрению

¹ См.: О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6725; Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102; Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177; О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: федер. закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 52. Ст. 5880.

дел, принятию обоснованных решений и реализации таких прав детей, как: 1) право на обращение в суд с заявлением о нарушении прав и законных интересов; 2) право быть проинформированным о своих правах, обязанностях, в том числе о праве на бесплатную юридическую помощь, о ходе рассмотрения его заявления, правовых последствиях в доступной для понимания ребенком форме; 3) право быть представленным в ходе разбирательства по делу квалифицированным представителем, назначенным на безвозмездной основе (адвокатом или иным дееспособным лицом, обладающим высшим юридическим образованием или ученой степенью по юриспруденции); 4) право быть заслушанным на всех стадиях рассмотрения дела с участием специалиста (психолога), способствующего точному уяснению мнения несовершеннолетнего; 5) заявлять отвод своему представителю.

Литература

1. Булаевский Б. А. Правовое положение несовершеннолетних по российскому гражданскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 177 с.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Об опеке и попечительстве: федер. закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.
4. Права человека. Основные международные документы. М.: Международные отношения, 1989. 160 с.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. 28 апреля.
6. Конвенция о правах ребенка: принята резолюцией № 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций (ООН). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 20.06.2021).
7. Лукин В. П. Защита детей — это защита будущего России, формирование нашего завтра. М.: Изд-во ГосНИИ семьи и воспитания, 2005. 184 с.
8. Кравчук Н. В. Обеспечение права ребенка на жизнь и воспитание в семье в свете рекомендаций Комитета ООН по правам ребенка // Гражданин и право. 2009. № 10. С. 17–18.
9. Петрановская Л. В. Тайная опора. Привязанность в жизни ребенка. М.: АСТ, 2015. 288 с.
10. Гомбоев Б. З., Минеева Е. Л. Разрешение споров о детях в порядке гражданского судопроизводства // Дружественное к ребенку правосудие и восстановительные технологии: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. С. 95–98.
11. Implementation Handbook for the Convention on the Rights of the Child. United Nations Children's Fund, 2007. 787 p.
12. Implementing child rights in early childhood // Committee on the Rights of the Child. General Comment No. 7. Para. 5. Geneva, 2005. 20 p.
13. Эрделевский А. Ребенок тоже человек // Человек и закон. 1998. № 11. С. 74–78.
14. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.
15. Европейская конвенция об осуществлении прав детей ETS № 160 (Страсбург, 25 января 1996 г.) [Электронный ресурс] // Гарант. ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/4089570/> (дата обращения: 20.06.2021).
16. Об общественных объединениях: федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.
17. Ильина О. Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. 192 с.

18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 9 марта 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
19. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
20. Буянова Е. В. Дружественное к ребенку правосудие и восстановительные технологии в системе гражданского судопроизводства: проблемы и перспективы // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2018. № 37. С. 61–68.
21. Рекомендации Комитета Министров Совета Европы по правосудию, дружественному к ребенку: приняты Комитетом Министров 17 ноября 2010 г. на 1098-й встрече заместителей министров [Электронный ресурс] // Медиатор. URL: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-450> (дата обращения: 20.06.2021).

Контактные данные:

Карпеева Е. В.: 664082, Иркутская область, Иркутск, Улан-Баторская ул., д. 10; e-mail: spell1@mail.ru.

Contact Details:

Karpееva E. V.: 10 Ulan-Batorskaya Str., Irkutsk 664082, Russia;
e-mail: spell1@mail.ru.

Кирюшкина Е. И.

Основные направления оптимизации уголовной ответственности в сфере защиты сотрудника органов внутренних дел

Kiryushkina E. I. The Main Directions of Optimization of Criminal Liability in the Field of Protection of Internal Affairs Officers

В статье рассмотрены с современных позиций наиболее сложные и востребованные практикой вопросы, связанные с совершенствованием конструкции статей 317–319 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Констатируется, что действующее законодательство в исследуемой сфере общественных отношений нуждается в дальнейшем совершенствовании. Автором предложены меры по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: преступление, жизнь, здоровье, честь, достоинство сотрудников органов внутренних дел, квалификация, угроза применения насилия, оскорбление, клевета.

The article deals with the most complex and important issues in demand in practice, related to the improvement of the design of art. art. 317-319 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is stated that the current legislation in the considered sphere of the public relations needs further improvement. Author's suggestions for improvement of the existing penal legislation are made.

Keywords: crime, life, health, honor, dignity of employees of internal affairs bodies, qualifications, threat of violence, insult, slander.

Преступления против жизни, здоровья, чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 317–319 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), являются одним из старейших структурно обособленных в уголовном законе общественно опасных деяний. Несмотря на достаточность защиты жизни, здоровья, чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел указанными выше нормами, некоторые конструкции данных составов преступлений требуют законодательного совершенствования.

Относительно конструирования нормы, предусмотренной ст. 317 УК РФ, представляется, что ее формулировка правильна и не требует изменений. Наказание в санкции ст. 317 УК РФ, предусматривая пожизненное лишение свободы и смертную казнь, позволяет учесть повышенную опасность данного деяния [1, с. 10]. По этой же причине, с учетом наличия в данной статье максимально возможной в уголовном законе РФ санкции, считаем необоснованными предложения ряда авторов о дополнении этого состава квалифицирующими признаками, аналогичными признакам, содержащимся в ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Например, А. В. Кузьмин полагает, что «отсутствие квалифицирующих признаков необоснованно “уравнивает” ответственность за деяния, порой существенно различающиеся по степени общественной опасности, направленные на лише-

Кирюшкина Екатерина Игоревна — адъюнкт кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России.

© Кирюшкина Е. И., 2021

ние жизни сотрудника правоохранительного органа. При этом нивелируется принцип справедливости и соразмерности уголовной ответственности и наказания» [2, с. 162–163]. В связи с этим он предлагает дополнить состав преступления, предусмотренный ст. 317 УК РФ, квалифицирующими признаками. Однако указанный исследователь не пишет о том, как в таком случае поступить в отношении санкции данной статьи. Если учесть, что санкция в ст. 317 УК РФ максимальна, то увеличить ее с учетом квалифицирующих признаков невозможно. Либо придется уменьшать наказание для предполагаемой А. В. Кузьминым ч. 1 ст. 317 УК РФ, что противоречит его предложению об усилении правовой защиты сотрудников органов внутренних дел. По нашему мнению, наличие этой санкции дает возможность правоприменителю при выборе наказания учесть различную степень общественной опасности совершаемых в обществе и квалифицируемых по данной статье преступлений.

Следует отметить, что для правильной квалификации исследуемого состава преступления важное значение имеет установление его субъективной стороны. Известно, что состав ст. 317 УК РФ по конструкции объективной стороны относится к так называемым усеченным составам. В уголовно-правовой литературе и среди практиков общепризнанным положением считается то, что преступление с усеченной конструкцией может совершаться лишь с прямым умыслом. Соответственно, действия виновного, совершенные с косвенным умыслом, не должны квалифицироваться по ст. 317 УК РФ.

Вместе с тем в судебной практике встречаются редкие случаи, квалифицируемые при отсутствии виновного прямого умысла на причинение смерти сотрудникам полиции как посягательство. Например, приговором Санкт-Петербургского городского суда от 22 марта 2018 г. Л. осужден по ст. 317 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к восьми годам лишения свободы [3]. Л. был совершен выстрел из охотничьего ружья в закрытую, обитую железом дверь, за которой находились сотрудники полиции. Три дробины из множества выпущенных из ружья пробили железную дверь и причинили легкий вред здоровью одному из сотрудников полиции. Через закрытую дверь, обитую железом, виновный не мог видеть, где именно находятся сотрудники полиции и не знал достоверно, что дробь из его охотничьего ружья пробьет обитую железом дверь. При таких обстоятельствах положение о том, что виновный действовал с прямым умыслом с целью причинения смерти сотрудникам полиции, вызывает сомнения. Действия Л., совершенные с косвенным умыслом, следовало квалифицировать исходя из наступивших последствий. Тем не менее апелляционным определением Верховного Суда РФ приговор оставлен в силе [4].

Наибольшую трудность при квалификации вызывает оценка угрозы применения насилия при совершении преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ. Преступные действия виновного могут быть выражены и в реально примененном насилии, и в угрозе его применения, так называемом психическом насилии. Возникает вопрос о том, какова степень насилия, которым угрожает виновный, для квалификации по ч. 1 ст. 318 УК РФ. Полагаем, диспозиция ч. 1 ст. 318 УК РФ охватывает угрозу не только причинением вреда здоровью любой тяжести, но и угрозу убийством. Считаем, что угроза насилием, опасным для жизни, существенно повышает общественную опасность анализируемого преступления и убеждены в том, что угроза убийством должна быть предусмотрена ч. 2 ст. 318 УК РФ при следующей ее формулировке в законе: «Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, а также угроза убийством в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи».

Между тем в судебно-следственной практике нередко возникают сложности при разграничении насилия в отношении представителей власти и сопротивления либо неповиновения им же, предусмотренного ст. 19.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Это нередко проявляется в активных действиях виновных лиц: например, сбрасывании фуражки потерпевшего с головы, толкании сотрудника, попытке вырваться при задержании, хватании за форменное обмундирование, попытке сорвать погоны, нагрудный знак.

Речь в этих ситуациях идет и о физическом воздействии на указанных лиц, но не связанных с физическим насилием в отношении потерпевшего. В таких ситуациях данные действия необходимо различать по степени интенсивности и характеру. Согласно ст. 19.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях «под неповиновением следует понимать отказ от выполнения законного распоряжения или требования сотрудника полиции, военнослужащего либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации в связи с исполнением ими обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а также воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей» [5]. Некоторые ученые предлагают ввести понятие «активное сопротивление» в диспозицию ч. 1 ст. 318 УК РФ. В частности, И. Е. Сулейманова предлагает сформулировать ч. 1 ст. 318 следующим образом: «1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия в отношении представителя власти или его близких, либо активное сопротивление представителю власти в связи с исполнением им должностных обязанностей» [6]. Убеждены в том, что недопустимо подобное расширительное толкование уголовного закона, при котором подвергаются криминализации нормы административного права и допускается неоправданно широкое судебское усмотрение.

Ряд ученых в разное время высказывали мнение о том, что угроза в понимании ст. 318 УК РФ должна охватывать и угрозу повреждения или уничтожения имущества потерпевших, указанных в данной норме [7, с. 13–14]. Это предложение поддерживает В. Ю. Ларин. Однако он закономерно указывает на возникающую в связи с этим следующую проблему правопонимания: поскольку реальное уничтожение или повреждение имущества Е. В. Смоляков не предлагает предусмотреть в специальные нормы УК РФ, посвященные посягательствам на порядок управления, то ответственность за такие действия виновного должна наступать с учетом общей нормы, предусматривающей уничтожение либо повреждение имущества (ст. 167 УК РФ). Но в этом случае угроза в отношении имущества представителя власти будет наказываться выше, чем как таковое уничтожение либо повреждение имущества потерпевшего. Е. В. Смоляков обращает внимание на то, что именно такая ситуация наблюдается в ч. 2 ст. 296 УК РФ, санкция которой строже санкции ч. 1 ст. 167 УК РФ. Поэтому, чтобы не допустить нарушения принципа законности и справедливости, необходимо предусмотреть в ст. 318 УК РФ ответственность не только за угрозу уничтожения или повреждения имущества представителя власти или его близких, но и за реальное уничтожение или повреждение имущества указанных лиц [8].

При проведении нами опроса сотрудников правоохранительных органов 91 % из 150 опрошенных респондентов (сотрудников полиции) высказали точку зрения за внесение в диспозицию ст. 318 УК РФ ответственности за уничтожение или повреждение имущества сотрудников правоохранительных органов либо их близких, а также за угрозу уничтожения либо повреждения такового. Считаем, что

приведенная точка зрения заслуживает внимания, поскольку уничтожение или повреждение имущества потерпевших по мотивам, указанным в ст. 318 УК РФ, приводит к повышенной общественной опасности совершенного виновным деяния, что должно, в свою очередь, повлечь повышенную ответственность и наказание, выраженное в санкции специальной нормы.

Так, А. В. Кладков полагает, что «обязательными признаками состава альтернативно являются либо цель — воспрепятствовать законной деятельности представителя власти, либо мотив мести за нее. Этот вывод вытекает из того, что насилие или угроза его применения совершаются в связи с выполнением представителем власти своих должностных обязанностей» [9; 10].

А. П. Кузнецов считает, что «поскольку законодатель обуславливает насилие в отношении представителя власти исполнением им своих служебных обязанностей, это указывает на обязательность мотива и цели преступления (изменить или прекратить законную деятельность, отомстить за ее осуществление и т. п.)» [11, с. 988]. По мнению И. Е. Сулеймановой, «цель и мотив не являются конструктивными элементами состава преступления. Основным элементом субъективной стороны является прямой умысел. При этом умыслом виновного охватывается то, что насилие в отношении представителя власти или его близких применяется в связи с исполнением должностным лицом его служебных обязанностей» [12, с. 56]. С учетом приведенных выше точек зрения в диспозицию ст. 318 УК РФ необходимо включить цель и мотив, как в ст. 317 УК РФ. Итак, ст. 318 УК РФ должна быть сформулирована следующим образом:

«1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия, а также угроза уничтожением либо повреждением имущества в отношении представителя власти или его близких с целью воспрепятствования законной деятельности представителя власти либо из мести за такую деятельность — наказывается...

2. Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия, а также уничтожение либо повреждение имущества в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи, совершенного по тем же мотивам или с той же целью, — ...

Примечание. Представителем власти в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса признается сотрудник правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости».

При анализе ст. 319 УК РФ мы исходили из того, что общего понятия оскорбления в настоящей редакции УК РФ не содержится. Ранее действующая ст. 130 УК РФ «Оскорбление» предусматривала описательную диспозицию и определяла оскорбление как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Полагаем, при отсутствии общей нормы данное определение следует вернуть в УК РФ, предусмотрев его в примечании к ст. 297 УК РФ, где впервые употребляется в УК РФ этот термин, повторив его толкование из декриминализованной ст. 130 УК РФ: «Под оскорблением в настоящей статье и других статьях УК РФ понимается унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме».

Исходя из того, что современные средства связи способны мгновенно большому количеству лиц распространить сведения, выраженные в неприличной форме, корреспондируемые и в адрес представителей власти, данный способ оскорбления обладает повышенной общественной опасностью и требует особой

оценки законодателя. 83 % из 150 опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов согласились с данным предложением. С нашей точки зрения, этот способ оскорбления следует предусмотреть в ч. 2 ст. 319 УК РФ, которую сформулировать следующим образом: «Те же действия, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”), наказываются...».

Оценивая повышенную защиту чести и достоинства представителей власти, считаем, что представителей власти необходимо защитить и от иной формы унижения чести и достоинства — клеветы. Под клеветой в УК РФ (ст. 128-1) понимается распространение заведомо ложных сведений. Нередко представители власти становятся объектами распространения вымышленных, ложных измышлений, порочащих их честь и достоинство, связанных с профессиональной деятельностью. Это может быть ложное обвинение во взяточничестве, ложные сведения о злоупотреблении либо превышении должностных полномочий, сведения о личной и семейной жизни представителя органа власти, распространенные из мести за его законную деятельность.

Дискуссия в юридической науке относительно этого вопроса ведется давно. Так, А. В. Кузнецов еще в 1961 г. отмечал, что «оскорбление представителя власти наносится не только в целях унижения потерпевшего, а также с целью подрыва престижа и авторитета государственной власти. При клевете же оценка предполагает еще и создание ложного, несправедливого мнения о потерпевшем со стороны других людей» [13, с. 134]. В пользу этого решения говорит введение в УК РФ в 2012 г. ст. 298.1 «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава». Остается неясной позиция законодателя, не предусмотревшего аналогичной специальной нормы в отношении представителей государственной власти и управления.

При опросе сотрудников правоохранительных органов 94 % респондентов согласны с указанным нововведением. Косвенно такое решение поддерживается и в судебной практике, когда в приговорах по ст. 319 УК РФ судьи, описывая то или иное преступление, говорят о подрыве профессионального либо служебного авторитета сотрудника правоохранительных органов.

В связи с изложенным полагаем необходимым ввести подобную специальную норму и в гл. 32 УК РФ:

«Статья 319¹. Клевета в отношении представителя власти.

1. Клевета в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей — ...

2. Те же действия, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”), наказываются...».

Завершая анализ составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за посягательства на жизнь, здоровье, честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел, необходимо отметить, что с учетом возникающих в правоприменительной практике вопросов и в целях единообразного применения уголовного закона на территории России необходимо официальное толкование уголовного закона в части правоприменения данной группы норм в постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Это привело бы к оптимизации единообразного понимания уголовного закона правоприменительными органами, а также сыграло бы роль превентивного фактора по отношению к совершению рассмотренных нами преступлений.

Литература

1. Антонов Ю. И. О необходимости сравнения санкций ст. 318 и статей гл. 16 УК РФ в случае применения насилия в отношении представителя власти // Уголовное право. 2014. № 5. С. 10–13.
2. Кузьмин А. В. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2015. 226 с.
3. Уголовное дело № 2-29/2018 (2-53/2017) // Архив Санкт-Петербургского городского суда.
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 июля 2018 г. № 78-АПУ18-14 [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19072018-n-78-apu18-14/> (дата обращения: 26.07.2021).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
6. Сулейманова И. Е. Применение насилия в отношении представителя власти: проблемы квалификации и правоприменительной практики // Российский судья. 2017. № 4. С. 30–32.
7. Смоляков Е. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 182 с.
8. Ларин В. Ю. К вопросу об уголовной ответственности за посягательства в отношении сотрудников органов внутренних дел // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 92–100.
9. Уголовное право РФ. Особенная часть: учеб. / под ред. Б. В. Здравомыслова. М.: Юрист, 2001. 550 с.
10. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А. И. Рарога. М.: Проспект, 2012. 722 с.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2005. 1080 с.
12. Сулейманова И. Е. Насильственные преступления против представителей власти в сфере порядка управления: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2015. 204 с.
13. Кузнецов А. В. Объект преступления и его значение для решения некоторых вопросов ответственности за оскорбление и клевету // Ученые записки Всесоюзного института юридических наук. 1961. Вып. 13. С. 120–146.

Контактные данные:

Кирюшкина Е. И.: 198206, Санкт-Петербург, Летчика Пилютова ул., д. 1;
e-mail: Kategrashchenko@mail.ru.

Contact Details:

Kiryushkina E. I.: 1 Letchika Pilyutova Str., St. Petersburg 198206, Russia;
e-mail: Kategrashchenko@mail.ru.

Иншакова Е. А.

К вопросу об особенностях разделения административной ответственности при нарушениях требований пожарной безопасности

*Inshakova E. A. On the Issue of the Specifics of the Division of Administrative
Responsibility in Case of Violation of Fire Safety Requirements*

В статье проанализированы актуальные проблемы при разделении административной ответственности за нарушение правил пожарной безопасности в случае наличия нескольких субъектов административного правонарушения, если все действия по соблюдению правил пожарной безопасности возложены на иные лица с учетом гражданско-правовых договоров. Автором установлено, что в настоящее время сложилась правоприменительная практика, исходя из которой, независимо от возложения собственником имущества обязанности по исполнению правил в сфере соблюдения пожарной безопасности на прочих субъектов гражданских правоотношений, меры административной ответственности могут быть применены в отношении собственника имущества. Новизна исследования состоит в том, что впервые сформулирована позиция о полной передаче обязанности по соблюдению требований пожарной безопасности от собственника имущества к иным лицам. При этом собственник руководствуется своим первоочередным правом на распоряжение имуществом по его усмотрению.

Ключевые слова: административная ответственность, правила пожарной безопасности, бремя содержания имущества, свобода договора, вина юридического лица.

The author analyzes the current problems in the division of administrative responsibility for violation of fire safety rules in the case of several subjects of an administrative offense, provided that all actions to comply with fire safety rules were assigned to other persons in the performance of civil contracts. The problem lies in the fact that currently there is a law enforcement practice, based on which, regardless of the imposition by the owner of the property of the obligation to comply with the rules in the field of fire safety on other subjects of civil legal relations, administrative responsibility can still be applied to the owner of the property. The novelty of the study is that the paper for the first time formulated a position on the full transfer of the obligation to comply with fire safety requirements from the owner of the property to other persons, guided by the primary right of the owner to dispose of the property at his discretion.

Keywords: administrative responsibility, fire safety rules, the burden of maintaining property, freedom of contract, the fault of a legal entity.

Введение

Вопрос об определении субъектов административного правонарушения и, как следствие, о разделении административной ответственности при несоблюдении правил пожарной безопасности всегда имел первостепенное значение, особенно

Иншакова Елена Александровна — аспирант кафедры административного права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

© Иншакова Е. А., 2021

в сфере имущественных отношений. С одной стороны, гражданское законодательство закрепляет принцип равенства, неприкосновенности собственности, свободы договора, с другой — государство воздействует на участников общественных отношений в сфере управления, через меры государственного воздействия на должное или возможное поведение участников административных правоотношений.

В этой связи актуальной становится проблема в аспекте права собственника на распоряжение имуществом и распределение бремени содержания имущества, в том числе и в отношении обязанностей по соблюдению норм пожарной безопасности и властных предписаний государства, которые при выявлении административного правонарушения относят к субъектам правонарушения собственника имущества. Прежде всего целью настоящего исследования является изучение вопроса о возможности неприменения административной ответственности в отношении субъектов правоотношений, которые возложили все права и обязанности по соблюдению норм пожарной безопасности на третьи лица и не должны привлекаться к административной ответственности, исходя из принципа свободы договора и отсутствия вины. В процессе исследования нами применены такие методы, как анализ нормативно-правовых актов, анализ правоприменительной практики, сравнение, обобщение, моделирование.

Основные теоретические и практические положения

Согласно ст. 1 Федерального закона № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» от 21 декабря 1994 г. (далее — Закон № 69-ФЗ) «...пожарная безопасность — состояние защищенности личности, имущества, общества и государства от пожаров;...» [1].

И организации, и физические лица и/или индивидуальные предприниматели должны соблюдать правила пожарной безопасности. Законодательство возлагает на данных субъектов правоотношений широкий перечень обязанностей по исполнению требований. Среди них выделяют следующие: выполнять распоряжения органов пожарного надзора, в том числе предоставлять им информацию, документацию о состоянии пожарной безопасности, а также обеспечивать доступ на объекты, территории и т. п., разрабатывать и применять меры пожарной безопасности.

За несоблюдение требований пожарной безопасности в соответствии со ст. 38 Закона № 69-ФЗ установлена в том числе и административная ответственность, которую несут «...собственники имущества; руководители федеральных органов исполнительной власти; руководители органов местного самоуправления; лица, уполномоченные владеть, пользоваться или распоряжаться имуществом, в том числе руководители организаций; лица, в установленном порядке назначенные ответственными за обеспечение пожарной безопасности; должностные лица в пределах их компетенции....». Согласно п. 5. ст. 6 Федерального закона № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» от 22 июля 2008 г. (далее — Закон № 123-ФЗ) «...собственник объекта защиты или лицо, владеющее объектом защиты на праве хозяйственного ведения, оперативного управления либо ином законном основании, предусмотренном федеральным законом или договором, должны в рамках реализации мер пожарной безопасности в соответствии со статьей 64 настоящего Федерального закона разработать и представить в уведомительном порядке декларацию пожарной безопасности... [2].

Итак, законодательство в области пожарной безопасности допускает передачу обязанностей и возложение ответственности на иных лиц, которые на основании закона имеют право владеть имуществом. В свою очередь, ст. 209, 210 Граждан-

ского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) не содержат запрета на возложение собственником имущества его содержания на других лиц, исходя из права собственника имущества (далее — титульный владелец) самостоятельно определять пределы распоряжения имуществом. Более того, принцип свободы договора, изложенный в ст. 421 ГК РФ, позволяет сторонам договорных отношений самостоятельно определять условия договора, исходя из их усмотрения. Это означает, что титульный владелец, руководствуясь собственным волеизъявлением, но, безусловно, при наличии встречного желания другой стороны, вправе поручить нести бремя содержания имуществом иному лицу.

Однако в настоящее время в правоприменительной практике используется правовая конструкция, из позиции которой следует, что ответственность за несоблюдение требований пожарной безопасности не перекладывается договором на другое лицо и участники гражданско-правовых отношений не могут разделять или полностью перекладывать на другую сторону свои публичные обязанности по исполнению правил пожарной безопасности [3]. Суды придерживаются правового подхода, заключающегося в том, что собственник может быть привлечен к административной ответственности, несмотря на передачу имущества другому лицу, так как законодательство устанавливает обязанность собственника по содержанию имущества, и факт передачи имущества не освобождает его от административной ответственности за нарушение норм пожарной безопасности [4].

Таким образом, прослеживается некое противоречие: с одной стороны презюмируется свобода договора, право собственника имущества определять судьбу содержания имущества, с другой — административная ответственность за несоблюдение требований пожарной безопасности возложена на множественность лиц, относительно которых не установлена четкая последовательность при определении субъекта правонарушения, и, соответственно, административное наказание может быть применено в отношении того субъекта правонарушения, который ранее, до совершения административного правонарушения, возложил обязанности по соблюдению требований пожарной на иное лицо.

Результаты исследования и их оценка

Несомненно, и граждане, и юридические лица обязаны соблюдать, нести ответственность за невыполнение установленных требований пожарной безопасности. Но, исходя из буквального трактования законодательства, можно сделать вывод о том, что и административная ответственность за нарушение требований пожарной безопасности, и обязанность по соблюдению правил пожарной безопасности могут быть возложены также на иных лиц, минуя непосредственно собственника имущества.

Становится очевидным, что собственник имущества может возложить на основании любого гражданско-правового договора все меры по соблюдению правил пожарной безопасности на другую сторону по договору. При этом законодательство не ограничивает титульного владельца в его праве заключить любой договор: им может быть договор аренды, договор возмездного оказания услуг, агентский договор, договор доверительного управления, иной договор, предусмотренный либо не предусмотренный законом или иными правовыми актами, согласно принципу свободы договора, установленному гражданским законодательством.

Необходимым признаком административного правонарушения, согласно ст. 2.1. Кодекса РФ об административных правонарушениях, является вина. В частности, А. М. Хужин пишет: «...Вина происходит не из сложения “психологических” воле физических лиц в составе юридического лица и трансформи-

руется в новое самостоятельное качество, выраженное действиями самого юридического лица. Это вина организации, выраженная в неприятии всех возможных мер по соблюдению нормативно-правовых и иных предписаний, требующих проявлять соответствующую внимательность и осмотрительность при исполнении обязанностей...» [5].

Возникает разумный вопрос. Если собственник возложил обязанность по содержанию имущества на сторону по договору, предпринял все меры по соблюдению требований в сфере пожарной безопасности, почему же он все-таки привлекается к административной ответственности как субъект правонарушения? Конституционный Суд РФ внес свою лепту в понимание данного противоречия, приняв решение, основной смысл которого состоит в том, что организация должна предпринять все меры для соблюдения установленных требований. В противном случае, при отсутствии умысла, она несет ответственность в форме неосторожности [6]. Представляется возможным трактовать это решение от противного, в пользу титульного собственника. В таком случае собственник имущества не имеет умышленного намерения относительно нарушения требований пожарной безопасности, как не было установлено и обязанности соблюдать требования пожарной безопасности. Поскольку собственник имущества передал все обязанности по содержанию имущества, согласно гражданско-правовому договору, иному субъекту права, соответственно, и предпринять все зависящие меры по соблюдению правил пожарной безопасности собственник имущества не мог с учетом того, что не имел изначально такой возможности, реализуя свое право по возложению бремени содержания имущества на иное лицо.

Поэтому спорным можно признать мнение о том, что публично-правовую ответственность за невыполнение противопожарных мероприятий нельзя перекладывать на другую сторону путем внесения соответствующих условий в гражданско-правовой договор.

Заключение

Противоречиями между нормами ГК РФ и Кодекса РФ об административных правонарушениях обусловлена актуальная проблема возложения административной ответственности на собственников имущества при отсутствии достаточных для этого оснований. В настоящее время в судебной практике реализуется следующий подход. Административное наказание к собственнику имущества применяется даже в том случае, если собственник имущества предпринял все разумные меры и показал добросовестное поведение, что выражено в полном контроле за соблюдением обязанностей по исполнению мер пожарной защиты, возложенных на другое лицо по договору в соответствии с нормами гражданского законодательства. Это отражают коллизии применения публично-правовых норм и гражданско-правовых норм.

Более того, сегодня количество титульных владельцев, не желающих самостоятельно управлять принадлежащим им недвижимым имуществом, растет в геометрической прогрессии. Как следствие, увеличивается количество заключенных гражданско-правовых договоров о передаче недвижимого имущества в управление, появляются новые виды договоров: договор на управление, эксплуатационный договор, договор на полное обслуживание недвижимого имущества. При этом большинство собственников имущества не являются специалистами в области пожарной безопасности. Тем не менее они несут ответственность за несоблюдение требований в этой сфере, даже несмотря на то, что передают имущество в эксплуатацию, техническое обслуживание, управление иным лицам.

Слова о том, что «времена меняются, и мы меняемся вместе с ними» (*tempora mutantur et nos mutamur in illis*), актуальны всегда, то есть законы должны быть адаптированы прежде всего к современным реалиям. Право также не стоит на месте, и оно должно постоянно совершенствоваться. Никто не может ограничить право на распоряжение имуществом иначе как по решению суда, а значит, законодательство должно развиваться в направлении неприменения ответственности к собственнику имущества в случае его свободного волеизъявления при возложении обязанностей по соблюдению требований пожарной безопасности на иных лиц.

Полагаем, для устранения проблемы при определении субъекта правонарушения успешно могла бы применяться конструкция, в соответствии с которой к собственникам имущества, возложившим бремя содержания на другое лицо, неприменимы меры административной ответственности, при возможном рассмотрении другого лица как профессионального лицензированного участника в сфере исполнения обязанности по соблюдению требований пожарной безопасности.

Литература

1. О пожарной безопасности [Электронный ресурс]: федер. закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ (с изм. и доп.) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10103955/paragraph/1575795:0> (дата обращения: 29.04.2021).
2. Технический регламент о требованиях пожарной безопасности [Электронный ресурс]: федер. закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ (с изм. и доп.) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12161584/paragraph/81:0> (дата обращения: 29.04.2021).
3. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20 сентября 2018 г. по делу № А45-15440/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/qbLc31bSs0VJ/> (дата обращения: 29.04.2021).
4. По вопросам возникающим при применении арбитражного процессуального, исполнительного, налогового и административного законодательства [Электронный ресурс]: рекомендации научно-консультативного совета при Арбитражном суде Уральского округа от 29 октября 2014 г. № 2/2014 // Арбитражный суд Уральского округа. URL: <https://fasuo.arbitr.ru/node/14533> (дата обращения: 17.09.2021).
5. Хужин А. М. Вина и невиновное поведение юридического лица в публичном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 10. С. 149–153.
6. По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.1, части 1 статьи 2.2, части 3 статьи 11.15.1 и пункта 5 части 1 статьи 29.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 12.2 Федерального закона «О транспортной безопасности», подпунктов 36, 37, 39, 45 пункта 5 и подпунктов 1, 2, 8 пункта 7 требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств морского и речного транспорта, в связи с жалобой акционерного общества «Пассажирский Порт Санкт-Петербург “Морской фасад”» [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2020 г. № 17-П // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14042020-n/> (дата обращения: 29.04.2021).

Контактные данные:

Иншакова Е. А.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;
e-mail: inshakova@mail.ru.

Contact Details:

Inshakova E. A.: 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;
e-mail: inshakova@mail.ru.

Левин В. В.

Особенности конституционно-правовой модели судопроизводства в Российской Федерации

*Levin V. V. Features of the Constitutional Legal Model of Legal Proceedings
in the Russian Federation*

В статье проанализированы особенности процесса конституционного судопроизводства как одного из подвидов судопроизводства в Российской Федерации (РФ). Кроме того, рассмотрены особенности конституционного судопроизводства в сравнении с особенностями производства по гражданским, уголовным и административным делам. Приведена их сравнительная характеристика.

Ключевые слова: конституционное судопроизводство, судебный процесс, судебная система, Конституция РФ.

The article analyzes the features of the process of constitutional proceedings, as one of the subtypes of legal proceedings in the Russian Federation, in addition, the comparative features of constitutional proceedings with the peculiarities of proceedings in civil, criminal and administrative cases are considered and a comparative characteristic of these processes is carried out.

Keywords: Constitutional legal proceedings, judicial process, judicial system, Constitution of the Russian Federation.

Исходя из правовых реалий, понятие конституционного судебного производства можно отнести к категориям, которые получают нормативное закрепление в Конституции Российской Федерации (РФ) в разделах, регулирующих самостоятельность системы отечественного судопроизводства. Кроме того, для российского общества в сфере правоотношений данное понятие является новым институтом. В своем развитии институт конституционного судопроизводства реализуется и совершенствуется на всех доступных уровнях, от федеративного до субъектов РФ, в пределах которых осуществляют правовую деятельность конституционные судебные органы.

Обращаясь к специфике конституционного судопроизводства, важно обратить внимание на особую специфику деятельности судов данной категории. Все они осуществляют деятельность на основании принципа децентрализации, то есть независимости от Конституционного Суда РФ, что, в сравнении с особенностями деятельности других судебных органов РФ, которые в принципиальных правовых основах подвластны судам высшей инстанции, выделяет их из числа иных судебных органов. Решения, которые принимаются в процессе конституционного судопроизводства (подразумевается деятельность конституционных судов), не подлежат рассмотрению в порядке кассационной инстанции в Конституционном Суде РФ. Характеризуя особенности деятельности конституционных судов, нельзя не учитывать особую правовую природу решений данных судов, особые правовые статусы участников конституционного судопроизводства, особые принципиальные основы такого правосудия.

Левин Владимир Владимирович — аспирант кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.
© Левин В. В., 2021

Конституционное судопроизводство, по сравнению с другими понятиями судопроизводства в сферах гражданско-правовой, уголовно-правовой, административно-правовой направленности, относится к категории новой, требующей дополнения со стороны правоведов, исследователей.

При проведении краткого сравнительного анализа направленности судопроизводств в сравнении с конституционным судопроизводством следует учитывать ряд положений.

1. Гражданское судопроизводство, исходя из анализа трудов процессуалистов цивилистической направленности, является процессом, который в своей организационной основе опирается на нормы гражданско-процессуального правового регулирования и выступает в качестве специфической совокупности действий процессуального характера. Последние находят правоприменительную природу в процессе взаимоотношений между субъектами и судами при разрешении споров, возникающих в результате гражданско-правовых отношений [1, с. 6]. В данном случае нельзя не обратить внимание на термин «исковое производство», который используют в цивилистике. Этот термин рассматривается с точки зрения его толкования как процесс деятельности суда (судьи), регулируемый нормами гражданско-процессуального права, в основополагающих побудительных началах которого находится иск о рассмотрении и дальнейшем разрешении спора о праве субъекта или о защите законных интересов, возникающих из семейных, трудовых или гражданских правоотношений, где одной из сторон выступает гражданин [1, с. 221].

2. Процесс уголовного судопроизводства, исходя из анализа исследований специалистов в данной области, в какой-то мере по своей процессуальной природе имеет сходство с гражданско-правовым аспектом производства. В трудах К. Ф. Гуценко уголовно-процессуальные взаимоотношения определяются как деятельность, регулируемая нормами уголовно-процессуального и уголовного права, которая может осуществляться органами предварительного следствия, дознания или прокуратуры и суда по вопросам, связанным с процессом раскрытия или профилактики преступлений, поиска и изобличения лиц, причастных к совершению преступления, с применением к данным лицам мер уголовного или иного правового воздействия; которая порождает правовые взаимоотношения между органами и лицами [2, с. 12–18].

3. В отношении административного правового судопроизводства ученые-исследователи данного правового направления оперируют двумя понятиями. К ним относятся «процесс» и «производство». Причем понятие «процесс» может толковаться как в широком, так и в узком смысле, а именно:

- деятельность, которая регулируется нормами административно-процессуального права, осуществляемая государственными органами управления и должностными лицами, направленная на разрешение вопросов административно-процессуальной направленности и носящая характер правоприменительной и правотворческой деятельности;
- деятельность, которая появляется в процессе разрешения индивидуальных дел, осуществляемая органами государственного управления по спорам, возникающим из данного вида правоотношений, а также рождающая определенные меры административного принуждения.

Кроме того, в своих работах ведущий исследователь в области административного права Д. Н. Бахрах указывает на процесс как на деятельность целенаправленного плана, в которой прослеживается ряд особенностей:

- особенности реализации властных полномочий представителями власти;
- направленность на получение юридического результата;

- особенности фиксации в официальных документах результатов промежуточных и окончательных итогов;
- полная регламентация со стороны норм права [3, с. 153–154].

К понятию «производство», по мнению исследователей, административисты обращаются в процессе привлечения к ответственности, в случаях по делам об административных правонарушениях. Кроме того, исследователи указывают на то, что под процессом понимается административное судопроизводство по делам, формирующимся из административных или публичных правоотношений, которое в соответствии с Конституцией РФ необходимо выделять как самостоятельную форму деятельности судебной власти. В итоге исследователи приходят к мнению о том, что производство по административным правонарушениям — это деятельность, регламентируемая нормами административно-процессуального характера, которая осуществляется правомочными органами и должностными лицами в отношении лиц, совершивших правонарушение в сфере административного права [4, с. 296–299].

Итак, возвращаясь к тематике «конституционного судопроизводства», следует подчеркнуть, что такой термин в нашей стране возник и стал развиваться вследствие изменений и дополнений в Конституции РСФСР, внесенных в Основной закон 15 декабря 1990 г., которые учредили институт Конституционного Суда РСФСР и закон о нем. Последний принят 6 мая 1991 г. [5].

В содержание Основного закона понятие «конституционное судопроизводство» внесено 24 мая 1991 г. посредством принятия закона «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР» [6]. В ст. 165 этого закона определено, что Конституционный Суд РСФСР является высшим судебным органом, осуществляющим полномочия судебной власти в формате конституционного судопроизводства и являющимся органом конституционного контроля.

Конституционному судопроизводству, по утверждениям исследователей, придают статус формально-юридического характера, под которым юристы-исследователи понимают определенный Конституцией РФ, Федеральным конституционным законом РФ и Регламентом Конституционного Суда специфический порядок или процедуру, направленную на изначальное рассмотрение и дальнейшее разрешение вопросов либо дел, относящихся к компетенции Конституционного Суда [7]. В исследованиях других ученых-юристов конституционное судопроизводство рассматривается как определенная специфическими нормами процессуально-правового характера совокупность действий процессуальной направленности и совокупность возникающих в этой связи правоотношений между определенными субъектами и Конституционным судом РФ в процессе рассмотрения и разрешения дел определенной категории, которые связаны с вопросами охраны конституционных начал РФ [8, с. 46–47].

Анализируя понятие конституционного судопроизводства, находим и мнения о том, что конституционное судопроизводство необходимо выделить в самостоятельную подотрасль конституционного правосудия, которое, в свою очередь, следует признать в качестве самостоятельной отрасли права, то есть размежевать отрасль конституционного процесса и отрасль материального права [9, с. 37–40]. Автор данной концепции говорит о том, что конституционный судебный процесс или конституционное судопроизводство — это система правовых норм, регламентирующих процесс урегулирования порядка рассмотрения дел в Конституционном Суде на основе принципов, стадий и особенностей рассмотрения отдельных категорий дел при таком судопроизводстве [9, с. 37–40]. В среде ученых-конституционалистов давно и неоднократно высказана идея о необходимости объединения процессуальных и процедурных конституционных норм в процессуальную отрасль

права, которая по аналогии с иными процессуальными отраслями должна именовать конституционным процессом [2, с. 15–28].

Существуют и в некоторой степени противоречивые выводы о тематике конституционного судопроизводства как одного из самостоятельных видов государственной власти в России [2, с. 16–28]. Так, в исследованиях Ж. В. Григорова представлен вывод о том, что конституционное правосудие — это один из видов контрольной деятельности суда, сопряженный с процессом отправления правосудия, заключающего в себе определенные специфические особенности, а именно [10, с. 28]:

- специфическую природу субъектов конституционного судопроизводства (конституционные суды);
- организационно-правовую обособленность от каких-либо других судов;
- определенную самостоятельную процессуальную форму судопроизводства конституционную;
- специфическую юридическую силу, равную нормам Конституции, принятых решений;
- особую природу правового регулирования процесса конституционного судопроизводства.

Изучая тематику правосудия и одновременно конституционного контроля, можно наблюдать разные мнения по данному вопросу. В одном случае исследователи рассматривают конституционное судопроизводство как объединение двух начал, которые по содержанию представляют собой конституционный контроль, реализующийся в формате судопроизводства. В итоге исследователи приходят к выводу о том, что это — один из самостоятельных видов государственно-властной контрольной деятельности, который реализуется в специфически направленной судебной процедуре [11, с. 73]. Проводя исследование в области конституционного судопроизводства как специфической сферы судебной деятельности, поддерживаем мнение правоведов-исследователей, представляющих понятия «конституционное правосудие» и «конституционный контроль» в качестве самостоятельных видов государственной деятельности и самостоятельных организационно-правовых форм судебной власти [12, с. 73, 108–109]. Сущность направленности деятельности Конституционного Суда РФ и деятельности конституционных судов других субъектов РФ состоит в виде конституционного контроля, а не в виде отправления правосудия по тому или иному делу.

В контексте особенностей конституционного судопроизводства как судебного института необходимо оговориться об особенностях процесса конституционного судопроизводства как деятельности судебной власти. Итак, исходя из отличительных особенностей (уставных) конституционных судов и судебных органов общей юрисдикции, можно утверждать, что последние осуществляют деятельность преимущественно в русле нормоконтроля и соответствия этих норм в первую очередь конституционным началам, независимо от того, являются ли данные нормы законом или нормативно-правовым актом органа высшей государственной власти (10 марта 2021 г. Конституционный Суд РФ отметил, что преступления террористической направленности не влекут безусловного лишения гражданства РФ [13, с. 39]).

Определение вынесено по запросу Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности ч. 2 ст. 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации». В частности, основанием для отмены решения о приобретении гражданства послужил установленный судом факт сообщения лицом заведомо ложных сведений об обязательстве соблюдать Конституцию РФ и законодательство РФ. Обвинительный приговор суда по делу о преступлении

террористической направленности приравнивается к факту сообщения заведомо ложных сведений, или это — нормы права, которые выработаны на уровне субъектов РФ либо органами местного самоуправления. Так, 31 мая 2021 г. Конституционный Суд РФ напомнил о том, что уставы муниципальных образований в части обнародования нормативных актов не должны противоречить федеральному закону. Дело о проверке конституционности положений п. 6 ч. 1 ст. 44, ч. 1 и ч. 3 ст. 47 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» об определении Уставом муниципального образования порядка официального опубликования (обнародования) и вступления в силу муниципальных правовых актов рассмотрено в связи с жалобой гражданина Ю. Г. Ефремова. Постановление основано на ранее вынесенных правовых позициях суда [14].

Однако полномочия (уставных) конституционных судов, связанные с отправлением конституционного судопроизводства, имеют более широкие «горизонты», в отличие от конституционного контроля, исходя из тех позиций, что контроль заключается в основном в установлении соответствия правового акта Конституции государства. В предметное же содержание процесса судопроизводства входят и особенности толкования норм конституции, норм закона, как соответствующих, так и не соответствующих Основному закону. К ведению судопроизводства относятся и вопросы импичмента главы государства. В частности, Конституционный Суд РФ дает заключение о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента РФ в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления (п. 5 ст. 3 Федерального конституционного закона № 1).

В сферу общих начал отправления конституционного судопроизводства и конституционного контроля включены вопросы проверок соответствия определенных нормативных актов требованиям Конституции РФ и вопросы об обращениях граждан в связи с нарушением их конституционных прав государственными органами власти. В частности, 29 апреля 2021 г. Конституционный Суд РФ разъяснил справедливый принцип оплаты услуг по отоплению мест общего пользования в многоквартирных домах. Дело о проверке конституционности абзаца третьего п. 421, п. 44 и п. 45 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, а также формулы 3 приложения № 2 к данным Правилам рассмотрено в связи с жалобой гражданки В. Н. Шестериковой. Постановление основано на ранее вынесенных правовых позициях суда [15].

Правовое регулирование конституционного судопроизводства на федеральном уровне регулируется нормами Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в субъектах РФ — нормами Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» и законами субъектов о конституционных (уставных) судах. Процедурные вопросы, в том числе ряд вопросов конституционного судопроизводства, урегулированы во внутренних актах органов конституционной юстиции — их регламентах [2, с. 26–28]. Иные суды РФ подобных актов не издают.

Процесс осуществления конституционного судопроизводства имеет направленные, поочередно сменяющие друг друга стадии. Порядок такой организации судопроизводства представлен в виде ограниченного перечня действий суда и иных участников судопроизводства, которые призваны решать правовую проблематику определенной направленности. Стадии и их порядок направлены на достижение цели вынесения Конституционным Судом РФ завершающего решения по конкретному делу, что позволяет окончательно разрешить конфликт конституционно-правовой направленности [16, с. 137].

Конституционное судопроизводство

Конституционное судопроизводство — процессуальная деятельность уполномоченных судебных органов по рассмотрению конституционно-правовых конфликтов	
Конституционный Суд РФ (КС РФ) — высший судебный орган осуществляющий контроль за соответствием законов и других нормативных актов Конституции РФ	
Источники	1. Конституция РФ 2. Конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» 3. Регламент Конституционного Суда
Основная цель КС РФ	Проверить, соответствуют ли Конституции РФ действия органов государственной власти и управления, в том числе в области законотворчества
Принципы судопроизводства	1. Независимость 2. Гласность 3. Состязательность 4. Коллегиальность 5. Равноправие сторон
Право на обращение в Конституционный Суд РФ	
Кто?	Характер вопроса
Только высшие органы власти Федерации и регионов	Вопросы о конституционности законов или иных актов, принятых органами власти Федерации и регионов, о разграничении полномочий между этими органами
Высшие органы законодательной и исполнительной власти Федерации и органы законодательной власти регионов	Вопросы о толковании Конституции РФ
Граждане и суды (Граждане — при условии нарушения конституционных прав и свобод применяемым законом)	Для проверки конституционности только закона, уже примененного или подлежащего применению в конкретном деле

Стадии прохождения дела в Конституционном Суде	
Обращение в суд	
Повод. Обращение в КС РФ в форме запроса, ходатайства или жалобы. Основание. Правовая неопределенность в вопросе соответствия Конституции РФ нормативных договоров, в понимании положений Конституции РФ.	
Предварительное рассмотрение секретариатом	
Возможные формальные несоответствия: обращение не подведомственно КС РФ; несоответствие формы требованиям закона; не оплачено государственной пошлиной.	
Предварительное рассмотрение судьями	
Назначение дела к слушанию и судьи-докладчика	
Судебные разбирательства	
Вынесение постановления	
Постановления КС РФ вступают в силу немедленно, являются окончательными и обжалованию не подлежат	

Рис. 1. Конституционное судопроизводство и его стадии

Выделяют следующие стадии судебного конституционного процесса:

- внесение обращения в Конституционный Суд РФ (или иной орган конституционной юстиции);
- предварительное рассмотрение обращения в Конституционном Суде РФ;
- принятие обращения к рассмотрению, отклонение;
- подготовка к судебному разбирательству;
- судебное разбирательство (или рассмотрение вне этой формы);
- совещание членов суда, голосование и принятие Конституционным Судом РФ итогового решения;
- провозглашение, опубликование и вступление в силу решения Конституционного Суда РФ;
- исполнение решения [9, с. 115–145], как показано на рисунке 1.

В конституционном судопроизводстве различия наблюдаются и в процессуальном статусе участников судопроизводства, и в субъектном составе. Часто, кроме случаев жалобы гражданина на предмет нарушения его конституционных прав, в судебном процессе принимают участие органы государственной власти. Кроме того, в отличие от производства иных судебных органов, в конституционном судопроизводстве представительство по должности (*ex ofitio*) могут осуществлять специально назначенные лица, к примеру, представитель Президента, Правительства РФ в Конституционном Суде и т. д. [2, с. 27]. Производство в Конституционном Суде РФ, в отличие от других судебных разбирательств, осуществляется только в единственной инстанции.

Итак, подводя итог, отметим, что природа принимаемых решений конституционных (уставных судов) существенно отличается от решений других судов. По правовой силе решения конституционных (уставных судов) носят характер правовой нормы, занимающей по юридической силе второе место после Конституции РФ и в негласном правовом поле выступающей источником права как прецедента, на который обращают внимание в своей практике иные суды, хотя в российской правовой системе прецедент как источник права не определен.

Литература

1. Гражданский процесс: учебник под ред. В. В. Яркова. М.: Бек, 2000. 597 с.
2. Цибульский В. В. Конституционное судопроизводство в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 180 с.
3. Бахрах Д. Н. Административное право: учебник. М.: Бек, 1996. 436 с.
4. Алехин А. П., Кармолицкий А. А. Административное право России: основные понятия и институты. М.: Зерцало-М, 2004. 762 с.
5. О Конституционном Суде РСФСР: закон РСФСР от 6 мая 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 29. Ст. 395.
6. Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР: закон РСФСР от 24 мая 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 22. Ст. 776.
7. О Конституционном Суде РСФСР: закон РСФСР от 6 мая 1991 г. № 1175-I // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 19. Ст. 621.
8. Кряжков В. А., Лазарев Л. В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. М.: Бек, 1998. 462 с.
9. Витрук Н. В. Конституционное правосудие: судебное конституционное право и процесс: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ, 1998. 592 с.
10. Григорова Ж. В. Конституционное правосудие в республиках — субъектах Российской Федерации (на примере Северного Кавказа): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 150 с.
11. Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1991–2001 годы). М.: Городец, 508 с.

12. Ржевский В. А., Чепурнова Н. М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М.: Юрист, 1998. 216 с.
13. Баглай М. В., Габричидзе Б. Н. Конституционное право Российской Федерации. М.: Инфра-М, 1996. 794 с.
14. Конституционный Суд РФ [Электронный ресурс]: офиц. сайт. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx> (дата обращения: 11.06.2021).
15. Всё о праве: информационно-образовательный юридический портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc117p/> (дата обращения: 10.06.2021).
16. Чепурнова Н. М. Судебный контроль в Российской Федерации: проблемы методологии, теории и государственно-правовой практики. Ростов-н/Д: Изд-во Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк, 1999. 222 с.

Контактные данные:

Левин В. В.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;
e-mail: zxy.2014@mail.ru.

Contact Details:

Levin V. V.: 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;
e-mail: zxy.2014@mail.ru.

Требования к оформлению рукописей статей, публикуемых в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Сведения об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, рабочий телефон и адрес электронной почты; должность, ученая степень, ученое звание, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В тексте номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежуток страниц приводится через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

The Basic Requirements to script submissions for publishers of ‘Sociology and Law’

1. Contents

- 1.1. Author's full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), office phone number and e-mail, position, degree, academic rank and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author's sheet (1 author's sheet includes 40,000 typographical units with gaps).

2.2. The text should be MS Word format:

- page size — A4;
- borders — 2 cm;
- type — Times New Roman;
- size — 14;
- line space — 1,5;
- paragraph indentation — 1 cm;
- text alignment — edgewise;
- page numbering — at the right bottom of the page.

2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.

2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using comas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].

3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).

4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).

4.3. The size of illustrations shouldn't be less than published in the article.

4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.

Уважаемые авторы и читатели журнала!

**Журнал «Социология и право» включен
в перечень российских рецензируемых научных журналов,
рекомендованных Высшей аттестационной комиссией
при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации
для публикации основных научных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук**

**Подписка во всех отделениях связи.
Индекс в каталоге АО «Почта России» — ПП620**

По вопросам приобретения обращаться в издательство СПбУТУиЭ
(812) 449-08-33, izdat-ime@yandex.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал
«Социология и право» обязательна

Сведения, касающиеся изданий и публикаций,
включены в международную справочную систему по периодическим
и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodical Directory"

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
доступный в сети Интернет по адресу <http://www.elibrary.ru> (научная электронная
библиотека). РИНЦ — база данных, содержащая библиографическую информацию,
извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы)

Руководитель издательско-полиграфического центра СПбУТУиЭ *О. В. Ярцева*
Выпускающий редактор *В. В. Салина*
Редактор-корректор *Е. С. Чулкова*
Компьютерная верстка *М. Ю. Шмелёв*

Учредитель издания:
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 449-08-33
E-mail: izdat-ime@yandex.ru
URL: <http://spbume.elpub.ru/jour>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-67818 от 28 ноября 2016 г. выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором).

Журнал издается с 2009 г.
Выходит 4 раза в год.

Сдано в набор 01.10.2021.
Дата выхода в свет 15.10.2021.
Формат 60×90^{1/8}.
Уч.-изд. л. 9,60. Усл. печ. л. 12,79.
Тираж 100 экз. Заказ № 604.

Свободная цена

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики